

МИХАИЛ ЧЕРНЕНКО

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУСТРАНИМЫ

МИХАИЛ ЧЕРНЕНКО

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУСТРАНИМЫ

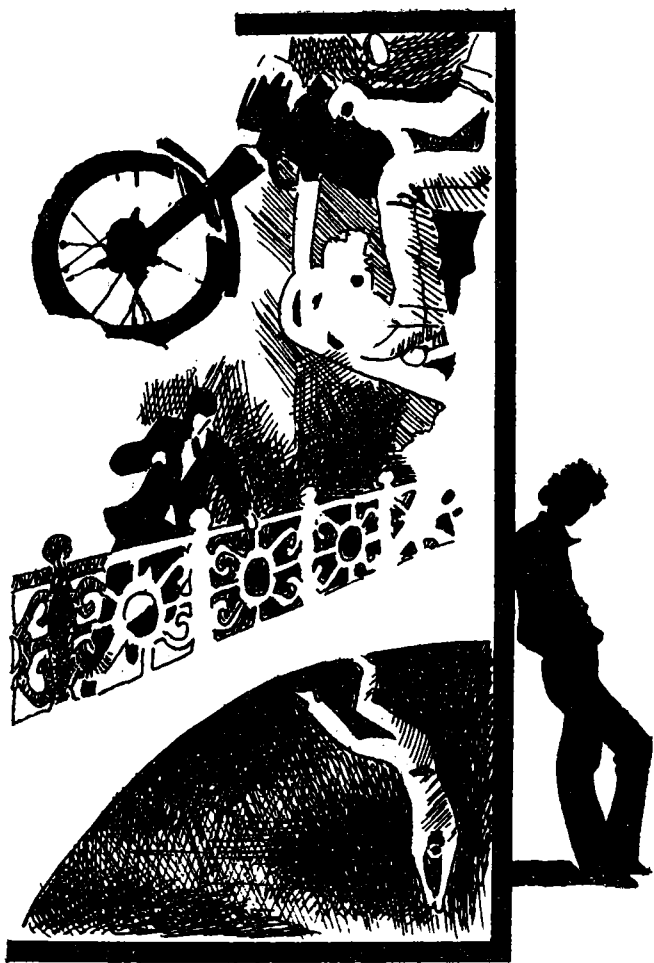
ПОВЕСТИ

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1984

84Р7
Ч—49

Ч $\frac{4702010200-054}{078(02)-84} 177-84$

**ЖЕСТОКОЕ
СЧАСТЬЕ**

1. ЗАПОНКИ «SEA LORD»

Июльское утро выдалось хотя и солнечным, но довольно прохладным. Начальник уголовного розыска Антон Бирюков, как всегда, пришел в райотдел за полтора часа до начала работы, чтобы на свежую голову, без суеты ознакомиться с оперативной сводкой происшествий. В дежурной части в это время обычно было спокойно. Однако на этот раз, едва открыв дверь дежурки, Бирюков догадался: случилось что-то серьезное. Кроме дежурного по райотделу, здесь уже находились следователь прокуратуры Петр Лимакин, судебно-медицинский эксперт Борис Медников, старший инспектор ОУР по делам несовершеннолетних — сам похожий на щупленького подростка — Слава Голубев, эксперт-криминалист капитан милиции Семенов и проводник служебно-розыскной собаки высоченный сержант Онищенко. Все молчали — старались не мешать разговаривающему по телефону дежурному. Голубев по-мальчишечьи глянул снизу вверх на рослого Бирюкова и прошептал:

— Дежурный пытался к тебе домой дозвониться, телефон не ответил...

— Что произошло? — тихо спросил Антон.

— В Заречном промтоварный магазин обворовали. Тебя да прокурора ждем, сейчас поедем.

Зная, что прокурор большей частью выезжает на происшествия, связанные с убийством, Бирюков нахмурился:

— Труп?..

— Колхозного сторожа, кажется, убили.

— Какое отношение имеет колхозный сторож к магазину?

— Пока неясно. — Голубев скосил взгляд на дежурного. — С нашим участковым инспектором из Заречного Эдуардом Востриковым разговаривает, а тот еще толком не разобрался.

Дежурный, закончив разговор, сказал проводнику служебной собаки:

— Тебе, Онищенко, с Барсом там делать нечего. Преступники на мотоцикле укатили.

Сержант прыгнул, чтобы не удариться макушкой о

притолоку, молча вышел из дежурной комнаты. Почти тотчас в дверях показался прокурор района — пожилой грузный мужчина в форменном пиджаке с петлицами.

— Едем, Антон Игнатьевич? — обратился он к Бирюкову. Заметив, что Слава Голубев тоже намеревается ехать с оперативной группой, спросил: — А ты зачем?

— Есть предположение, подростки кашу заварили, — вместо Голубева ответил дежурный. — Кстати, Семен Трофимович, участковый говорит, сторож пришел в сознание. Может, выживет...

— Дай-то бог...

Через полчаса желтый милицейский «уазик» быстро пропылил по центральной улице малолюдного села, широко разбросанного над речным крутояром, и остановился у приземистого деревянного магазинчика с вызывающе крупной вывеской «Промышленные товары». Возле крыльца стояли два бородатых старика, смуглая молодая женщина в клетчатом платье и одетый по форме курносый участковый инспектор с погонами младшего лейтенанта милиции. Бирюков первым из оперативников подошел к участковому.

— Что здесь, Востриков, случилось?

— Сорванцы, понимаете ли, в магазин проникли... — Участковый взглядом показал на выдавленное в оконной раме стекло, затем — на любопытно насторожившихся стариков. — Я понятых уже пригласил. — И перевел взгляд на женщину. — А это продавец, она же завмаг, Тоня Русакова.

— Потерпевший где?

— Сторожа?.. В медпункте. Кирпичом его оглушили. Хорошо, в теплой шапке был, а то бы насмерть...

— Он что, охранял магазин?

Востриков живо повернулся к заведующей магазином:

— Тонь, расскажи.

Русакова покраснела, но затараторила бойко:

— Сторожа у нас по штату нет. Магазин оборудован охранной сигнализацией. Колокол всегда исправно работал, а на прошлой неделе чего-то забарахлил — не включается, хоть разбейся! Я, конечно, понимаю: магазин без охраны оставлять нельзя. Доложила начальству в райпо и попросила своего свекра, чтобы ночью присматривал. Он тут, рядом, колхозный склад охраняет. Три ночи спокойно прошло, а сегодня вот...

— В магазин после случившегося не входили? — спросил прокурор.

— Ой, что вы! Нет, конечно... — Русакова кивнула в сторону участкового инспектора. — Эдик строго-на-строго запретил туда соваться до вашего приезда.

— Замок не поврежден?

— Нет, контролька цела.

Прокурор посмотрел на судмедэксперта Медникова:

— Борис, пока мы здесь разбираемся, сходи в медпункт. Может быть, сторожу помощь нужна.

Бревенчатый магазин был тесно заставлен радиоприемниками, телевизорами, велосипедами и холодильниками. Одну из стен занимали полки с эмалированными ведрами, тазами, мисками и кастрюлями. Между ними лежали слесарные инструменты. В углу возвышался большой ворох резиновых сапог и ватных телогреек. Рядом стояла секция вешалок с верхней одеждой, а у разбитого окна на длинном прилавке пестрели тюки разноцветных тканей. Примыкающая к окну часть прилавка была застеклена. Под стеклом лежали наручные часы, дешевые браслеты, цепочки с кулонами, броши, кольца и перстни с искусственными камешками. На полках за прилавком располагались галантерейные товары и парфюмерия. Все в образцовом порядке, и с первого взгляда не возникало даже мысли, что в магазине побывали воры.

— Ой, кажется, ничего не успели украсть... — обрадованно проговорила Русакова.

— Видать, своевременно Назар Гаврилыч пуганул воришек, — высказал предположение один из понятых, а другой, хмыкнув в седую бороду, авторитетно добавил: — Ясно дело! Гаврилыч — старый солдат. Знает, когда надо пугать, чтоб воры пятки салом смазывали.

Бирюков, рассматривая на полу за прилавком осколки оконного стекла, спросил Русакову:

— Вчерашнюю выручку не оставляли в магазине?

— Я вчера не торговала, — бойко ответила заведующая. — Целый день на базе райпо провела. Потом, как привезла полученный товар, выкладку стала делать.

— Что получили?

— В основном галантерейную мелочь да парфюмерию.

— Товаров повышенного спроса не было?

— «Дефицитов»?.. Разве только золоченые «лордовские» запонки стоимостью по двадцать пять рублей.

— Где они?

Заведующая с разрешения Бирюкова зашла за прилавок и выдвинула один из ящиков. Затем она торопливо принялась двигать ящик за ящиком, но, так и не обнаружив того, что хотела показать, растерянно заговорила:

— Нету запонок. Девятнадцать комплектов, в общей упаковке. Одну пару на витрину выставила, а остальные сюда, под прилавок... Тут была и бутылка французского коньяка «Камю». У знакомого товароведа на базе выпросила. Мужу на день рождения...

Бирюков посмотрел на витрину прилавка, где среди прочих украшений заметно выделялась раскрытая импортная коробочка с желтыми запонками. На ее атласной подкладке под рисунком короны синела английская надпись «Sea Lord».

— Коньяка тоже нет? — спросил Бирюков.

— Нету.

— Что еще, на ваш взгляд, исчезло?

Русакова сосредоточенно наморщила лоб, долго рассматривала полки.

— Затрудняюсь сказать...

В присутствии понятых осмотр продолжался около часа и ничего утешительного для оперативной группы не принес. Случившееся напоминало банальную кражу. Повод к размышлениям давали всего лишь два факта. Их-то и решил выяснить Бирюков.

— Тоня, если бы охранный сигнализация была исправна, смог бы преступник проникнуть в магазин через окно? — спросил он заведующую.

— А почему бы нет? — удивилась Русакова. — Есть такие спецы — любую сигнализацию отключат.

— В вашем магазине никаких признаков отключения мы не обнаружили. Значит, о неисправности сигнализации было известно тому, кто сюда лез...

— А черт его знает! — вдруг вспыхнула завмаг.

— Давайте рассуждать дальше... — спокойно продолжил Бирюков. — Забравшись в магазин, преступник сразу открыл ящик, где находились запонки и бутылка коньяка...

— Может, он случайно на этот ящик наткнулся.

— Может быть. Но, согласитесь, слишком уж подозрительна такая случайность.

Русакова вроде бы растерялась:

— Что вы имеете в виду?

— Кражу совершил кто-то из осведомленных...

— Например?...

— Например, тот, кто вчера заходил в магазин, когда вы делали выкладку товаров.

— Кроме мужа, который помогал мне, в магазине никого вроде бы не было. Если его подозреваете, то как же он своего отца чуть не убил?..

Бирюков встретился с Русаковой взглядом:

— Тоня, мне надо знать: кто заходил в магазин, когда вы с мужем делали выкладку товаров? Вчерашний вечер был душным, дверь магазина наверняка вы открыли настежь. Так?..

— Ну так.

— Вспомните: может, кто-то заглядывал...

Заведующая тяжело вздохнула и принялась вспоминать вчерашних посетителей. Русакова припомнила троих механизаторов, колхозного зоотехника и звеньевоего кукурузовода. Все они «не вызывали ни малейших подозрений». После этого вспомнила, что пятиклассник Шура Востриков — братишка участкового инспектора Эдика — заглядывал в магазин и спрашивал: «Теть. Тонь, новых лобзиков для выпиливания не привезли?»

— Что ему ответили? — спросил Русакову Антон.

— Сказала: «Нет, Шурик, в следующий раз привезу».

Антону показалось, что заведующая умышленно вспоминает не тех, кого надо, и он снова задал вопрос:

— Кто из подростков еще заглядывал?

— Еще два парня заходили. Нельзя сказать, что подростки, но молодые. Ненашенские они, не из Заречного.

— Как выглядят?

— Одному, наверное, лет семнадцать, от силы — восемнадцать. Высокий, симпатичный, в новеньких штатских джинсах.

— В американских, что ли?

— Ну. Я сразу заметила — такие джинсы редко на ком из деревенских увидишь. И рубашка тоже американская. Синяя, с короткими рукавами.

— А другой что за парень?

— Другой — среднего роста. Годами постарше. Вертлявый, разговорчивый. Выпивши был... Одет простецки... Белая футболка на нем была с картинкой и надписью «Ну, заяц, погоди!».

— Что они хотели купить?

— Тот, который в джинсах, спросил: «У вас сигареты «Мальборо» есть?» Я ответила, что сигаретами в продуктовых торгуют... — Русакова притихла и вдруг ожилилась. — А другой — верно ведь! — коробку с «лордовскими» запонками увидел на прилавке и стал прицеливаться. А я убрала коробку и сказала, что торговать буду завтра... Парни сели на мотоцикл и уехали.

— Кто из них управлял мотоциклом?

— Который в джинсах.

— А мотоцикл какой?

— Без коляски. Толком через окно не разглядела.

— Об охранной сигнализации разговора не было?

— Нет, — поспешно ответила Русакова.

Бирюков посмотрел ей в глаза:

— Тоня, говорите правду...

Заведующая потупилась:

— Откровенно признаться, парень в футболке сразу показался мне подозрительным. Чтоб припугнуть его, я так это... между прочим, сказала мужу: «Знаешь, Миша, сегодня сторожу новых патронов к ружью привезла». А муж-то не понял, к чему это, и проворчал: «Ты давай-ка лучше начальство тереби, чтобы сигнализацию наладили».

— М-м-да, — с досадой обронил Бирюков.

В магазин заглянул Слава Голубев:

— Антон Игнатьич, Боря Медников сторожа из медпункта привел...

2. В ЦИРКЕ ПО КАНАТУ ХОДЯТ...

Колхозный сторож Назар Гаврилович Русаков оформился на пенсию два года назад, но поскольку здоровьишко у старика еще было, то он продолжал охранять по ночам зернофуражный склад. Село Заречное располагалось в стороне от магистральной дороги. Воровством здесь не грешили. Поэтому, когда сноха попросила Назара Гавриловича присмотреть за магазином, старик без всяких яких согласился.

В последний вечер перед дежурством Русаков почувствовал в правом плече «засевший от войны» осколок. Так бывало каждый раз при резкой перемене погоды от устойчивой жары к дождю. Опасаясь, не застудиться бы ночью, Назар Гаврилович, несмотря на июль, нахло-

бучил кроличью шапку и прихватил из дому брезентовый плащ.

Ночь выдалась не по-летнему хмурой. Правда, брызнувший с вечера дождик скоро перестал, однако сизовато-серые облака затянули небо так плотно, что не проглядывало ни единой звездочки. Привычно поправляя сползающий с плеча ремень двустволки, Назар Гаврилович прохаживался между магазином и складом. Заречное постепенно засыпало. Около полуночи Русаков присел на чурбачок у складских ворот. Неожиданно в ночной тишине послышался треск приближающегося от околицы мотоцикла. Сторож прислушался, и ему показалось, будто у магазина мотоцикл заглох. Назар Гаврилович тяжело встал. Стараясь шагать потише, двинулся к магазину. Внезапно из темноты возник высокий парень и хрипловато спросил:

— Батя, закурить не найдется?

Русаков сдернул с плеча двустволку.

— Ну-ка, топай отсюда!

Парень испуганно отскочил в сторону и скрылся в темноте. Русаков настороженно подошел к магазинному крыльцу, напряг зрение. Возле стены стоял мотоцикл, а в оконной раме как будто бы чернела дыра. Старик не успел еще сообразить, что предпринять, как земля рванулась из-под ног и стремительно опрокинула его навзничь...

— Это ж он, окаянный, кирпичом по голове меня огрел, — с обидой проговорил Русаков, снял с забинтованной головы шапку и протянул ее Бирюкову. — Во, глянь, сынок, тут даже кирпичный след остался.

Бирюков внимательно осмотрел на шапке мех — в нем действительно застряли буроватые крупинки раскрошившегося кирпича. Притихшие старики понятые переглянулись. Один из них назидательно вымолвил:

— Тебе, Назар Гаврилыч, надо бы немедленно по ворюге дробью пальнуть!

— Легко, Григорыч, такое сказать... — Русаков сплюнул. — Если б, к примеру, на войне фашист предстал передо мной, одним разом его на тот свет отправил бы. А тут же, чую, наш парнюга... Разве поднимется рука в своего человека заряд выпустить?..

— Ясно дело! — солидным басом изрек другой старик и ухмыльнулся в седую бороду. — Вот, ядрена шишка, этот парнюга по-свойски и раскровил тебе голову.

Сторож махнул рукой — что, мол, после времени пустое обсуждать. Бирюков, возвращая ему шапку, спросил:

— Дальнейшее не помните?

— Ну, как же! Помню. Окончательно-то сознание потерялось после выстрела. Чтобы тревогу поднять, дуплетом бабахнул... — Назар Гаврилович болезненно сморщился. — От выстрела, можно сказать, и мозги отключились. Ружейный приклад так по больному плечу ударил, что... очухался в медпункте.

Дальнейшее, со слов Русакова, произошло «как в кино». После удара кирпичом сторож быстро пришел в себя. Парень, который просил закурить, уже сидел на трещащем мотоцикле. В тот же миг из магазинного окна вывалился малый в белой майке. Накинув на плечо ремень спортивной сумки, он одним прыжком плюхнулся на заднее сиденье мотоцикла. Мотоцикл вильнул было к дороге, но, когда Русаков во весь голос закричал: «Стой! Стрелять буду!», на полном газу рванулся напрямик через пустырь, где метрах в пятидесяти от магазина протянулся длинный овраг. Проехать там было невозможно, и Назар Гаврилович ожидал, что мотоциклисты повернут назад, однако, к его изумлению, те перемахнули овраг, как будто по мосту. И вот после этого Русаков для острстки пальнул им вслед разом из обоих стволов.

— Похоже, мы со следователем напрасно сюда приехали, — сказал Бирюкову прокурор. — Преступление, как говорится, по вашему ведомству...

Бирюков молчал. Он посмотрел на пустырь, за которым сейчас, в дневное время, был хорошо виден размытый ливневыми водами овраг, и спросил Русакова:

— Каким же образом, Назар Гаврилович, мотоциклисты перепрыгнули эту ямищу? На крыльях, что ли?..

Сторож развел руками:

— Там, вообще-то, рельса лежит, но если соображать с умом, то проехать по ней не всякий циркач сможет...

Все пошли к оврагу. Ширина его, как прикинул на глазок Бирюков, была не меньше пяти метров, а глубина — около двух. Когда-то через овраг был перекинут пешеходный мостик. Теперь же от него остался лишь кусок железнодорожного рельса, лежащего основанием вверх и вдавленного концами в землю. Антон достал из кармана миниатюрную рулетку, присел на корточки и

замерил ширину рельсового основания. Показывая Голубеву тринадцатисантиметровую отметку, спросил:

— Можно по такой нитке ночью проехать на мотоцикле?

— А что?.. — оптимистично ответил Слава. — В цирке и по канату ходят...

— Придется этих «циркачей» искать. Кстати, один из них носит американские джинсы... — Бирюков повернулся к заведующей магазином. — Тоня, а фирму джинсов на том парне не заметили?

— На карманчике рубашки «Рэнглер» было написано, — ответила завмаг. — По-моему, и джинсы той же самой фирмы.

— А второй парень, значит, в белой футболке?

— В белой... Только не с зайцем — такие у нас продавали, а с волком, как в мультиках.

3. ПОТЕРЯННАЯ ТУФЛЯ

Когда вернулись из Заречного в райотдел, Слава Голубев прежде всего занялся картотекой типичных происшествий. Выудить ничего не удалось. Слава вздохнул и стал припоминать знакомых подростков, которые лихачили на мотоциклах. Среди состоявших на учете в инспекции по делам несовершеннолетних такие молодчики были, но, насколько знал Слава, никто из них не имел импортных джинсов, тем более еще и рубашки. Не доводилось ему встречать в райцентре и парня в футболке с нарисованным волком.

Бесплодно поразмыслив, Голубев взялся за телефон и по памяти набрал номер. Когда в трубке послышался голос директора Дома культуры, скороговоркой сказал:

— Люда, это Слава Голубев. Привет.

— Здравствуй, Славочка.

— Люд, сегодня будут танцы?

— Конечно. А что?

— Хочу посмотреть, как мои подшефные танцуют.

— Несовершеннолетних мы на площадку не пускаем.

— Паспорта при входе спрашиваете?

— Зачем? Их по внешности видно.

— Слушай, Люд, ты не видела среди подростков такого парня, который носит американские джинсы и рубашку с этикетками «Рэнглер»?

— Мне, Славочка, некогда этикетки рассматривать, с оркестровкой замаялась. Приходи, сам увидишь.

— Спасибо, радость моя, приду.

Огороженная высокими синими рейками летняя танцевальная площадка располагалась в густой тополевой роще, рядом с полузаросшим озером и высоким старинным мостом через речку, пересекающую райцентр. Вечерами здесь гремела музыка. Энтузиасты самодеятельного ансамбля в поте лица выколачивали из немудреных электромузыкальных инструментов модные джаз-ритмы, а залитая светом люминесцентных ламп танцплощадка в это время походила со стороны на встревоженный муравейник.

Одетый в штатское Слава Голубев появился возле летнего места отдыха районной молодежи еще засветло, когда музыканты во главе с энергичной худенькой директором Дома культуры отлаживали свистяще-хрипящую «оркестровку». Слава издали понаблюдав небольшую очередь у кассы и, не приметив интересующих его лиц, прошел к заросшему тальниковыми кустами берегу. Отсюда хорошо была видна не только билетная касса, но и вход на площадку. Постепенно очередь у кассы стала расти. Купившие входные билеты разбредались парочками по сумрачным аллеям среди тополей.

Недалеко от берега, на низенькой скамейке под кустами, несколько подростков лет по одиннадцати-двенадцати, чуть не уткнувшись друг в друга носами, оживленно о чем-то разговаривали. Над головами мальчишек вился сизоватый дымок. Голубев тихо подошел к ним и внезапно спросил:

— Какую отраву курим, мужики?

— «Космос»... — растерянно ответил один из подростков — черноголовый, с большими карими глазами, и мигом придавил ногой окур.

— Ого! Семьдесят копеек пачка. Где такие деньги взяли, аристократы?

— По десятничку сбросились.

— А потом по рублю на бутылку станете бросать?

Почувствовав неладное, мальчишки со всех ног брызнули в разные стороны. Лишь черноголовый ошеломленно остался сидеть на скамейке. Голубев подсел к нему.

— Тебя как зовут?

- Борька.
- А фамилия?
- Муранкин.
- Родители кто?
- Папка в прошлом году умер, а мамка на железнодорожном вокзале мороженым торгует.
- В каком классе гранит науки грызешь?
- Нынче в пятый пойду.
- Хорошо учишься?
- В основном трояки...
- Вот видишь... — Слава показал на раздавленный окурок. — Задымил себе голову и маешься. Чем курить, лучше бы книжки читал. Или пошел бы в Дом пионеров, записался в какой-нибудь кружок. Знаешь, какие там отличные кружки?
- Знаю, я в фотографический ходил. Почти две недели. А как банка с проявителем нечаянно разбилась, меня выгнали.
- Ну, Борис, не повезло тебе, — посочувствовал Слава и сразу спросил: — Сами сигареты покупали?
- Самим нам не продают... Васек купил.
- Кто такой?
- Студент. К тете Марусе Данильчуковой приехал.
- А кто такая тетя Маруся?
- На нашей улице живет, на Заводской.
- Вы просили Васька купить вам курева?
- Он сам догадался. Увидал, что мы у табачного киоска тремся, и говорит: «Что, шнурки, курить хочется? Давайте деньги». Мы по десять копеек ему собрали, а он нас обманул. По одной сигаретке только выдал, а пачку себе забрал.
- Чего же так?
- Вредно курить, сказал.
- Молодец Васек. Воспитатель! — Слава покачал головой. — Он здесь, наверное? На танцы пришел?
- Ушел уже.
- Топай-ка и ты, Боря, домой. И запомни: курить действительно вредно.

Мальчишка угрюмо кивнул, вскочил со скамейки и задал стрекача по аллее к Заводской улице. Голубев посмотрел на часы — приближалось начало танцев. Молодежи возле площадки заметно прибавилось. Мелькнуло несколько футболок с нарисованными зайцами, но «волка» не было видно. Неторопливо обогнули площадку знакомые Славе дружинники. Затем как из-

под земли вынырнули сразу три парня в джинсах. Голубев прошелся мимо них и невооруженным глазом определил продукцию местного промкомбината, хотя на одних из джинсов без зазрения совести была пришлепнута затертая этикетка фирмы «Монтана».

С каждой минутой оркестр начинал звучать слаженнее. Ровно в девять под его тоскующий аккомпанемент пухленькая юная певичка с распущенными волосами, чуть не целуя микрофон, ностальгическим голосом затянула:

Я еще не успела испить свою осень,
А уже снегопад сторожит у ворот...

Это явилось своеобразным сигналом к началу танцев. У входа на площадку тотчас создалась толкучка — по необъяснимой причине всем почему-то захотелось пройти через узкую калитку одновременно. В дело вмешались дружинники. Созерцая оживленную толпу, Голубев обратил внимание на стройную нагло-красивую девицу в ярко-оранжевом батнике и в джинсах явно не промкомбинатовского изготовления. Девушка бесцеремонно оттолкнула плечом белобрысого парня в футболке с зайцем, решительно прорвалась мимо дружинников на танцплощадку и заметалась по ней, словно пойманная в клетку птица. Сделав несколько стремительных зигзагов среди топчущихся на одном месте пар, тут же бросилась назад, к выходу. С разбегу наскочила все на того же белобрысого «футболиста», опять двинула его плечом. «Полегче, корова!» — оскорбился парень. «Заткнись, деревня!» — громко огрызнулась девушка, убежала за ограду площадки и нервно огляделась. Выражение ее лица при этом было таким, как будто она срочно кого-то искала.

Голубев подошел к дружинникам. Показывая взглядом на девушку, спросил:

— Кто такая?

— Приезжая краля, — ответил один. — Вторую неделю здесь с каким-то пареньком вихляется, тоже не из наших.

— Как тот паренек выглядит?

— Современный, в импорте.

— Какой фирмы «импорт»?

— Кто его знает.

Слава опять скосил глаза на девушку:

— Нервничает чего-то...

— Винцом от нее пахнет, — сказал дружинник. — Выпила и психует.

Девушка с трудом выдернула из заднего кармана джинсов яркую пачку сигарет, демонстративно закурила и, чуть покачиваясь на высоких каблуках, удалилась в затененную аллею.

Из динамиков грянула магнитофонная запись джаз-музыки, и старенький пол танцевальной площадки застонал от дружного топота молодых ног.

Выяснив у дружинников, что вертлявый парень в футболке с нарисованным волком ни разу не попадался им на глаза, Слава Голубев принялся бродить по аллеям. Летний вечер быстро угасал. Призрачным светом над площадкой вспыхнули люминесцентные лампы. В аллеях сразу потемнело. У приречных кустов Слава вспугнул целующуюся пару. Подошел к скамейке, на которой перед началом танцев беседовал с курильщиком Борькой, устало сел и принялся обдумывать различные предположения. Место было укромным, затишливым. От реки веяло прохладой.

Неожиданно из кустов послышался злобный, сквозь сжатые зубы, голос: «Шлюха!» В тот же миг раздался звук пощечины. «Кошка! Гадина!» — Голос по-мальчишечьи сорвался на дискант. Пощечины посыпались одна за другой...

Голубев бросился к кустам. С разбегу ворвавшись в темноту, он ничего не успел разглядеть — кто-то сильно ударил кулаком в лицо. Слава мячиком отлетел назад. Мгновенно вскочив на ноги, приготовился отразить очередной удар, но сквозь гулкий звон в ушах запоздало услышал удаляющийся топот. Сразу кинулся вдогонку, однако быстро сообразил, что в темном лабиринте кустов погоня — бессмысленное дело.

Левую скулу, казалось, прижгли раскаленным железом. Слава приложил к больному месту носовой платок. На платке отпечаталось темное пятно крови. Злясь на свою опрометчивость, стал выбираться из кустов. Внезапно наступил на что-то упругое и поднял с земли женскую туфлю на высоком каблуке.

От танцевальной площадки, заглушая музыку и голос певички, доносился ритмичный гул отплясывающих «Желтоглазую ночь». Уставшая за вечер директор Дома культуры, когда Голубев подошел к ней, испуганно всплеснула руками:

— Славочка!.. Это кто тебя так?..

— Пусть не лезут, — мрачно отшутился Слава и протянул туфлю. — Объяви, Люда, через микрофон. Может, найдется хозяйка этого башмачка...

4. «ДИКАЯ КОШКА»

Через распахнутое настежь окно утренний воздух мигом наполнил небольшую холостяцкую квартиру Бирюкова прохладной свежестью. Чтобы размяться после сна, Антон вместо гимнастики по привычке взялся за двухпудовку. Сначала правой рукой, затем левой выжал гирю по пять раз, вымылся холодной водой до пояса и, заварив крепкий чай, сел завтракать. Настроение со вчерашнего дня было неважное. Думалось об одном и том же — о краже в Заречном. Сама по себе кража не являлась сногшибательным делом, но возникало опасение, что расследование осложнится, так как воры не оставили на месте происшествия ни единой существенной улики. Правда, заведующая магазином как будто запомнила подозрительного парня в футболке и его дружка в импортных джинсах, однако все это могло оказаться чистой случайностью, и тогда...

Сосредоточиться помешал телефонный звонок. Бирюков, дожевывая бутерброд, ответил и услышал встревоженный голос дежурного по райотделу:

— Антон Игнатьевич, в озере, которое через дорогу от танцплощадки, труп женщины обнаружен. Оперативная группа сейчас туда направляется. За тобой заезжать?..

Настроение Бирюкова еще больше ухудшилось. Он машинально глянул на часы — стрелки показывали восемь утра.

— Не надо. Своим ходом доберусь...

Озеро заросло у берега желтыми кувшинками. От железнодорожного вокзала к тополевой роще и синеющей между тополями танцевальной площадке вел через реку пешеходный мост.

Много лет назад со стороны рощи брали из озера воду пожарные машины. С той поры сохранился заросший травой подъезд да гнилой дощатый настил на почерневших от времени столбах. Он уходил метров на

семь от берега. У этих столбов и обнаружили труп. Женщина в оранжевом батнике и джинсах, широко распластав руки, лежала на воде лицом вниз, как будто упала или ее столкнули с пожарного настила. Над озером дымился жиденький утренний туман. Мирно цвели кувшинки, и не верилось, что в таком месте, на мелко-воде, можно утонуть.

— Лодку ждем, — сказал подошедшему Бирюкову районный прокурор. — С настила не достать... — И хмуро добавил: — Второй день подряд начинаем с происшествий...

Антон покосился на собравшуюся у озера толпу любопытных.

— Осмотр сделали?

Прокурор утвердительно кивнул. Стоявший рядом с ним следователь Лимакин раскрыл портфель и достал почти новую коричневую дамскую туфлю с правой ноги.

— Вот нашли у пожарного настила. Размер тридцать шестой, фирма «Олимпия»... На настиле — небольшое пятно засохшей крови и вот это...

Лимакин достал из портфеля разорванную пополам фотографию паспортного формата. Антон осторожно, чтобы не оставить на лицевой стороне отпечатки своих пальцев, сложил половинки. Со снимка смотрело совсем юное девичье лицо с игривым прищуром четко подкрашенных глаз и загнутыми вверх, как у куклы, ресницами. На обороте фотографии мелким округлым почерком было написано: «Любимому Ваську — от «Дикой кошки». Такой кисой была я в 16 лет».

Толпа у озера ширилась прямо на глазах. Со стороны улицы Заводской подошли два пожилых мужчины: один — высокий, подстриженный под бокс, другой — низенький, розоволицый, с белесым пушком на обширной лысине. К ним вскоре присоединился шофер остановившегося молоковоза — широкогрудый коренастый парень. Все трое закурили, исподтишка поочередно глянули на Бирюкова и стали заговорщицки о чем-то шептаться. Шофер показался Бирюкову знакомым. Антон начал было припоминать, но тут наконец принесли складную охотничью лодку, и ему, по просьбе следователя, пришлось проявить свои «мореходные» способности. Антон, загребая веслом, подплыл к труп. То ли от озерной сырости, то ли от нервного напряжения по спине пробежал озноб. Пересиливая похожее на брезгливость чувство, Бирюков взялся за ворот батника.

Упираясь веслом в дно озера, подтянул труп к берегу. Когда утопленницу повернули, толпа приглушенно ахнула.

— Господи! Молодая-то... — произнесла седенькая женщина.

Лицо утопленницы действительно было почти юным. Короткие, пепельного цвета волосы слиплись. На веках расплылась от воды зеленоватая краска теней. Мокрые джинсы плотно обтягивали стройные босые ноги с вишневыми пятнами покрашенных ногтей. Таким же цветом были покрашены ногти худеньких рук. На шее желтела цепочка с золотым крестиком.

Прокурор строгим голосом попросил сгрудившуюся толпу отойти. Следователь Лимакин шепнул на ухо Бирюкову:

— Разорванная фотография ее...

Бирюков показал на красно-синюю джинсовую этикетку с кошачьей лапой:

— Шотландская фирма «Вилд Кэт»... «Дикая кошка»...

— Отсюда прозвище?

— По всей вероятности.

— В заднем кармане джинсов что-то лежит. Посмотри, а?..

Антон присел на корточки, слегка повернул труп и достал из кармана смятую пачку «Мальборо» с размокшими сигаретами. Затем извлек небольшую газовую зажигалку. Опуская их в подставленный следователем целлофановый пакет, сказал:

— Больше ничего нет.

— «Олимпия», похоже, с ее ноги. Вторую бы туфельку поискать... Может, в озере осталась, — словно попросил следователь.

Бирюков направился к лодке. Он доплыл до того места, где была обнаружена утопленница, и стал потихоньку раздвигать листья кувшинок. Темнеющее совсем на небольшой глубине дно сквозь зеленоватую озерную воду просматривалось достаточно хорошо, но, сколько Антон ни старался, туфлю найти так и не смог.

Когда Бирюков вернулся на берег, утопленницу уже отправили в морг, а толпа любопытных растворилась — люди спешили на работу. Укатил на своем молоковозе шофер, показавшийся Антону знакомым. Судмедэксперт Борис Медников и криминалист Семенов уехали в машине с районным прокурором. Лишь следователь Лима-

кин разговаривал со стриженным под бокс высоким мужчиной. Рядом стоял розоволицый мужичок. Антон подошел к ним. На вопрос следователя — не нашлась ли туфля? — отрицательно крутнул головой. Лимакин вздохнул:

— Оказывается, Антон Игнатьевич, потерпевшая жила у некой Галины Тюменцевой по улице Заводской, недалеко отсюда. — И посмотрел на высокого мужчину. — Товарищ вот говорит...

Мужчина повернулся к Бирюкову:

— Исаков моя фамилия. Живу в соседях с Тюменцевой и эту девушку, что утонула, несколько раз с Галиной видел. На прошлой неделе, кажется, она здесь, в райцентре, появилась. Не то родственница Галине, не то подруга. Часто на мотоцикле с молодым пареньком каталась.

— Как тот паренек выглядит? — спросил Антон.

— Совсем юноша... Волосатый... Одет прилично...

— Брюки какие?

— К брюкам не приглядывался.

— А эта... Тюменцева кто?

— Молодая деваха, лет двадцати. Муж ее бывший, Сергей, на одной машине со мной и Павлом Моховым работает, потому как у нас, на гормолзаводе, трехсменка у шоферов. — Исаков глухо кашлянул в кулак. — К слову, привет вам от Павла Мохова. Помните, который магазин у Сельхозтехники оборовал, когда пьяница Гоганкин с перепугу помер?..

Это было уголовное дело пятилетней давности, и Бирюкову сразу вспомнилось, где его сводила судьба с широкогрудым коренастым шофером молоковоза. Стараясь сообразить, к добру или худу переданный привет, спросил:

— И как теперь Павел?

— Образумился, дельным человеком стал. Пока наказание отбывал в исправительно-трудовой колонии, на шофера выучился. Теперь сменщиком у меня. — Исаков вроде бы ни с того ни с сего положил ладонь на плечо стоящего рядом с ним розоволицего мужичка. — А это Виктор Андреич Суржиков, сосед мой. Тоже шоферил...

— Гаишники незаконно у меня права отобрали, — тонким голоском сказал розоволицый.

— погоди, Андреич, дай мне докончить, — оборвал Исаков. — В общем... Ночью его самосвал в угол моего

дома врезался. К слову, дом и машина давно уже в порядке, а Андреич без работы продолжает оставаться.

Бирюков воспользовался паузой:

— С подобными вопросами надо к начальнику ГАИ капитану Филиппенко обращаться.

— Да обращались мы к нему — слушать не хочет. — Исаков откашлялся. — Вот тут Павел Мохов и надоумил. Увидел, как вы утопленницу из озера доставали, и говорит: обращайтесь, дескать, мужики, к начальнику районного угрозыска товарищу Бирюкову. Если он возьмется за это дело, то раскрутит до полной ясности, и водительские права Андреичу ГАИ возвратит. Дескать, в данном конкретном случае — так Павел высказался — отсутствует состав преступления, потому как в момент наезда Андреич самосвалом не управлял.

Антон улыбнулся:

— Я ведь, товарищи, не самовольно решаю, за какие дела братья.

— Да дело-то выеденного яйца не стоит, — пробасил Исаков. — Если б Филиппенко не уперся в ту проклятую стопку, которую, на свое несчастье, выпил с родственниками Андреич, то наверняка действительных виновников наезда можно было бы отыскать.

— Нетрезвым за рулем находились? — спросил Суржикова Бирюков.

Суржиков даже приподнялся на цыпочки:

— Не был я за рулем! Истинный бог, не был! Пацаны хотели машину угнать, а рулевое управление у моего ЗИЛа тугое. Силенок не хватило поворот вывернуть, и запахались сморчки в угол дома. Когда ГАИ приехала, пацаны удрать успели. Тут, понятно, все шишки на меня посыпались.

Суржиков погладил ладонью пушок на лысине и стал подробно обсказывать, как это произошло. В среду на той неделе рано утром ему предстоял рейс в Новосибирск. Чтобы не тащиться спозаранку до автохозяйского гаража, он договорился с главным механиком, что оставит машину на ночевку у своего дома. Вечером приехал домой, а там гости: сестра с мужем из Крыма прилетели — десять лет с ними не виделся. Сели за стол, по рюмочке выпили. Когда на дворе окончательно затемнело, пацаны ЗИЛ завели и на соседний дом наехали.

— Почему решили, что непременно подростки хотели угнать машину? — спросил Антон. — Видели их?

— Видеть не видел. Но кому больше машина нуж-

на? — удивился Суржиков. — А гаишники приехали, сунули пробирку мне ко рту: «Ага! Выпивши!» И права забрали.

— Это малолетки нашкодили, — решительно сказал Исаков. — Разве не знаете, как современная молодежь к технике рвется? Далеко за примером ходить не надо. Позапрошлой ночью на нашей Заводской у той же Галины Тюменцевой новенький мотоцикл «Восход» из гаража угнали. Накатались сколько душа просила и за огородами бросили.

— Что-то не слышал я об этом угоне, — сказал Бирюков.

— Галина, по-моему, не сообщала в милицию. Мотоцикл исправен. Всего лишь стекло стоп-сигнала разбили сорванцы да бензин сожгли.

— Кто обнаружил угнанный мотоцикл?

— Сама Тюменцева. Я вчера утром на смену шел. Смотрю, Галина катит вдоль улицы свою технику. Пришлось подмогнуть женщине...

Молча слушавший разговор следователь Лимакин сказал Бирюкову:

— Придется приглашать Тюменцеву в прокуратуру.

— Когда переговоришь с ней, направь ко мне, — попросил Антон.

— Может, вместе побеседуем?..

Бирюком посмотрел на часы:

— Через десять минут у нас оперативка.

— Товарищ начальник... А как же с моей бедой? Поможете ли восстановить справедливость? — чуть не со слезами спросил Суржиков.

— Пока ничего не обещаю, но с Филиппенко поговорю...

В отделе Бирюков появился за минуту до начала оперативного совещания. Когда он вошел к подполковнику Гладышеву, просторный кабинет показался тесным. Антон мельком оглядел присутствующих и понял, что совещание на сей раз будет расширенным.

— Что на озере? — сразу спросил начальник райотдела.

Бирюков стал рассказывать. Как только он упомянул оранжевый батник и джинсы на потерпевшей, скромно притулившийся в уголке на стуле Слава Голубев воскликнул:

— Игнатьич! Вчерашним вечером эта девица, весьма нетрезвая, крутилась возле танцплощадки...

Под левым глазом у Славы темнел лиловый синяк, а на скуле белела нашлапка лейкопластыря. Бирюков улыбнулся:

— Это не она разукрасила тебя?

— Служебное невезение, — с подковыркой вставил шеголеватый начальник ГАИ Филиппенко.

— Не всем же, Гриша, так крупно везет по службе, как тебе, — мигом отпарировал Слава.

Несмотря на серьезность совещания, сотрудники не смогли сдержать смех. В райотделе, пожалуй, не было человека, который бы не знал, как нынешней весной начальник ГАИ торопливо переходил дорогу, поскользнулся и попал под машину «Скорой помощи», после чего с загипсованной ногой больше двух месяцев отлежал в больнице.

— Поведай о своем невезении, — попросил Славу Антон.

Слава быстро пересказал события вчерашнего вечера. Закончил тем, что найденная в кустах туфля была фирмы «Олимпия», коричневого цвета, с левой ноги. Директор Дома культуры трижды объявляла через микрофон, но хозяйка туфли так и не появилась.

— Она, вероятно, и не появится, — сказал Бирюков. — Правая коричневая туфелька «Олимпия» сегодня найдена у озера. Размер ее совпадает с размером ноги потерпевшей. Ты где туфлю оставил?

— У директрисы Дома культуры, — ответил Слава. — Предупредил, чтобы без моего ведома никому не отдавала.

Антон повернулся к начальнику райотдела:

— Товарищ подполковник, пусть Голубев сейчас же принесет туфлю в прокуратуру Лимакину.

— Действуй, Голубев, — приказал подполковник, а Бирюков вслед уходящему Славе добавил: — И обязательно побывай на том месте, где тебе глаз подбили. Может, какие-либо следы там разглядишь...

Оперативное совещание шло больше часа. Последним обсуждался вопрос о краже из зареченского магазина. Уточняя показания сторожа о том, что преступники перемахнули на мотоцикле через овраг по рельсу, Бирюков спросил начальника ГАИ:

— Могли они, Гриша, такой трюк проделать?

Обиженный недавней колкостью Голубева, Филиппенко высокомерно усмехнулся:

— Насколько мне известно, в нашем районе мастеров такого класса нет.

— А если бы были?.. — настойчиво повторил Антон.

— Если бы да кабы...

Подполковник Гладышев нахмурил седые брови:

— Конкретнее, Григорий Алексеевич...

Высокомерие с лица Филиппенко исчезло.

— Конкретно, товарищ подполковник, по полотну шириной тринадцать сантиметров, да еще ночью, может проехать мотоциклист, имеющий природный талант вождения. По крайней мере мастера спорта звание надо иметь.

— У нас таких мастеров нет?

— Наши «мастера» по дороге толком проехать не могут.

Бирюков снова спросил начальника ГАИ:

— А кто из твоих инспекторов разбирался с автоприсутствием на Заводской? Сегодня ко мне обращались ответчик с потерпевшим. Говорят, автомашину подростки пытались угнать.

— Какие подростки! Водитель Суржиков лыка не вязал. Официальный протокол об этом имеется.

— Он утверждает, что всего одну стопку выпил.

— Другие на его месте, еле ворочая языком, пытаются доказать: «Т-только к-к-кружку п-пива!» — На лице Филиппенко появилось обиженное выражение. — Собственно, с какой стати угрозыск вмешивается в дела ГАИ? Своей работы не хватает?

Антон примиряюще улыбнулся:

— Не обижайся, Гриша, мне надо знать правду.

— Правда у Суржикова на физиономии написана. Будет тебе известно, такие розовые лица бывают только у алкашей. Неужели не понял...

— Внешность, как говорит Слава Голубев, может быть обманчивой.

— Очень вы с Голубевым умные, как я погляжу!..

5. СВИНЦОВАЯ ДРОБИНА

Невысокого роста, но плотная Галина Тюменцева выглядела старше своих двадцати лет. Лицо румяное, круглое, с чуть вздернутым носом. Копна желтоватых волос. Голубые глаза с сильно накрашенными веками

тревожно ускользали от взгляда Бирюкова. Сжимавшие на коленях дамскую сумку руки чуть вздрагивали. На вопрос о мотоцикле она ответила так тихо, что Антону пришлось сказать:

— Говорите громче, Галина Петровна, нас никто не подслушивает.

Тюменцева растерянно огляделась, словно хотела убедиться, действительно ли в кабинете нет посторонних, и повторила:

— Утром вышла из дому — гараж открытый. Заглянула — пусто. Пошла искать и нашла мотоцикл за огородом в конце улицы.

— Почему пошли именно туда, а не в другую сторону? — уточнил Антон.

— Пошла, и все.

— Так не бывает, Галина Петровна, — осуждающе проговорил Бирюков. — Поступки людей обычно логически объяснимы. Видимо, вам кто-то подсказал, что мотоцикл находится за огородом.

— Никто мне не подсказывал, — возразила Тюменцева и нервно щелкнула замком сумки.

— Вы как будто беспокоитесь?

— С чего бы вдруг?..

Всего на одну секунду столкнувшись взглядом с глазами Тюменцевой, Антон сказал:

— По-моему, вы знаете, кто угонял мотоцикл, но боитесь выдать угонщика.

Тюменцева, опустив глаза, открыла сумку и достала из нее сложенный тетрадный листок.

— Вот чего я боюсь...

На листке из ученической тетради в клеточку синей шариковой пастой печатными буквами было написано: «Галка мотоцикл твой валяется за огородами в конце Заводской. Ты здоровая телка прикатишь его без бензина. Вякнешь милиции жалеть горько будишь».

Бирюков перечитал записку несколько раз. Положив листок перед собою на стол, спросил:

— Кого подозреваете?

— Кого-то неграмотного.

— Грамотностью, Галина Петровна, действительно владеет не каждый, а неграмотно написать может всякий. Судя по содержанию записки, сочинил ее кто-то из ваших знакомых.

Тюменцева в натянутой улыбке скривила пухлые губы:

— Не знаю. И вообще, напрасно беспокоитесь. Подавать в суд на угонщиков я не собираюсь.

— У вас нет к ним претензий?

— Нет.

— А если бы мотоцикл не нашелся?

— В петлю бы не полезла.

— Кто передал вам записку?

— На крыльце, под дверью лежала.

— Замок гаража взломали?

— Естественно, — быстро ответила Тюменцева и сразу испугалась: — Ой, нет!.. Замок на земле валялся.

— Значит, его открыли?

— И-не знаю. Может, я забыла на ночь замкнуть.

Бирюков нахмурился:

— Не надо лукавить, Галина Петровна. Мне вовсе не из праздного любопытства захотелось с вами встретиться. Допустим, на вашем мотоцикле угонщики совершили преступление...

Тюменцева изумленно уставилась на Антона:

— Ой, какая глупость! Это же наверняка мальчишки покатались, пока бензин в бачке был.

— И много его там было, бензина?

— Не знаю, наверное, полный бачок...

— Вы так неуверенно говорите, что придется нам вместе посмотреть ваш мотоцикл. — Антон решительно поднялся из-за стола. — Согласны?..

Тюменцева тоже поднялась:

— Если хотите, пожалуйста.

Дорогой она стала более разговорчивой и откровенной. Задавая вопросы, Бирюков уже на полпути узнал, что работает Галина Петровна мастером-кондитером в кулинарном магазине. Сейчас в очередном отпуске. Была комсомолкой, однако последнее время не стала платить взносы и механически выбыла. Почему перестала платить? Поссорилась с комсомольским секретарем: тот заставлял учиться, а зачем это, если работа кондитера нравится, а лезть в начальство никакого желания нет. Живет одна. Замуж выскочила по дурости. Теперь с мужем развелась. Дом, мотоцикл, обстановка — все ее. «Муженек-то на третий день после свадьбы служить в армию отправился. Два года там прокантовался, пришел на готовенькое да еще и воспитывать начал: не так, мол, жить надо. Собрала ему солдатские вещички — и гуляй, родимый». Заговорив о бывшем муже, Тюменцева вдруг вспомнила:

— Знаете, запасной ключ от гаража остался у Сергея... Может, он мне пакость с мотоциклом сделал?

— Плохой человек? — спросил Антон.

— Для кого, возможно, и хороший, но я ведь с ним крепко поцапалась... — Тюменцева тяжело вздохнула. — Второй день неприятности валяются на мою голову. Вчера — мотоцикл, сегодня — подруга утонула.

Антон словно не понял:

— Кто?

— Знакомая моя, Ирина Крыловецкая. В прокуратуре следователь больше часа допытывался: кто она, зачем ко мне приехала, как познакомились... Рассказала все по-честному, а он, зануда, еще в уголовный розыск, к вам, направил. Не доверяет, что ли? Хотите, слово в слово повторю?

— Повторите.

Тюменцева еще раз вздохнула и принялась рассказывать о своих отношениях с Крыловецкой. Познакомились они прошлым летом в санатории «Центросоюз» курорта Белокуриха Алтайского края. Ирина отдыхала по чужой путевке. Была общительная, остроумная и не жадная. Весь сезон не скучали. Знакомство продолжилось после санатория. У Крыловецкой большая квартира чуть не в центре Новосибирска. Тюменцева несколько раз ездила к ней в гости. Жила Ирина одна. Официально числилась замужем, но муж — геолог, намного старше Ирины, мотается по разным экспедициям, дома бывает редко. На прошлой неделе Крыловецкая приехала в районцентр «подышать свежим воздухом». Была вроде как не в себе: много курила, нервничала. Вчера близко к шести вечера ушла на танцы, больше Тюменцева ее не видела.

— Сколько Ирине было лет? — спросил Антон.

— Вчера девятнадцать исполнилось.

— Когда ж она замуж успела выскочить?

— Год назад, когда совершеннолетие подошло.

— Мужа ее видели?

— Только на фотографии. Когда я приезжала, его ни разу дома не было. То в Нарыме, то в Якутии, то в Забайкалье мотается и кучу денег получает. Квартира у них богатейшая! Вся драгоценными камнями завалена. К тому же мама Ирины в торговле работает, любой импорт запросто достает...

— На танцы Крыловецкая трезвой ушла?

— Немножко выпили по случаю дня рождения.

— Рюмку, две? — уточнил Антон.

— Бутылку коньяка и бутылку шампанского, — не задумываясь, ответила Тюменцева и спохватилась: — Не вдвоем, конечно. Муженек бывший приходил с другом...

— Об угоне мотоцикла мужу не говорили?

— Нет. Я ведь только теперь вспомнила, что у Сережки запасной ключ от гаража остался.

— Зачем Сергей приходил?

— А-а... — Тюменцева поморщилась. — Начал, как всегда, нотацию читать. Идейный до тошноты. Я психанула и послала подальше вместе с другом. Без него воспитателей хватает. Ирина тоже вскоре ушла. Я хотела телевизор посмотреть, легла на диван. Пока интересное в программе искала, заснула...

Разговаривая, подошли к шлакоблочному дому со светлыми окнами. Тюменцева открыла калитку. Бирюков следом за хозяйкой вошел в прибранный дворик и по привычке оперативника прежде всего огляделся. Слева стояла металлическая коробка гаража с закрытой на замок дверью. Бетонированная дорожка от калитки упиралась в чисто вымытое деревянное крыльцо. На крыльце белел газетный сверток.

— Сейчас ключ от гаража принесу, — сказала Тюменцева.

Она шагнула к крыльцу, увидела сверток и недоуменно остановилась. Бирюков сразу же заметил на газете крупные буквы, наспех начерченные черным фломастером.

— Гости приходили? — спросил он.

Тюменцева пожала плечами, прочла надпись и с еще большим недоумением стала разворачивать газету. В свертке оказалась коричневая дамская туфля. В отличие от туфельки, найденной следователем Лимакиным на берегу озера, она была с левой ноги.

— Ой!.. — воскликнула Тюменцева. — Иркина «Олимпия»...

Антон взял из ее рук помятый номер «Советской Сибири» за прошедший день. Надпись на газете угрожающе предупреждала: «Ирка, не пей — голову потеряешь! Я поехал домой. Привет!»

Бирюков пригласил понятых.

Осмотр мотоцикла продолжался недолго. На заднем крыле «Восхода» внимание Антона привлекла пустая глазница стоп-сигнала. По краям глазницы торчали

острые осколки красного стекла, а в электропатроне с разбитой лампочкой чернел крохотный бугорок. Антон пригляделся, достал из кармана ключ от служебного кабинета и его концом осторожно выколупнул на подставленную ладонь сплюсненную свинцовую дробину...

6. ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Художественный руководитель районного Дома культуры Михаил Карпович Шпоров от природы был одаренным артистом, но к пятидесяти годам завоевал репутацию человека не от мира сего и стал искать утешения в книгах о выдающихся людях русской сцены.

В этот день Шпорову особенно повезло. Он раздобыл наконец трехтомник воспоминаний о Шаляпине. Михаил Карпович принес первый том на работу и сразу уткнулся в книгу. От приятного занятия оторвала директор Дома культуры. Она вошла в заваленный реквизитом кабинет, поставила перед Шпоровым на стол дамскую туфлю и попросила:

— Михаил Карпович, выслушайте меня внимательно...

— Я весь внимание, — торопливо ответил Шпоров.

— Мне нужно съездить в Новосибирск. Возможно, в мое отсутствие за этой туфелькой кто-то придет. Запомните: без ведома инспектора угрозыска Голубева туфлю не отдавайте никому! Хорошо меня поняли?

— Прекрасно понял. Простите, а кто должен за ней прийти: мужчина или женщина?

— Пока неизвестно. Может, вообще никто не придет. Кстати, вы Голубева знаете?

— Из милиции?.. Безусловно, знаю. Вячеслав... э-э-э...

— Дмитриевич, — подсказала директор Дома культуры.

— Да, Вячеслав Дмитриевич. Хотя его Славой все зовут...

— Так вот, Михаил Карпович, если у вас спросят туфлю, постарайтесь сразу позвонить Голубеву.

— Сказать, что за туфелькой пришли?

— Нет. Скажите: «Мы очень ждем вас на репетицию».

— Разве у нас сегодня состоится репетиция?

Директор Дома культуры поморщилась:

— Так мы с Голубевым условились. Вы, Михаил Карпович, поняли меня?

Шпоров обиделся:

— Чего ж не понять сущего пустяка? Как только попросят туфельку, немедленно приглашу товарища Голубева на вымышленную репетицию.

— Только сделайте, пожалуйста, это очень осторожно, чтобы тот, кто придет за туфлей, не заметил, что его водят за нос.

— Не беспокойтесь. Уж такую пустяковую роль постараюсь сыграть отменно.

Шпоров предусмотрительно спрятал туфлю в стол, попрощался с директором и как ни в чем не бывало опять уткнулся в книгу. Сколько прошло времени, он потом вспомнить не мог. Во всяком случае, немного, так как Михаил Карпович успел прочитать всего лишь пять-шесть страниц. В дверь постучали. Вошел молодой высокий парень атлетического сложения, одетый в синюю модную рубашку с короткими рукавами и в джинсы.

— Где можно увидеть директора Дома культуры? — спросил он.

— Директор уехала в Новосибирск, — ответил Шпоров. — Простите, вы по какому вопросу?

— Вопрос пустяковый... — Парень замешкался, переступил с ноги на ногу. — Вчера в конце танцев несколько раз объявляли по микрофону о найденной туфле...

— Вчера объявляли?.. Ах, о туфельке! Да, да, объявляли! Сейчас отдам... — Шпоров засуетился. — Только, простите, мне очень срочно надо пригласить на репетицию одного человека. — Достав телефонный справочник, Михаил Карпович раскрыл его на странице, где перечислялись телефоны милиции, и, не зная, по какому номеру звонить, дрогнувшим пальцем набрал 02. — Дежурный? Будьте любезны, пригласите товарища Голубева... На оперативном совещании у начальника? А когда освободится? Не скоро?..

Парень спокойно сел на стул возле стола, посмотрел на встревоженного Шпорова и обаятельно улыбнулся:

— Голубев разрешил мне взять туфлю, а на репетицию он вряд ли придет — совещанию конца не видно.

— Простите... — вконец опешил Михаил Карпович. — То есть каким образом разрешил, как?..

— Ну, как разрешают... — Парень иронично усмехнулся. — Голубев сказал: «Зайди к директрисе Дома культуры и возьми».

— Какие подтверждения у вас на этот счет имеются?

— Моей сестры эта туфля. Она коричневая, фирмы «Олимпия», с левой ноги, размер тридцать шестой... Еще что?.. Каблук длинный, тонкий...

Шпоров неуверенно достал из стола туфлю и стал ее рассматривать, словно впервые увидел необычный сувенир. Приметы, названные парнем, совпадали. Стараясь выиграть время для размышлений, Михаил Карпович поинтересовался:

— Как же ваша сестрица потеряла туфельку?

Парень насупился:

— Пьет она у нас. — И, указав пальцем на лежащую перед Шпоровым книгу, спросил: — О Федоре Ивановиче читаете? Вот человечие был!

— Да, да! Величайший певец, природная одаренность. В наше время...

— Техника в наше время выручает, — перебил парень. — Если бы Шаляпину дать микрофон... Собственно, Шаляпин и без микрофона заставлял люстры дрожать. Надо отметить, что раньше не только певцы, но и вообще все артисты талантливее были. А возьмите режиссеров: Станиславский, Мейерхольд, Немирович-Данченко... О Немировиче есть прекрасная книга из серии «Жизнь в искусстве». Читали?..

Глаза Шпорова загорелись:

— К сожалению, не читал. Теперь нелегко купить интересную книгу.

— Хотите — подарю.

— То есть как... Я могу заплатить...

— Деньги — ерунда, — махнул рукой парень и мгновенно сменил тему разговора. — Не отдадите, значит, туфлю?

Шпорова осенило:

— Вы расписочку напишите, что забрали туфельку с разрешения товарища Голубева.

Парень вытащил из нагрудного кармана фломастер.

— Бумаги не найдется?

Шпоров переложил на столе скопившиеся за последние дни газеты. Обнаружив под ними несколько чистых листков, протянул парню:

— Пожалуйста. Укажите фамилию, имя, отчество, где живете. И обязательно распишитесь.

Парень понятиливо кивнул. Он быстро настрочил текст и передал листок Михаилу Карповичу. Тот начал было читать, но парень, бесцеремонно взяв со стола газету, отвлек его:

— Можно туфлю завернуть?

— Да-да, пожалуйста...

Пообещав к вечеру занести книгу о Немировиче-Данченко, парень попрощался. Шпоров снова увлекся чтением, но не успел осилить и полстраницы, как в кабинет заглянул Слава Голубев:

— Привет, Михаил Карпыч! Где начальница?

— В Новосибирске... — рассеянно ответил худрук. — Простите, вам, наверное, дежурный передал?..

— Какой дежурный? Что передал? — не понял Слава. — Мне у директрисы туфлю одну надо забрать.

Шпоров с испугом усталился на заклеенную пластырем скулу Голубева.

— Простите, Вячеслав... э-э-э... Дмитриевич, я только что отдал туфельку брату.

Голубев ошарашенно сел на стул.

— Какому брату?

— Которому вы разрешили. Вот расписочка...

Слава торопливо прочитал: «Мной, Цветковым Василием Анатольевичем, временно проживающим в г. Новосибирске, по разрешению тов. Голубева получена в районном Доме культуры дамская туфля с левой ноги, принадлежащая моей сестре». Ниже стояла незамысловатая ученическая роспись.

— Как он выглядит, этот братишка? — быстро спросил Слава.

— Приятный юноша, в летней рубашке и джинсах.

— Детали, Михаил Карпович!..

Худрук уже понял, что дал маху, и заволновался:

— Рубашка... э-э-э... синяя, с планочкой, два кармашка. На левом — этикетка «Вранглер»...

— Может, «Рэнглер»? — уточнил Слава.

— Правильно, «Рэнглер». Э-э-это молодежь ее «Вранглером» называет, поскольку английское написание...

— Лицо запомнили?

— Лицо выразительное, волевое и в то же время мягкое... Чем-то похожее на лицо Грега Бонама. Знаете, конечно, английского певца...

— Нет, конечно, не знаю, — раздраженно сказал Слава. — У вас есть фотография этого Грега?

— Она всюду на конвертах с дисками его записей. Фирма «Мелодия» недавно выпустила... В любом киоске...

Из Дома культуры Голубев ушел с таким чувством, которое образно выражается пословицей: близок локоть, да не укусишь. Ведь стоило минутой раньше забежать к худруку, и сейчас уже состоялась бы беседа с парнем, шутя облапошившим доверчивого Шпорова. Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что произошел один из неприятнейших в розыскной работе ляпсусов, когда минутное опоздание приводит к многодневному изнурительному труду по раскрытию преступления.

От досады Голубев, казалось, перестал соображать. Он направился было в прокуратуру, но вовремя спохватился, что без туфли там совершенно нечего делать. Слава пощупал ноющую под лейкопластырем скулу, резко повернулся и зашагал к танцплощадке.

Днем на берегу реки было тихо. Слава нашел то место, где вчерашним вечером по нелепой беспечности заработал себе фонарь под глазом, и старательно стал обследовать измятую траву. Дотошно осмотрел каждый сантиметр небольшой полянки среди кустов. Результатом явились два коротких окурка «Мальборо» и едва надкуренная сигарета «Космос», придавленная, похоже, подошвой ботинка или туфли. Слава пристально обследовал петляющую в кустах узкую тропу, но и там, кроме нескольких вмятин от дамского каблучка, ничего примечательного не оказалось.

Голубев поднялся на примостовую насыпь. За насыпью сияло озеро, из прибрежных кувшинок которого утром подняли труп. Слава посмотрел на ветхий пожарный настил, где, судя по всему, ночью разыгралась таинственная пока трагедия. Затем прошел к мосту, облокотился на широкие деревянные перила и тоскливо стал рассматривать светлое здание железнодорожного вокзала, расположенного неподалеку от моста на противоположном берегу реки.

Коротко гуднув сиреной, в сторону Новосибирска покатила электричка. Голубев вдруг подумал, что в одном из вагонов спокойно посиживает парень, так блистательно унесший у него из-под носа туфельку. На душе стало еще муторнее. «Надо было после Дома культуры

сразу на вокзал топать, а не окурки на берегу разыскивать, — мысленно ругнул себя Слава. — Сейчас бы уже мог перехватить «Грега Бонама» и познакомиться с ним». Внезапно вспомнилось, что на вокзале есть киоск Союзпечати, где продаются грампластинки. И тотчас до зарезу захотелось увидеть портрет английского певца, о существовании которого час назад даже не подозревал.

На пустующем перроне полнолицая чернявая мороженщица скучала у своего лотка. Слава на всякий случай поинтересовался, не видела ли она молодого парня в синей импортной рубашке с короткими рукавами и в джинсах. Мороженщица равнодушно зевнула:

— Нет, золотце, не видела.

Голубев вошел в вокзальный зал ожидания. Лысый киоскер-пенсионер Союзпечати от безделья читал газету. Слава остановился у витрины с разноцветными конвертами грампластинок. На одном из них выделялась крупная желтая надпись «Грег Бонам». С небольшой цветной фотографии улыбался симпатичный молодой человек в расстегнутой кофте. Из-под кофты выступал отложной ворот рубашки. В продолговатом смуглом лице не было ничего вызывающе броского. Даже волосы — в отличие от большинства молодежных кумиров — не свисали на плечи сосульками, а пушисто кудрявились.

— Дедусь, — обратился к киоскеру Голубев, — продайте один экземплярчик... Грега Бонама.

Старичок отложил газету, вытащил из-под прилавка конверт с пластинкой и поднял глаза на Голубева. Увидев под глазом у Славы расплывшийся синячище, он словно обрадовался. Лукаво прищурясь, щелкнул себя по горлу:

— Винболом или боксом увлекаетесь?

— Стойку на бровях отрабатываю, — с самым серьезным видом сказал Слава и ткнул пальцем в портрет английского певца. — Дедусь, этот артист сегодня не был здесь, на вокзале?

Киоскер весело подмигнул:

— Утречком на перроне с Аллой Пугачевой целовался.

— Я, дедушка, в уголовном розыске работаю. — Голубев показал удостоверение. — Ищу похожего на этого артиста парня. Посмотрите внимательно: не появлялся ли он сегодня здесь?

Старичок долго приглядывался к портрету Грега Бонама и наконец вспомнил, что примерно полчаса назад

у киоска вроде бы маячил похожий парень. Только годами помоложе и не в кофте, а, кажется, в синей рубашке.

— Что-нибудь купил у вас? — спросил Слава.

— Нет, просто постоял, поглазел и ушел.

— Не в электричке ли он уехал?

— Мог и уехать. Пассажиров немножко было, и, честно сказать, больше этого паренька я не видел.

Настроение у Голубева окончательно упало. С купленной пластинкой Грегга Бонама он поплелся к райотделу.

В дежурной части новостей не было. Антон Бирюков отсутствовал. Слава открыл свой кабинет, уселся за стол. Не зная от расстройства, чем заняться, вытащил из стола ножницы и стал вырезать из плотного конверта фотографию английского певца. Вырезав, подровнял края, порассматривал, вздохнул и сунул в записную книжку. Долго сидеть без дела, да еще в одиночестве, Слава не мог, решил заглянуть к эксперту-криминалисту Семенову.

Обычно мрачноватый криминалист на сей раз бодренько насвистывал незатейливый мотивчик. Причиной его приподнятого настроения, как узнал Голубев, явились пригодные для идентификации отпечатки двух больших пальцев, снятые на дактилопленку с лицевой стороны разорванной фотографии «Дикой кошки». Семенов даже продемонстрировал Голубеву на небольшом квадратике бумаги, каким образом была разорвана фотография. Слава поздравил эксперта с успехом и стал рассказывать ему о своей неудаче.

Разговор перебил телефонный звонок. Семенов ответил и сразу сказал Голубеву:

— Беги в дежурную часть, Бирюков тебя разыскивает.

В дежурке Слава схватил лежащую на столе трубку и начал было жаловаться Бирюкову на невезение, однако тот не дал договорить:

— Туфля у меня. Кроме того, отыскался мотоцикл, на котором совершена кража из зареченского магазина....

— Как у тебя?! Где отыскался?!

— Звоню из дома хозяйки этого мотоцикла. Фамилия ее Тюменцева. Она сейчас во дворе разговаривает с понятыми. — Бирюков, похоже, сильно спешил. — Слушай, Слава, пока я здесь завершаю формальности,

срочно созвонись с больницей и всеми здравпунктами в райцентре. Сторож, оказывается, все-таки выстрелил по мотоциклистам и, вероятно, всыпал заднему в спину. Срочно предупреди всех медиков! Хозяйка идет в дом — работай, Слава...

Обзвонить медицинские учреждения, куда предположительно мог обратиться за помощью раненый преступник, было пустяковым делом. Застрял Слава лишь на железнодорожной амбулатории, единственный телефон которой упорно показывал «занято». Раз за разом набирая один и тот же номер, Голубев нетерпеливо поглядывал на часы.

Через четверть часа терпение лопнуло. Прикинув, что быстрее, пожалуй, съездить в амбулаторию, чем неизвестно сколько крутить телефонный диск, Слава выскочил к автобусной остановке. Здесь опять началось невезение. Пассажирские автобусы курсировали в райцентре, можно сказать, по наитию, и Голубеву пришлось проторчать на остановке больше двадцати минут. Затем столько же времени автобус простоял перед полосатым, подмигивающим красным глазом шлагбаумом у железнодорожного переезда, пока проходили встречные электровозы с длинными-предлинными составами грузовых вагонов.

Пахнущий лекарствами вестибюль амбулатории, когда Голубев наконец заявился туда, пустовал. Слава прежде всего поискал взглядом кабинет главного врача, где, судя по справочнику, находился телефон. Из приоткрытой двери с табличкой «Перевязочная» слышались возбужденные женские голоса. Голубев почувствовал внезапную тревогу и зашел в перевязочную.

...Слушая сбивчивый рассказ молоденькой медсестры, у которой от пережитого заметно дрожали руки, Слава проклинал в душе невезучий сегодняшний день. Буквально час назад главный врач амбулатории уехал на вызов к больному, а медсестра стала прибирать в его кабинете. Неожиданно в кабинет вошел невысокий парень в черной рубаше навыпуск, улыбнулся и попросил «посмотреть спину». Не подозревая подвоха, медсестра предложила снять рубашу, а когда увидела три ранки с большими пятнами воспалительных покраснений, испугалась. Она хотела вызвать по телефону «Скорую помощь», чтобы отправить пациента в хирургическое отделение районной больницы, но парень выхватил из кармана пистолет и угрожающе приказал: «Сейчас же по-

ложь трубку на стол!» После этого закрыл на защелку английского замка дверь, усмехнулся: «Ну-ка, сестричка, выколупни мне дробины из спины». Медсестра робко заикнулась, что для такой операции надо, мол, сделать обезболивающий укол, а у нее нет шприца и необходимого лекарства. Парень снова погрозил пистолетом, опять усмехнулся: «Колупай так — я терпеливый». И правда, пока медсестра скальпелем и пинцетом удаляла из-под кожи свинцовые дробины, он ни разу не вскрикнул, только скрежетал зубами. Потом осушил одним глотком из мензурки оставшийся спирт, которым медсестра обрабатывала ранки, собрал извлеченные из спины дробины, еще раз погрозил пистолетом и спокойно ушел из амбулатории...

Голубев попытался выяснить у медсестры характерные приметы столь необычного пациента, но та с испугу запомнила лишь на правом предплечье парня расхожую среди уголовников татуировку «Года идут, а счастья нет».

Вот с такими довольно скромными сведениями Слава вернулся в райотдел.

В кабинете эксперта-криминалиста Антон Бирюков и следователь Лимакин рассматривали надпись на разорванной фотографии «Дикой кошки». Едва Голубев появился в дверях, оба вопросительно уставились на него.

— Полдня, как ищейка, по горячим следам пробежал, — обреченным голосом сказал Слава. Он опустил ся на стул и принялся рассказывать о своем невезении. Когда закончил невеселое повествование, передал Бирюкову расписку Василия Анатольевича Цветкова, временно проживающего в Новосибирске, о получении в районном Доме культуры дамской туфли с левой ноги. Тяжело вздохнул: — Вот, единственный «документ» выбегал. По-моему, этот Цветков вполне мог назваться Иваном Сидоровичем Петровым, постоянно проживающим в Рио-де-Жанейро...

Бирюков прочитал «расписку», передал ее следователю и спросил:

— Не тот ли это Васек, которому «Дикая кошка» подарила свое фото?

— Может, под «Васька» кто-то сработал, — высказал предположение следователь.

Голубев пробежал взглядом надпись на фотографии, повернулся к Бирюкову:

— Игнатъич, вчера я узнал такую штуку... Говорят,

на Заводскую, к какой-то тете Марусе Данильчуковой приехал племянник-студент. Зовут Васьком. Не поинтересоваться ли нам этим племянничком, а?..

— На Заводскую?.. — переспросил Антон и сразу посмотрел на следователя. — Слушай, Петя, похоже, к этой улице все концы ведут...

— Точно! — подхватил Лимакин. — Мотоцикл у Тюменцевой угнали, Крыловецкая у нее жила, туфельку, унесенную из Дома культуры, Галине Петровне на крылечко подложили...

— Какой мотоцикл? Какая Крыловецкая? — не понял Голубев.

Бирюков коротко рассказал о сути дела и заключил:

— Срочно, Слава, займись тети Марусиным племянником, а я тем временем повстречаюсь с бывшим мужем Тюменцевой. Он на гормолзаводе шофером работает.

7. ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ

На просторную асфальтированную территорию гормолзавода один за другим въезжали тяжелые молоковозы. Опростав у приемного цеха свои вместительные утробы, машины сразу отправлялись в новые рейсы.

Антон Бирюков улучил удобную минуту, пока очередной молоковоз пристраивался под разгрузку, подошел к молоденькой приемщице в белом халате и спросил о шофере Тюменцеве. Девушка прежде, чем ответить, посмотрела на миниатюрные часики с новым лакированным ремешком:

— Тюменцев будет в ночную смену.

— Домашний адрес его не знаете?

— Не знаю. — Девушка опять полюбовалась часами, и Антон догадался, что в них вложена первая самостоятельная зарплата. — Через десять минут подъедет напарник Тюменцева. Он наверняка скажет адрес Сергея.

Бирюков улыбнулся:

— У вас такая точность, до минут?

— У нас график — закон, — с очень серьезным видом ответила приемщица.

Напарник Тюменцева опередил «закон» почти наполовину. Из распахнувшейся дверцы молоковоза высунулся по пояс коренастый парень и задним ходом стал

устанавливать машину к приемному патрубку. Антон пригляделся. Вначале вспомнил, что видел этого парня у озера, когда поднимали труп, а затем уже память подсказала, что это как раз и есть тот Павел Мохов, привет от которого передавал шофер Исаков, хлопотавший за своего соседа Суржикова насчет водительских прав. Бирюков подождал, пока Мохов соединил сливной шланг молоковоза с приемным патрубком, подошел к нему и поздоровался.

— 3-здравствуйте, — вроде бы растерялся Павел, но тут же досадливо махнул рукой. — Вот дурная привычка! Столько лет пролетело, а при встрече с угрозыском сердце екает.

— Не забыл еще?

— Такое не забывается.

— Лет шесть, кажется, чудил?

Мохов помял в руках белую ветошь, которой обтирал фланец шланга перед присоединением к патрубку, усмехнулся:

— Шесть с половиной отсидел в два приема, а дурью маялся больше семи. Будь она проклята, шальная жизнь.

Вакуумная установка быстро проглотила содержимое молоковоза, угрожающе засипела. Юная приемщица мигом выключила рубильник и генеральским тоном приказала:

— Павел! Отъезжай!

— Один момент, — извинился перед Бирюковым Мохов. Уступив место очередной машине, он отъехал в сторону, распахнул дверцу кабины и стал закуривать. Когда Бирюков подошел к нему, спросил: — Наверное, по поводу Суржикова?..

Антон чуть помолчал:

— Не только.

— Да?.. — Мохов глубоко затянулся сигаретой. — Что касается других поводов, не знаю, но Суржиков не виноват в наезде на дом Исакова. Потому я и посоветовал к вам обратиться. Тут в общем... Филиппенко на Виктора Андреича ополчился. Физиономия ему показалась подозрительной, а у Суржикова лицо всегда красное, будто свеклой натертое.

— Тебе, вероятно, известно, что работники ГАИ не только по цвету лица трезвость определяют...

— Ну, запахок у Андреича, скрывать нечего, имел

ся. Тут никуда не погрешь. Но ведь надо по-человечески разбираться. Разве шофер с двадцатилетним стажем, если нормально держится на ногах, в угол дома заедет?

— Тебе откуда известно, что Суржиков нормально держался на ногах? — спросил Антон.

— Видел всю комедию, когда инспектора ГАИ разбираться приехали. Со смены как раз домой шел.

— В какое время это случилось?

— В двенадцатом часу ночи. В одиннадцать я Сергею Тюменцеву молоковоз передал. Минут двадцать автобуса на остановке дожидался, потом примерно столько же ехал. Вот, считайте сами...

— Кто ж, по-твоему, это сделал?

— Недоростки малолетние. — Мохов стряхнул с сигареты пепел. — У меня у самого на днях чуть не случилось подобное. Остановился в сумерках у дома, чтобы перекусить. Минут через пятнадцать выхожу — пацан с соседней улицы в замке зажигания проволокой ковыряет. Надрал ему уши — на том дело кончилось. А если бы я по оплошности ключ в замке зажигания оставил? Тоже бы сопляк в первый же угол въехал.

— Чей подросток?

— С соседней улицы, говорю, с Заводской. Борька Муранкин. Мать его на вокзале мороженое продает, крикливая женщина.

— Ты на Садовой, что ли, живешь?

— Ну... В мамашин дом пока обитаю.

— Не женился?

— Не-е... С кем попало не хочу судьбу связывать, а порядочные от меня шарахаются после колонии. Теперь мне долго придется авторитет зарабатывать.

— Тюменцева адрес знаешь?

— Угу. К родителям Серега от Галки перебрался. Наверное, по поводу угона мотоцикла им заинтересовались?

— Ты догадлив.

— Опыт общения с угрозой подсказывает. — Мохов покосился на сиденье рядом с собой. — Садитесь, подвезу до Сергея. Мне все равно в ту сторону ехать.

Бирюков поднялся в кабину. Молоковоз рыкнул мотором, миновал заводские ворота и покатил по рай-

центру. Мохов выбросил в открытое окно сигаретный окурок. Недолго помолчав, заговорил:

— Про угон мотоцикла у Галки Тюменцевой мне Исаков рассказывал сегодня у озера, когда там доставали труп фартовой молодки...

— Не знаешь ее?

— Не-е, не знаю. Сергей Тюменцев, железно скажу, не виноват в угоне Галкиного мотоцикла. Это малолетки развлекаются. Схватят, дураки, срок — слезы лить будут...

— Первое наказание ты, кажется, за угоны мотоциклов отбывал? — вспоминая прошлые грешки Мохова, спросил Бирюков.

— По совокупности. Вдобавок к угонам детали откручивал. Хотел «Урал» по частям собрать. Фару да карбюратор только и успел в заначке припрятать.

— Любопытна логика несовершеннолетних угонщиков... — начал Антон, но Мохов не дал ему договорить:

— На арапа все делается, без логики. Помню первый свой угон. Сидели ночью на лавочке. Десятый раз старые анекдоты пересказали, а спать не хочется — днем выпались. Кто-то из пацанов вякнул: «На мото бы покататься». — «В чем дело?.. — говорю. — Кругом гаражи, хозяева дрыхнут». — «Слабо, Пашк!» — «Бутылку ставишь?» — «Ставлю!» Ударили по рукам и... на соседском мотоцикле весь бензин, что в бачке был, прокатали. А выигранная по спору бутылка водки в ту пору мне была нужна как собаке пятая нога. От одной рюмки целый день тошнило...

Бирюкову не хотелось касаться прошлого Мохова, но Павел сам начал. Видно, сидела в нем боль за некогда совершенное преступление, и некому было ее излить. А Бирюков все знал, и это побуждало Павла к откровенности.

— Многое, конечно, от подстрекателя зависит, — продолжал Мохов. — В мое время табунил Пшендя — мелкий щипач, выдававший себя за урку. У таких, как Пшендя, подлый закон: сам замазан — другого замарай. Потом тверди недоростку, пугай его: назад дороги нет — заметут, жить хочешь — держись за меня, сопляк, одна у нас теперь дорожка... Ну ы лопухи, конечно, верят гадам, пятки им лижут...

Еще и потому, может быть, вспомнил Павел Мохов свое безрассудное и горькое прошлое, что теперь-то мог гордиться собой. Бирюков не перебивал, чувствовал — надо человеку выговориться. Не столь часто, к сожалению, приходится работникам милиции вот так — уже на равных — беседовать с бывшими их подопечными. Лишь после того, как Мохов, тяжело вздохнув, замолчал, Антон спросил:

— А куда подевался этот Пшендя?

— Водкой, паразит, захлебнулся.

Такой вопрос Антон задал не случайно. Павел на толкнул: довольно часто на первое преступление сбивает подростков опытный уголовник. Поэтому и «вдохновителем» угона мотоцикла у Тюменцевой мог быть кто-то постарше. Бирюков попробовал выяснить взаимоотношения Сергея Тюменцева с бывшей женой, но Мохов демонстративно уклонился от ответа:

— В семейном деле Серега пусть сам исповедуется. — И затормозил у домика с расписными наличниками. — Вот как раз его резиденция...

Бирюков открыл скрипнувшую калитку и вошел в просторную ограду, похожую на оранжерейный цветник. На скрип калитки из-за угла небольшой веранды выбежала лохматая болонка, залилась звонким беззловонным лаем. В ту же минуту показался обнаженный по пояс загорелый парень в спортивных брюках.

— Чапа, не пустозвонь! — прикрикнул он.

Собачка послушно умолкла. Бирюков назвал свою должность и спросил:

— Вы Сергей Тюменцев?

— Да, — спокойно ответил парень. На его лице при этом не появилось ни малейшего оттенка удивления, как будто он давно ждал сотрудника уголовного розыска. — Проходите в тень, там прохладней. — И, пошаркивая спадающими шлепанцами, направился за веранду.

В тени навеса стояла старая тахта. На ней обложкой кверху лежал развернутый учебник физики за десятый класс, а рядом — школьная тетрадка с заложенным в нее карандашом.

— Садитесь, — показывая на тахту, предложил Тюменцев и сам пристроился на краешек.

Бирюков сел. Стараясь исподволь подойти к интересующей его теме, показал на книгу:

— Занимаетесь?

— Нынче хочу в автодорожный институт на заочное

поступить. Надо учиться, пока годы молодые да память свежая.

Тюменцев ладонью поправил волнистые русые волосы. Он производил впечатление уравновешенного человека, чуточку ироничного. В отличие от некоторых «обиженных» мужей не стремился поливать свою бывшую жену грязью. Напротив, даже в чем-то сочувствовал ей, старался основную вину в неудавшейся семейной жизни взять на себя. А жизнь эта, по словам Тюменцева, и не могла состояться.

За месяц до призыва в армию Сергей познакомился на танцах с Галиной, и сразу — заявление в загс. Кое-как дождались регистрации, отгуляли свадьбу, и он уехал на два года служить. Когда демобилизовался, не узнал Галину — так она изменилась. Каждую субботу к ней приходили подружки из общепита с мужьями. Играли допоздна в карты. Ну а где карты, там и выпивка. Сам Тюменцев в этих развлечениях не участвовал: и презирал такой отдых, и работа не позволяла — с похмельной головой до аварии один шаг...

— Обычно при разводах какая-то причина бывает, — с намеком сказал Бирюков.

— С Галиной рано или поздно мы все равно бы разошлись. Между нами ничего общего нет: ее к роскоши тянет, а мне роскошь — до лампочки. Загорелось ей «Жигули» купить. Спрашиваю: «Зачем нам машина? Хватит мотоцикла». — «На мотоцикле ездить уже не престижно», — отвечает. «Да разве в этом престиж заключается?» — «А в чем? Надо мной подружки хихикают за то, что машины нет». — «Да кто они, твои подружки? Обывательницы районного пошиба». — «Дурак идейный!»... Вот поговорили, называется...

— После этого вы и ушли?

— Нет... Ушел, можно сказать, по своей вине: не впопад обидное Галине ляпнул. На прошлой неделе, значит, прихожу домой после ночной смены уставший, как черт. Смотрю, на диван-кровать в зале парочка спит. Тихонько спрашиваю Галину: «Кто такие?» — «Подруга, которая мне импортные вещи достает, из Новосибирска приехала отдохнуть с мужем». Сразу-то я поверил, но, когда пригляделся, вижу, что этому «муженьку» — и «подруге» тоже — лет семнадцать... Злость меня взяла, говорю: «Ты что, дом свиданий организовала?» Ну тут Галина и спустила на меня всех собак, аж «муж с женой» проснулись. Попробовал скандал на тор-

моза перевести — еще сильнее по кочкам понесла, бельишко мое из шифоньера вышвырнула. Собрал я вгорячах, что под руку подвернулось, сунул в солдатский рюкзак, и прощай, золотая рыбка.

— Что за гости у Галины ночевали? — спросил Бирюков.

— Кто их знает. Парня того больше не видел.

— А женщину?

— Да какая там женщина. — Тюменцев небрежно махнул рукой. — Размалеванная косметикой девица. Как Пашка Мохов о ней сказал: «Молодка, ловящая фарт».

Антон, стараясь не показать вида, сосредоточился:

— Значит, вы с Моховым вчера были у Галины?

— Был, с Пашкой... Когда вещички собирал, ключ от гаража в кармане остался. Ну а зачем он мне? Решил отнести. Мохова за компанию позвал, чтобы соседки языки не чесали, дескать, похаживает Сергей к бывшей женушке...

Бирюков посмотрел Тюменцеву в глаза:

— Так вот, Сергей, Галина говорит, что ключ от гаража вы ей не отдавали.

— Почему не отдавал? — удивился Тюменцев. — При Мохове и при той размалеванной девице лично в руки Галине отдал. Правда, Галина была заметно выпивши, может, забыла. — И сразу спросил: — Вы на счет угона мотоцикла?

— Хочу выяснить...

— Позапрошлую ночь ключ у меня был, — с прежней непосредственностью сказал Тюменцев.

— А не у вашего друга?

— У какого?

— Скажем, у Мохова.

— Зачем Пашке ключ? Пашка в ту ночь работал. Утром его сменил Исаков, а последнюю ночную смену крутил баранку я. Вот отоспался немного да за физику сел... — На лице Тюменцева появилось такое выражение, словно его осенила внезапная догадка. — Думаете, Мохов опять за старое взялся? Нет! Пашка теперь совсем другим стал. Честное слово!

— Давно с ним знакомы?

— Мы — друзья по несчастью. Когда Пашку первый раз судили, я тоже чуть было за компанию не загремел. На угнанном мотоцикле разок прокатился. —

Тюменцев смущенно опустил глаза и вдруг стал оправдываться: — Нет, честное комсомольское, ключ Галине при свидетелях отдавал!

— Куда она его положила? — быстро спросил Антон.

Тюменцев показал на левую сторону груди:

— Вот тут у Галины на зеленой трикотажной кофточке карманчик есть. Она туда ключ сунула.

— Но почему, Сергей, вы целую неделю держали ключ у себя и только вчера надумали отдать?

— Забыл про него. А вчера в конце дня Мохов зашел, говорит, что на пересменке Исаков рассказывал — у Галины, мол, «Восход» угоняли. Тут я и вспомнил. Думаю, надо отдать ключ, а то, чего доброго, еще на меня согрешат. Сразу и пошли с Пашкой к Галине. Пришли, а там коньяк с шампанским на столе, сидят с подружкой попивают. Нам налили, дескать, выпейте за день рождения подружки. Ирой Галина ее называла. Мохов, не стану утаивать, выпил, а я отказался — мне ж Исакова надо было в ночную смену менять, да и вообще я выпивку не признаю. Галина начала хамить. Чтобы не нарваться на неприятность, я отдал ключ, и мы с Пашкой потопали...

Бирюков выяснил, что Тюменцев с Моховым пробыли у Галины минут тридцать. Когда они вошли в дом, Галина кого-то убеждала по телефону: «Нету ее у меня, нету! И не было никогда... Нет, не было!» Положив трубку, обеспокоенно сказала Ирине: «Он, кажется, все-таки с семичасовой электричкой прикатит». — «Обалдел идиот!» — проговорила Ирина и щелкнула зажигалкой. Курила она сигарету за сигаретой. На среднем пальце правой руки у нее сверкал перстень, а на безымянном левой — золотое кольцо с вензелем-печаткой. Сам Тюменцев в подобных побрякушках не разбирается, но, по мнению Мохова, такой перстенок стоит не меньше трех тысяч, а печатка — рублей двести пятьдесят.

«Ни того, ни другого на пальцах мертвой Ирины не было», — отметил про себя Бирюков и, поднимаясь с тахты, сказал:

— Что ж, Сергей... Спасибо за информацию.

— Не за что.

Тюменцев легонько оттолкнул ногою ласкающуюся к нему болонку и проводил Бирюкова до калитки.

8. ПЛЕМЯННИК ТЕТИ МАРУСИ

Получив от Антона задание заняться тети Марусиным племянником, Слава Голубев первым делом забежал в паспортный стол, чтобы узнать адрес Данильчук. На улице Заводской была прописана пенсионерка Данильчук Мария Захаровна 1918 года рождения. К ней и направился Слава, заранее настроясь на неуспех.

Пенсионерка оказалась еще довольно крепкой словоохотливой женщиной с загрубевшими, в трещинах, руками, которые она во время разговора стеснительно прятала под фартук. Благодаря общительному характеру Слава быстро нашел с Марией Захаровной общий язык и поначалу даже не поверил во внезапно свалившуюся на него удачу: Василий Анатольевич Цветков доводился Марии Захаровне родным племянником — сыном младшего брата. Было этому Василию Анатольевичу от роду семнадцать лет. Родители его живут в Новокузнецке, а сам Вася, закончив нынешней весной школу, приехал поступать в Новосибирский институт связи, но, поскольку приемные экзамены там начнутся только в августе, надумал погостить у тети. Явился к ней как гром с ясного неба на прошлой неделе и целыми днями пропадал на речке. Ночевал на сеновале — летом в избе спать душно.

Мария Захаровна подтвердила, что одет Вася в синюю рубашу с короткими рукавами и в «тесные заграничные штаны». Никаких вещей с собой не привез, «в чем есть, в том и приехал».

— А где сейчас Вася? — спросил Голубев.

— Домой чего-то надумал поехать, — ответила Мария Захаровна. — Я сегодня с утра пораньше в мастерскую-бытовку отправилась, пылесос из починки взять. Подошла к озеру, а там народу тьма-тьмущая. Утопленницу молоденькую из воды вытащили. Ну, пока там потолклась, затем пылесос получила, в хозмаг зашла мыла купить. Прихожу домой — дом на замке. Ключ в летней временке, где мы всегда его оставляем. Открыла — в кухне на столе записка от Васи. Вот...

Мария Захаровна взяла с буфета розовую бумажную салфетку и подала ее Голубеву. «Тетя Маруся, я поехал домой», — прочитал Слава написанное черным фломастером. Вспомнив расписку, оставленную худруку Шпорову, он вытащил фотоснимок Грегга Бонама.

— Тетя Маруся, на этого парня Вася похож?

Мария Захаровна прищурилась:

— Волосы похожи, а лицо у Васи моложавей. И рубаха совсем другая.

— Фотографии его нет?

— Нет, фотографии нету, — спокойно ответила Мария Захаровна и вдруг встревожилась: — Разве случилось с Васей что?

— Одного нехорошего человека ищем. Предполагается, что Вася знает его, — уклончиво ответил Голубев.

— Господи-боженька! В нашем роду никто с плохими людьми не связывался.

— Несовершеннолетние, бывает иногда, по неопытности знакомятся с кем попало.

— Так-то оно так. Только, по моему соображению, у Васи и знакомых здесь, в райцентре, никого не было. Он в первый раз сюда приезжал.

— А с соседкой вашей, Галиной Тюменцевой, Вася разве не знаком?

— Что ты, миленький!.. Галина — разведенная с мужем женщина, а Вася — совсем мальчишка.

— Мария Захаровна, вспомните, пожалуйста, как узнали, что Вася в Новосибирский институт поступает, почему он неожиданно надумал к вам приехать...

Мария Захаровна шевельнула под фартуком пальцами и принялась неторопливо размышлять вслух. О том, что племянник уехал из Новокузнецка поступать в Новосибирский институт связи, ей сообщил полмесяца назад брат, Васин отец. Он вызвал ее на телефонный разговор, сказал адрес института и попросил съездить туда, чтобы узнать, как Вася устроился с общежитием. На следующий же день после разговора с братом Мария Захаровна набрала в огороде корзиночку свежей клубники, чтоб не с пустыми руками явиться к племяннику, и на утренней электричке отправилась в Новосибирск. В приемной комиссии института ей сказали, что Василий Цветков поселился в общежитии рядом с институтом, по улице Нижегородской, 23. Какая-то девушка, видать, из студенток, проводила Марию Захаровну в это общежитие и помогла найти комнату, куда поселили Васю, однако на месте его не оказалось. Товарищ, живущий с ним, сказал, что Вася «поехал учить на пляж». Вернется поздно вечером.

Пообедав в студенческой столовой, Мария Захаровна прождала племянника весь день и, когда до отхода по-

следней электрички в райцентр остался всего час, несолоно хлебавши побрела с корзиночкой клубники на железнодорожный вокзал Новосибирск-Южный. На пути неожиданно встретила Галину Тюменцеву. Оказывается, Галина приехала к подруге, которая живет близко от института, на улице Гурьевской. Узнав, что Мария Захаровна с расстройства не сообразила оставить в комнате племянника клубнику, охотно взяла корзиночку, записала адрес и фамилию Васи, чтобы завтра утром передать ему подарок от тети.

— Получается, с Тюменцевой Вася все-таки был знаком? — спросил Голубев.

Мария Захаровна помедлила с ответом:

— Нет. Галина, как вернулась из Новосибирска, сказала, что сама она не смогла забежать в общежитие и оставила ягоды у подруги, а та якобы обещала отнести.

— Имя или фамилию той подруги Тюменцева не говорила?

— Говорила... То ли Верка, то ли Ирка...

— Кажется, на днях какая-то подруга у Тюменцевой гостила, — намекнул Слава.

— Не знаю, болтать не буду.

— А что это Вася задолго до приемных экзаменов в институт приехал?

— Подготовительные курсы хотел посещать. Неделю походил на них и бросил. Самостоятельно стал готовиться.

— С книжками к вам приехал?

— Нет, без книжек, — ответила Мария Захаровна таким тоном, как будто только теперь догадалась, что племянник, находясь у нее, попросту говоря, бездельничал.

Голубев еще раз перечитал короткую записку на розовой салфетке и опять спросил:

— Куда же Вася уехал: в Новокузнецк или в Новосибирск?

— Должно быть, в Новокузнецк. Дом-то его там, — неуверенно проговорила Мария Захаровна и, чуть подумав, добавила: — А может, он уже и общежитие институтское домом считает.

— Деньги у него были?

— Наверно, были. Как-то давала рубль на мороженое — не взял.

— С девушками Вася как?.. Дружил?

— Слюняй он на этот счет. Семнадцать уж стукнуло, а не знает, с какой стороны подойти к девушке.

— А вообще характер у Васи какой?

— Вообще-то характер у него материн: вспылчивый, как порох. И уж что зарубит, хоть кол на голове теши, своего добьется. Очень самолюбивый и настойчивый. Взять с тем же институтом... Упирались родители всяко, чтоб он в Новокузнецке учился. Помощь при поступлении обещали. Нет, сказал, поеду учиться в Новосибирск, поступлю без вашей помощи. И поступит! У него за десятилетку ни одной троечки нет, почти все пятерки. Этим в отца удался. Братец мой сильно башковитый мужик. Большим начальником на металлургическом комбинате работает, а вот дома — размазня. Жена в семье главенствует...

Заговорив о Васиных родителях, Мария Захаровна настолько увлеклась, что Голубеву пришлось прервать ее. Слава записал новокузнецкий адрес Цветковых, попрощался с разговорчивой пенсионеркой и заторопился на железнодорожный вокзал.

Июльское солнце нещадно палило с безоблачного неба. На перроне вокзала ожидающие очередную электричку пассажиры плотным кольцом окружили лоток с мороженым. Разбитная мороженщица бойко привлекала покупателей:

— Мужчины, кто с похмелья, подходите без очереди! Всего пятнадцать копеек за облегчение души! Девушка, не торопись, пропусти дядечку поправить здоровье!..

Приглядываясь к подросткам и молодым парням, Голубев взад-вперед прошелся по перрону — ни одного знакомого лица не было. Слава заглянул в малолюдный зал ожидания. У киоска Союзпечати две девчушки старательно перебирали открытки с портретами киноактеров. Лысый киоскер-пенсионер, едва увидев Славу, развел руками: интересующий, мол, тебя парень так и не появлялся. Слава молча кивнул — дескать, вас понял — и подошел к расписанию поездов. Единственный в сутки поезд из Новосибирска на Новокузнецк проходил райцентр в двенадцать часов ночи. Прикинув, что сидеть сложа руки до этого времени в вокзале будет слишком роскошно, Голубев решил поручить контроль за Васей Цветковым — если тот, конечно, появится — дежурному сотруднику линейного отдела транспортной милиции.

Пожилой приземистый сержант, как узнал Слава, заступил на дежурство в середине дня. Он внимательно

выслушал словесный портрет Васи, посмотрел фотографию Грега Бонама и с украинским акцентом сказал:

— Нэ, такого хлопца нэ видэв. Появиться — нэ упушу.

Голубев вышел из линейного отдела, пересек привокзальную площадь и на автобусной остановке присел на скамейку. Автобуса, как всегда, не было. Со стороны железнодорожного переезда показался желтый мотоцикл с коляской. По белому хоккейному шлему Слава издали узнал сидящего за рулем Филиппенко. Поднял руку. Когда начальник ГАИ остановился, попросил:

— Гриша, подбрось до прокуратуры.

— Мог бы и на своих двоих прогуляться, — видимо, не забыв еще утреннюю колкость, усмехнулся Филиппенко, однако тут же скосил взгляд на прикрытую брезентом коляску мотоцикла. — Надевай шлем.

Слава мигом вытащил из-под брезента шлем и впопыхах нахлобучил его задом наперед. Начальник ГАИ нахмурился:

— Надень как следует и ремешок застегни.

— Есть, надеть как следует! — козырнул Голубев, усаживаясь на заднее сиденье.

Филиппенко плавно тронул с места. Не оборачиваясь, спросил:

— Не знаешь, чего Бирюков по Суржикову против меня копает?

— Видать, Гриша, ты промашку дал. Антон Игнатьич зря копать не станет.

До прокуратуры доехали молча. В кабинете следователя Лимакина одиноко курил судмедэксперт Борис Медников. Поздоровавшись с ним, Слава спросил:

— Чего здесь прохлаждаешься?

— Кофейку попить зашел да в картишки с прокурором срезаться, — в обычной манере флегматично пошутил Медников.

— Заключение, наверное, принес?

— Угадал, сыщик.

— Ну и что там, Боря?

— Паралич дыхательного центра вследствие гипоксии, вызвавшей фибрилляцию желудочков сердца и его остановку.

— Ой, как умно! Другими словами сказать можешь?

— Для умственно отсталых могу: смерть от утопления.

— В такой луже?.. — удивился Голубев. — Там же воробью по колено!

— Захлебнуться можно в ложке, — изрек Медников и многозначительно добавил: — Особенно если этому поспособствовать...

— Боря, не томи.

Судмедэксперт старательно раздавил в пепельнице окурок.

— На затылке потерпевшей имеется травма, от которой обычно наступает помрачение сознания. Если в таком состоянии столкнуть человека в воду, утопление гарантировано. К тому же красавица была пьяна...

— Когда наступила смерть?

— Около двенадцати ночи.

— Значит, сразу после танцев?

— Это вам, сыщикам, решать: после танцев или после ресторана.

Вошел Петр Лимакин. Бросил на стол папку с материалами начатого расследования и посмотрел на Голубева невеселым взглядом. Слава, не дожидаясь вопросов, принялся выкладывать информацию о племяннике Марии Захаровны Данильчук. Когда он упомянул улицу Гурьевскую, на которой в Новосибирске вроде бы живет подруга Тюменцевой, лицо следователя повеселело. Но заговорил Лимакин лишь после того, как Слава, что называется, на едином дыхании полностью выдал собранные сведения.

— Адрес по Гурьевской Тюменцева сообщила мне на допросе. — Следователь раскрыл папку. — Я из кабинета Семена Трофимовича только что переговорил с областной прокуратурой. Там через городское адресное бюро узнали: в квартире по указанному адресу десятый год прописан Фарфоров Вадим Алексеевич, а в прошлом году прописалась Крыловецкая Ирина Николаевна, на семнадцать лет его моложе...

— На каком основании оформлена прописка?

— На основании свидетельства о браке...

— Крыловецкая — жена Фарфорова?

— Так выходит...

Зазвонил телефон. Лимакин ответил, сразу сосредоточился. По содержанию разговора Голубев понял, что звонит Бирюков. Следователь подробно пересказал полученную от Славы информацию о Васе Цветкове, выслушал сказанное в ответ, кинул короткий взгляд на Голубева и закончил:

— Он сейчас у меня. Сделаем, Антон Игнатьевич, быстро сделаем.

Когда Лимакин положил телефонную трубку, судмедэксперт Медников поднялся.

— Ну я пошел...

— Спасибо, Боря, — пожимая ему руку, сказал Лимакин и повернулся к Голубеву. — Слава, надо срочно выбрать из вашей картотеки всех, кто привлекался по уголовным делам, с именем Валерий...

— Только имя... А фамилия?..

— Фамилию Бирюков пока не знает, но высказывает предположение, что в деле замешан какой-то Валерий и что кража в Заречном и смерть Крыловецкой связаны в один узел.

— Откуда он звонил?

— Из райпо.

— Чего его занесло в торговую фирму?

— Не знаю, не стал он этого объяснять. Как упрямый с картотекой, побывай на вокзале в кассе предварительной продажи билетов на транзитные поезда. Бирюков подсказывает, что племянник тети Маруси Данильчук, возможно, заказывал там билет до Новокузнецка. Если только уже не уехал в Новосибирск.

9. ЖЕЛЕЗНАЯ ИНТУИЦИЯ

В философии интуицией приятно считать непосредственное постижение истины без предварительного логического рассуждения. Не отрицая, в общем-то, философского толкования, Антон Бирюков все-таки подобное определение интуиции относил к категории чистой случайности. В своей работе, начиная распутывать замысловатый клубок, он с первых шагов старался проникнуть в самую суть преступления, и, когда это удавалось, эмоциональный Слава Голубев обычно восклицал: «Игнатьич! У тебя железная интуиция!»

От Сергея Тюменцева Бирюков получил такие сведения, которыми следовало не только заинтересоваться, но и срочно их проверить. Возникшее первоначально подозрение в неискренности Галины Тюменцевой после разговора с ее бывшим мужем окрепло. Опыт подсказывал Антону, что некоторые люди, впервые оказавшись в роли свидетеля или потерпевшего, начинают нервни-

чать уже от необычности своего положения. Каждый уточняющий вопрос ведущего дознание кажется им подвохом, и, стараясь не попасть впросак, они иногда несут откровенную ахинею, доходящую до ссылки на внезапную потерю памяти. Галина Тюменцева на свою память не жаловалась. Делая вид, что напугана запиской, оставленной угонщиком мотоцикла, она боялась чего-то другого. Чего?..

Дверь долго не открывали. Лишь после третьего настойчивого стука в сенях послышались шаги и нетрезвый женский голос спросил:

— Валерк, ты?..

— Я, — машинально ответил Антон.

Звякнул отброшенный крючок — в распахнувшейся двери показалась Галина Тюменцева. Прическа ее была изрядно помята, а плотное тело обтягивал такой мини-халатик, что, будь на месте Бирюкова остряк Борис Медников, он наверняка бы пробурчал: «Мадам, вы очаровательно раздеты».

Немая сцена продолжалась несколько секунд. Тюменцева, придя в себя, демонстративно зевнула:

— А-а-а, снова угрозыск...

— Войти можно? — спросил Антон.

— Я одна дома.

— Тем лучше. Поговорим с глазу на глаз.

Тюменцева, покачнувшись, отступила в сторону, пропуская Бирюкова впереди себя. Антон вошел в чистенькую светлую кухню. Все здесь на первый взгляд было как прежде: справа — кафельная печь-плита, слева — полированный современный буфет с обеденными яркими тарелками и чайными стаканами, рядом — тумбочка с красным телефонным аппаратом, против окна — покрытый новой клеенкой стол. Сейчас на столе стояла пузатая черная бутылка с роскошной импортной этикеткой. Возле нее — хрустальная рюмочка на тонкой ножке и надломленная плитка шоколада. В кухне ощутимо чувствовался запах горелой тряпки.

Тюменцева присела к столу, заложила ногу на ногу и, наблюдая, как Бирюков садится напротив нее у кафельной печи, бесцеремонно спросила:

— Коньяку хотите?

— «Камю», — прочитал на этикетке Антон.

— Французский?

— Естественно. Шик-модерн! С горем пополам одну бутылочку на базе райпо у товароведа выпросила.

- Для Валерки?
- Это кто такой?
- Которому дверь открыли...

Тюменцева пьяным движением руки словно сорвала с лица паутину и внезапно расхохоталась.

— Выпила я сегодня с расстройства... Уснула, и вот, надо же такое!.. Приснилось, что познакомилась с парнем, которого Валеркой зовут, и как будто это он пришел ко мне в гости, стучит, а я никак не могу проснуться... Когда вам открыла, еще от сна не очухалась... — Тюменцева игриво повела глазами. — Вторую неделю ведь без мужа живу... — И потянулась к бутылке. — Давайте лучше выпьем...

Бирюков мягко остановил ее руку:

— Не надо пить, Галина Петровна. Я пришел к вам не на свидание.

Лицо Тюменцевой начало багроветь.

— Да чем я перед вами провинилась?! Бывший муженек, поди, что-нибудь натрепал?

— Кое-что рассказал Сергей...

— Слушайте его больше! Он наговорит всякой ерунды.

— С кем приехала из Новосибирска Ирина Крыловецкая?

— Откуда мне знать, с кем.

— Повторяю: мы не на свидании. С кем приехала Крыловецкая?

— С каким-то парнем!

— Как его зовут?

— Не знаю.

— Галина Петровна, не ставьте себя в глупое положение... — Антон принюхался к неприятному запаху горящей тряпки. — Что у вас горит?

— Душа пылает, а вы опохмелиться не даете, — снова перешла на игривый тон Тюменцева.

Бирюков заметил столь быструю перемену и как бы из любопытства открыл дверцу печи — там медленно дотлевал клок белой материи.

— Зачем вы сожгли окровавленную футболку? — наугад спросил Антон.

Тюменцева равнодушно зевнула:

— Попробуйте доказать, что это была футболка.

— Мне, Галина Петровна, не надо этого доказывать, мне достаточно это знать... — собираясь с мыслями, медленно заговорил Бирюков. — На вашем мотоцикле

совершена кража из сельского магазина, покушение на сторожа. Преступление серьезное. Допустим, мотоцикл у вас действительно угоняли, но... каким образом в вашу печь попала футболка, которая была на одном из преступников?

— Докажите это, — с прежним равнодушием произнесла Тюменцева.

— Не сомневайтесь, докажу, что вы или соучастница преступников, или укрывательница. И в том и в другом случае придется сесть на скамью подсудимых. Перспектива, как понимаете, далеко не радостная...

Тюменцева помрачнела. Казалось, она хотела что-то сказать, но никак не могла решиться. Бирюков заговорил снова:

— Вы, вероятно, не представляете, какую беду сотворили угонщики мотоцикла, и напрасно их укрываете...

— Да не знаю я их! — Тюменцева прижала к груди скрещенные руки. — Честное слово, не знаю! А футболку подобрала около брошенного мотоцикла. Свернутая она валялась. Думала, пригодится вместо тряпки пол мыть. Когда дома развернула, испугалась крови и в печку бросила.

В торопливом ответе Бирюков уловил тревожную нотку то ли неуверенности, то ли раскаяния. Не давая Тюменцевой долго раздумывать, он спросил:

— Почему утром сказали, что Сергей не отдал вам запасной ключ от гаража?

— Так Сережка же только вчера вечером отдал, а мотоцикл угоняли позавчерашней ночью...

— Значит, подозреваете, что бывший муж угонял мотоцикл?

— Да ну, глупости. — Тюменцева стыдливо опустила глаза. — Утром перепугалась смерти Ирины и от страха что попало наговорила.

— Если не виноваты, пугаться нечего.

— Как бы не так. Следователи всегда мягко стелют, да жестко спать потом приходится.

— Чтоб мягко спалось, не надо совершать преступлений. Лгать тоже не надо, — посоветовал Антон и спросил: — Все-таки с каким парнем Крыловецкая сюда приехала? Как его зовут?

— Васьком Ирка называла.

— Фамилия как?

— Не знаю.

— А кто вчера звонил из Новосибирска, когда Сергей с Моховым пришли к вам?

— Почему из Новосибирска?..

— Семичасовая электричка в райцентр только оттуда приходит.

Тюменцева уставилась было на Бирюкова, но тут же ее взгляд ускользнул в сторону:

— Вадим звонил, муж Ирины. Ревнует он Ирку посумасшедшему. А чего, спрашивается, ревновать, если Ирка капитально решила с ним развестись...

Наконец-то Тюменцева сказала правду. Результат дальнейшей беседы полностью зависел теперь только от сообразительности и чутья Антона. Задавая вопрос за вопросом, Антон помог Тюменцевой «вспомнить», что муж Крыловецкой все-таки приехал в райцентр с семичасовой электричкой, позвонил с вокзала и, узнав, что Ирина ушла на танцы, повесил трубку. «Вспомнила» Галина Петровна и фамилию Васька, который, оказывается, доводился Марии Захаровне Данильчук племянником, а родители его вроде бы жили в Новокузнецке. По мнению Тюменцевой, у Ирины насчет Васька были какие-то дальние планы, однако в предпоследний день они крупно поссорились, после чего Васек даже не пришел отметить девятнадцатилетие Крыловецкой.

Бирюков попытался выяснить причину ссоры, но Тюменцева или действительно этого не знала, или сама была замешана в конфликте. Уставясь взглядом в окно, она хмуро объяснила, что готовила на кухне ужин, когда Ирина и Васек, находящиеся в комнате, ни с того ни сего схватились между собой, и Васек выскочил из дома злой как не знаю кто. После этого он у Тюменцевой больше не появлялся.

— Неужели не поинтересовались у Ирины, что между ними произошло? — настойчиво спросил Антон.

Тюменцева дернула плечом:

— Интересовалась... Ирина махнула рукой: «Сопляк он! Давай, Галка, лучше выпьем».

— Выпили?

— Да. Поужинали и спать завалились. Не слышали даже, как мотоцикл угнали.

— Что Ирина привезла с собой из Новосибирска?

— «Дипломат» ее можете посмотреть.

— Давайте вместе посмотрим.

Тюменцева провела Бирюкова в комнату, показала на прислоненный к серванту плоский чемоданчик. За-

тем, чтобы не блеснуть голым телом из-под мини-халатика, сделала похожее на книксен приседание, взяла «дипломат» и, положив его на стол, открыла.

Бирюков перебрал содержимое чемоданчика: темные очки в тонкой роговой оправе «Нанси», косметичка с набором косметики и флакон духов «Елена», четыре нераспечатанные пачки «Мальборо» и сборник повестей Франсуаза Саган «Немного солнца в холодной воде». В книге, словно закладка, лежал паспорт на имя Крыловцевой Ирины Николаевны. Фотография в паспорте, казалось, была точной копией той, которую нашли разорванной возле пожарного настила на берегу озера. На страничке «Семейное положение» стоял прошлогодний штамп о регистрации брака с Фарфоровым Вадимом Алексеевичем. Через неделю после регистрации была оформлена прописка по улице Гурьевской. До этого чернели два штампа с прописками по улицам Дмитрия Донского и Тургенева.

Антон показал на яркие пачки «Мальборо»:

— Откуда у Ирины эти сигареты?

Тюменцева вздрогнула:

— Не знаю, она всегда такие курила...

— В райцентре их продают?

— Да... откуда мне знать... — неопределенно ответила Тюменцева и вроде бы смутилась: — Сама я не курю...

— А Вася Цветков курит?

— Нет, кажется... Иногда за компанию с Иркой вроде баловался.

— Он на вашем мотоцикле позавчера днем никуда не ездил?

— Позавчера я весь день дома не была — отпуск оформляла. Ирина тоже со мной ходила. Вернулись после шести, вскоре Вася пришел... Тут они и сцепились с Иркой.

— А вообще Цветков умеет управлять мотоциклом?

— Не знаю.

— Какие драгоценности были у Ирины?

Мутноватые глаза Тюменцевой заблестели:

— Ой, дорогие!.. Перстень с бриллиантами за три тысячи сто пятьдесят шесть рублей с копейками ей муж подарил в день бракосочетания, и еще Ирка носила красивую золотую печатку, а на шее — цепочку с крестиком. Тоже золотые...

— С этими украшениями Крыловецкая и ушла на танцы?

— Да! Она даже на ночь никогда их не снимала.

— Следователь показывал вам труп Ирины для опознания?

— Показывал... Но я, честное слово, кроме лица, ничего не разглядела.

Исподволь рассматривая во время разговора обставленную полированной мебелью комнату, Бирюков подумал, что Тюменцева чистоплотная хозяйка. Это несколько противоречило ее теперешнему растрепанному, полупьяному виду. И еще одно бросалось в глаза: вместительный импортный сервант до отказа был заставлен хрустальной посудой, а полки книжного шкафа, входящего в состав комнатного гарнитура, пустовали. Лишь на одной из них красовались сидящие как на смотринах нарядные дорогие куклы и лежали друг на дружке две колоды игральных карт: верхняя основательно потрепанная, нижняя — совершенно новая, в упаковке.

— Сейчас, Галина Петровна, пригласим понятых, и я заберу у вас чемоданчик до выяснения причины смерти Крыловецкой, — сказал Бирюков.

— А мне все равно... — с внезапной апатией проговорила Тюменцева. — Забирайте, если надо.

На формальности, связанные с изъятием «дипломата», потребовалось совсем немного времени. Выйдя от Тюменцевой, Бирюков зашел к ее соседу шоферу Исакову, который помогал Галине катить к дому угнанный мотоцикл, и без труда выяснил, что никакого свертка из хлопчатобумажной материи у Галины в то время не было.

«Этого и следовало ожидать...» — мрачно подумал Антон, глянул на часы и попрощался с Исаковым. Рабочее время близилось к концу, а надо было сегодня же зайти в контору райпо.

Директор объединения розничной торговли принял Бирюкова очень любезно. По-спортивному стройный, он, несмотря на жару, был при галстукке, в новеньком замшевом пиджаке. Едва Антон заговорил о краже из зареченского магазина, директор сразу признался, что завмаг Тоня Русакова сообщала ему о неисправности охранной сигнализации, но он замотался в повседневной текучке и забыл своевременно принять меры. Теперь сигнализация уже налажена.

Проведенным срочно учетом в магазине выявлена недостача четырехсот восьмидесяти рублей. Иными словами, воры похитили всего только коробку с «лордовскими» золочеными запонками да еще какую-то пятирублевую пустяковину. Стоимость припрятанной завмагом бутылки коньяка «Камю» в недостачу не включена, так как магазин — не место для хранения личных ценностей.

— Этот коньяк меня особо интересует, — сказал Антон. — В свободной продаже его не было?

Директор поправил галстук:

— Нет, конечно. Случайно к нам на базу всего десять бутылок попало.

— Можно узнать, сколько из них осталось?

— Попробуем. Сейчас приглашу товароведа...

Вскоре в кабинет вошла белокурая молодая женщина. По ее словам, из десяти бутылок «Камю» семь находятся до сих пор на складе.

— Где три остальные? — строго спросил директор.

— По фактуре отпустила центральному гастроному, — быстро ответила товаровед.

Директор хотел что-то сказать, но Бирюков опередил его:

— Кто купил эти три бутылки? — И, чтобы не тянуть время, добавил: — Одну — завмаг из Заречного Русакова. Кто — две других?..

Сбитая с толку осведомленностью незнакомого ей человека, товаровед быстро призналась, что вторую бутылку незаконно продала сотруднице кулинарного магазина Галине Тюменцевой, а третью купила сама.

— Анна Леонидовна! Товарищ Огнянникова, я вас уже неоднократно предупреждал... — с металлической суровостью заговорил директор объединения, однако Бирюков, извинившись перед ним, поинтересовался у товароведа сигаретами «Мальборо».

Эти сигареты оказались в райпо такой же редкостью, как и французский коньяк. Прислали их на базу всего несколько блоков, по пятьдесят пачек в каждом укрупненном блоке. Сигареты дорогие, поэтому особым спросом не пользуются. Один блок «Мальборо» получила по фактуре заведующая продовольственным магазином из села Заречного.

— Когда она этот блок получала? — спросил товароведа Бирюков.

— Вместе с Тоней Русаковой приезжала, позавчера.

Получили каждая свои товары и на одной машине уехали.

— Галина Тюменцева не покупала «Мальборо»?

— На складе — нет, а у завмага — не знаю.

— Она что, была на складе, когда завмаг получала сигареты?

— Да, Галка часто у нас бывает. Увидала, что я продала Русаковой бутылку «Камю», и тоже выцыганила. От Тюменцевой, если прилипнет, никакими отговорками не отбояришься.

Бирюков попросил директора розничного объединения созвониться с заведующей зареченского продмага и узнал, что там за два дня разошлось всего шестнадцать пачек «Мальборо»: пять в первый же день купил какой-то приезжий парень, остальные из любопытства к заграничному оформлению взяли местные жители.

10. ЛЮДИ ГИБНУТ ЗА МЕТАЛЛ

После разговора по телефону со следователем Лиماкиным Бирюков направился из райпо в райотдел пешком, чтобы по пути заглянуть на железнодорожный вокзал и избавить Славу Голубева от дополнительной работы, если тот не успел еще ее сделать. Помахивая «дипломатом», Антон стал переходить улицу и увидел приближающийся попутный молоковоз со знакомым номером. Мохов затормозил. Открыл дверцу кабины, улыбнулся:

— Сегодня я у вас как личный шофер.

— Надеюсь, не обижаешься по старой памяти, — усаживаясь рядом с ним, сказал Бирюков.

— Какой разговор!

— Ты почему, Павел, от меня скрыл, что вчера вечером у Галины Тюменцевой коньячок пробовал?

Мохов переключил скорость.

— Не хотел раньше Сергея в пекло лезть. Я ж говорил, в семейных делах пусть он сам перед вами исповедуется.

— Побоялся противоречий в показаниях?

— Теперь мне бояться нечего. Со старым намертво покончил. А Тюменцев, повторяю, мировой парень. Жалко вот только с женитьбой, чудак, запутался — любит Галку.

— Зато ты, похоже, Галину ненавидишь.

— Это точно. У нее ж на морде крупными буквами написано: дура беспросветная!

— Я этого не заметил, — умышленно возразил Бирюков.

— Галку с первого захода не раскусишь. Когда дело коснется жульничества, она становится верткой, как змея.

— В чем Тюменцева жульничает?

— Во всем. Зарплату заячью получает, а живет, как слон, на широкую ногу... Обстановку в ее доме видели? Импортный гарнитур с книжным шкафом завела! Кукол вместо книг целую полку насадила... — Мохов ухмыльнулся. — Со временем, конечно, накупает и книг — мода теперь такая. Только зачем Галке книги, если она, как говорится, всего один букварь на двоих с братом прочитала?..

— Давно ее знаешь?

— Порядком. До последней судимости со старшим Галкиным братцем дружбу водил. Такой же болван, как сестрица.

— Где он теперь?

— Вроде бы в Новосибирске болтается. Нынче весной в зоопарке его встречал. В веселом подпитии, вихляться передо мной начал. Плюнул я и разговаривать с трепачом не стал.

— Скажи, Павел, среди знакомых Тюменцевой какой-нибудь Валерка есть?

Мохов бросил на Бирюкова удивленный взгляд:

— Вот этого братца Валеркой и зовут. Воронкин фамилия. Галка до замужества тоже ведь Воронкиной была.

Антон заинтересовался биографией братца, но Мохов о своем бывшем друге сказал лишь, что раньше Валерка шарил по чужим карманам, а последний раз погорел, кажется, на магазинной краже. О Васе Цветкове Павел совершенно ничего не знал, а об Ирине Крыловецкой отозвался еще резче, чем прошлый раз:

— Дрянь девка!..

Когда Антон завел разговор о бриллиантовом перстне и золотом кольце с печаткой, исчезнувших с пальцев Ирины, Мохов категорически заявил:

— Из-за драгоценных цацек районные мазурики на убийство не пойдут.

За разговором Бирюков чуть не проехал железно-

дорожный вокзал. У кассы предварительной продажи билетов Антон увидел Голубева и по его сияющему лицу догадался, что у Славы есть хорошие новости. Едва они вышли вместе на перрон, Слава заговорил:

— Ну, Игнатъич, у тебя железная интуиция! Кассир утверждает, что парень, похожий на Грега Бонама, фотографию которого я показал, утром купил плацкартный билет до Новокузнецка в девятый вагон поезда шестьсот пять. Поезд приходит к нам в двенадцать ночи. Стоянка здесь десять минут. Прежде чем бежать по твоей подсказке сюда, я созвонился с областным управлением розыска. Попросил ребят, чтобы побывали в общежитии института связи. Вася Цветков уже больше недели там не появляется. Вещи его и документы находятся в целостности-сохранности...

— Остановись, Славочка, задохнешься. — Антон улыбнулся. — Картотеку проверил?

Голубев перевел дыхание:

— Так точно. Всего один Валерка за последние пять лет у нас по уголовному делу проходил.

— Воронкин?

— Так точно. Валерий Петрович... — Голубев устался на Бирюкова. — Откуда знаешь?

— Секрет фирмы, — шутливо сказал Бирюков. — Что же Валерий Петрович натворил?

Слава стал рассказывать. Уголовное дело, по которому последний раз привлекался к судебной ответственности Воронкин, было четырехлетней давности, когда Антон Бирюков еще работал старшим инспектором уголовного областного управления. Преступление совершилось в новогоднюю ночь со своеобразной предысторией. Вечером 31 декабря в дежурную часть райотдела вбежала перепуганная девушка. Она шла на бал-маскарад, и у Дома культуры неизвестный парень, угрожая пистолетом, отобрал у нее завернутые в газету туфли. Лицо парня потерпевшая не разглядела. Запомнила лишь на его черной шапке вырезанную из бумаги большую белую снежинку. Дежурный немедленно направил на патрулирование улиц оперативную машину. Патруль объехал весь райцентр, но вернулся с пустыми руками. Ровно в полночь, под перезвон транслируемых по радио курантов, на пульте охранной сигнализации сработал сигнал тревоги из промтоварного магазина ОРСа железнодорожников. Выехавшая туда группа задержания обнаружила на месте происшествия оставлен-

ную впопыхах преступником черную шапку с приколотой к ней бумажной снежинкой. Служебно-розыскная собака уверенно взяла след. Вскоре был задержан с личным пьяный Валерий Воронкин, ранее привлекавшийся за карманные кражи. При обыске у него изъяли самодельную зажигалку-пистолет, какие нередко тайком мастерят бывалые умельцы в исправительно-трудовых колониях.

— Что за этот новогодний «подарок» Воронкин получил? — спросил Голубева Бирюков.

— По совокупности за два преступления четыре с половиной года.

— Значит, теперь он еще отбывает наказание?

— Нет, условно-досрочно освобожден.

— И видимо, раздобыл новую зажигалку...

— Имеешь в виду того парня с дробью в спине, который сегодня в железнодорожной амбулатории перепугал медсестру? — мигом ухватился за мысль Слава. — Слушай, Игнатич, вполне возможно!

— Какого возраста Воронкин?

— При последней судимости исполнилось девятнадцать, плюс четыре, итого двадцать три годика получается, — быстро сосчитал Голубев. — Но выглядит он значительно моложе, потому что комплекцию имеет не богаче моей.

Вот-вот должен был подойти очередной электропоезд. На перроне томились под палящим солнцем редкие пассажиры. Мороженщица лихо рекламировала свою продукцию:

— Последнее научное открытие! В летний зной сливочный пломбир заменяет эликсир молодости! Граждане, налетай — подешевело!..

Слава кивнул в сторону звонкоголосой торговли:

— Омолодимся?..

Бирюков посмотрел на часы:

— Подождем, электричка пройдет — тогда.

Электропоезд прибыл через три минуты. Он быстро всосал в себя отъезжающих и умчался дальше. С десятков приехавших потянулись к автобусной остановке. Мороженщица окинула взглядом опустевший перрон и стала быстро собирать с лотка в горсть вырученные монеты. Бирюков невольно загляделся на ярко сверкающее при каждом движении пальца золотое кольцо с вензелем-печаткой. Вместе с Голубевым он подошел к лотку, спросил:

— Где купили такое симпатичное колечко?

— Где купила, там больше нет, — бойко ответила мороженщица.

— А точнее?..

— Зачем тебе, золотце, точно знать? Где я покупала, там ты не купишь.

Бирюков показал служебное удостоверение. На какое-то время мороженщица словно потеряла дар речи. Затем перепуганно уставилась на Антона большими карими глазами и выпалила:

— Чес-слово, не знала, что кольцо ворованное!

— Откуда оно у вас?

— Сегодня часов в одиннадцать утра здесь, на перроне, у молодого парня за свои собственные купила.

— Сколько заплатили?

— Пятьдесят рубчиков, а кольцо-то, может, фальшивое. Я в золоте не разбираюсь, на риск пошла.

— Как тот парень выглядит?

— Не помню.

— Пройдемте в вокзал, к дежурному милиции.

— Зачем в милицию?..

— Чтоб вспомнили парня, у которого кольцо купили.

— Я уже вспомнила! Высокий... Здоровый... Кажется, в джинсах и в синей рубашке.

— Вася Цветков... — тихо сказал Бирюкову стоявший рядом с ним Слава Голубев.

Насторожившаяся мороженщица мигом подтвердила:

— Он самый, Цветков!

— Знаете его? — спросил Антон.

— Кого?

— Цветкова.

— А-а, нет, не знаю! Это я к слову...

— К слову не надо. Говорите правду.

— Да, чес-слово, правду говорю.

— Пройдемте к дежурному милиции, — снова предложил Антон.

— Пожалуйста! Я не воровка. Меня все вокзальные милиционеры знают, подтвердят.

Пожилой сержант-украинец, когда Бирюков рассказал ему о сути дела, с упреком посмотрел на мороженщицу:

— Ну як же ты, Муранкина, такую противозаконную покупку совершила?

— Як? Як? Вот так! — огрызнулась та. — Сами по-распускали шпану, теперь виновных ищете!

— Та, может, тот хлопец вовсе нэ шпана. Вздумал купить яку-нибудь вещь и стянул из дому колэчко.

— Пусть воспитывают детей, чтоб не тянули!

— Та у самой же сын есть...

— Мой Борька по струнке ходит.

— Смотри, щоб нэ сорвался со струны.

— Не переживай, Панас Никитич, у меня не со-рвется!

Сержант глянул на кольцо, вздохнул и осуждающе покачал головой:

— Прямо як у той опере, где поется, шо люди гибнут за металл...

Бирюков попросил у сержанта бланк протокола. Сказал мороженщице:

— Колечко мы у вас заберем. — Повернулся к Голубеву. — Пригласи понятых.

— А кто мне деньги вернет? — встрепенулась мороженщица.

— Задержим парня, тогда о деньгах разговор поведем.

— А вдруг не задержите?..

Антон достал авторучку.

— Вы ведь, говоря юридическим языком, соучастницей преступления стали. За это уголовным кодексом ответственность предусмотрена.

— Какая?

— Если парень, продавший кольцо, окажется несовершеннолетним, то довольно серьезная.

Всю дальнейшую процедуру, связанную с изъятием кольца, мороженщица просидела молча. Закончив формальности, Бирюков отпустил ее вместе с понятыми. После этого созвонился со следователем Лимакиным, попросил пока не уходить с работы.

По пути в прокуратуру Антон и Слава Голубев успели перед самым закрытием побывать в районном универмаге. Заведующая отделом галантереи осмотрела кольцо и уверенно сказала, что таких колец у них в продаже не было.

— А в других магазинах райцентра? — спросил Бирюков.

— Золото только у нас бывает... — Заведующая позвала молоденькую продавщицу, показала ей кольцо. — Зоя, кажется, у тебя точно такое?..

— Такое, Александра Денисовна, — подтвердила продавщица.

— Где покупала?

— Месяц назад в новосибирском «Яхонте». Вместе со мной такую же печатку купила Нина Муранкина. Знаете, на железнодорожном вокзале мороженым торгует...

Слава Голубев с нескрываемым удивлением уставил ся на Бирюкова. Не меньшее удивление выразил и следователь Лимакин, когда Бирюков пересказал ему загадочную историю с кольцом. Все трое стали прикидывать возможные версии, но ничего путного из этого не получилось.

— Надо задерживать Васю Цветкова! — словно подводя итог бесплодным размышлениям, заявил нетерпеливый Слава Голубев.

— У нас для этого нет оснований, — возразил Бирюков.

— Ну, как же, Игнатьич!.. — Слава принялся загибать пальцы. — Во-первых, Вася унес туфлю из Дома культуры, во-вторых, ночевал с Крыловецкой у Тюменцевой, в-третьих, золотое колечко...

— Это пока всего-навсего наши предположения. Надо, Слава, встретиться с Цветковым. Приди пораньше к поезду. Возможно, Вася действительно надумал вернуться в Новокузнецк. Если Цветков появится на вокзале перед самым отправлением поезда, тогда садись с ним в вагон и поезжай до следующей станции.

— Правильное решение, — поддержал Бирюкова Лимакин и спросил: — Что делать с мужем Крыловецкой? Вызывать сюда для официального допроса, или, может быть, Антон Игнатьевич, вначале повстречаешься с ним, так сказать, неофициально?..

Бирюков задумался:

— Если сегодняшняя ночь не подбросит сюрпризов, съезжу завтра в Новосибирск к этому Фарфорову Вадиму Алексеевичу. Посмотрю, что он собою представляет.

11. БЕЖАТЬ БЕСПОЛЕЗНО

Первые пассажиры, отъезжающие с новокузнецким поездом, стали появляться на вокзале около одиннадцати вечера. Время тянулось медленно. Голубев пригля-

дывался к каждому вновь вошедшему в вокзал. Он чуть не наизусть выучил вокзальные расписания, дважды сходил в станционный буфет выпить лимонаду, постоял у закрытого киоска Союзпечати и за пятнадцать минут до прибытия поезда вышел на освещенный перрон. Пройдя вдоль него до багажного склада, где, по словам сержанта линейного отдела, обычно останавливается девятый вагон транзитных поездов, Слава прислонился к затененной стене.

Поезд прибыл с незначительным опозданием. У девятого вагона выстроилась очередь. Ни одного подростка или парня среди пассажиров не было. У других вагонов стояли лишь проводницы.

Когда последний пассажир втянул в девятый вагон громоздкий чемодан, Голубев с досадой подумал, что, по всей вероятности, кассир предварительной продажи билетов ошиблась. Как раз в этот момент от противоположной стороны затененного багажного склада к девятому вагону подбежал высокий парень в джинсах и торопливо подал проводнице билет. Не успела проводница разглядеть, тот ли номер вагона указан в билете, Голубев уже стоял рядом с нею. Молодое лицо парня показалось Славе похожим на портрет Грега Бонама, и Слава спросил:

— Если не ошибаюсь, вы Вася Цветков?

— Ну и что?..

— Я из уголовного розыска, хочу с вами поговорить.

— Поезд сейчас уйдет.

— Проедусь...

Парень оставил билет в руках ничего не понимающей проводницы и со всех ног бросился вдоль перрона. Голубев метнулся за ним. Сержант линейного отдела наблюдал эту сцену со стороны. Он мгновенно оценил обстановку: пересек парню путь, поймал его за руку и успокаивающе заговорил:

— Та ты шо, хлопец, як с цепи сорвался?.. Ты шо, милиции пугаешься?..

Тут же подоспел запыхавшийся Слава:

— Ну, парень, откалываешь номера!.. Попыткой к бегству ты облегчил мою задачу... Теперь на основании статьи сто двадцать второй уголовно-процессуального кодекса я имею полное право задержать тебя... Быстро говори, что натворил?

— Ничего.

— А зачем побежал от меня как угорелый?

- Ничего я не бежал.
- Выходит, это мне приснилось?.. Давай уточним: фамилия, имя, отчество?..
- Цветков Василий Анатольевич.
- Прекрасно. Тебя, дружок, я и ишу. Туфельку Ирины Крыловецкой сегодня в Доме культуры взял?
- Ну, взял.
- Зачем она тебе понадобилась?
- Чтобы Ирине отдать.
- А где сейчас Ирина, знаешь?
- Ничего я не знаю! — закричал Вася.
- Не шуми. Паспорт с собой?
- Нет, в Новосибирске, в общежитии.
- Почему без документа в Новокузнецк направился?
- Мое дело...
- Твои дела стали нашими заботами, — с упреком сказал Слава. — В карманах что?
- Тридцать пять рублей с мелочью.
- Ножа нет?.. — Голубев быстро ощупал карманы Цветкова и сам же ответил: — Молодец, что ножик с собой не таскаешь. Сейчас зайдем в вокзальную милицию, оформим протокольчик о твоём задержании...
- Не виноват я, — сдавленно буркнул Цветков.
- Вот и прекрасно. Утром с тобой побеседует следователь, разберется и, если ты действительно невиновен, отправит домой. — Голубев посмотрел на сержанта. — Никитич, заberi у проводницы Васин билет и возврати его в кассу.
- Новокузнецкий поезд отпустил тормоза, плавно тронул с места. Заметив, как на глазах Цветкова навернулись слезы, Слава успокаивающе проговорил:
- Не расстраивайся, Вася. Поможешь разобраться нам в запутанной истории и уедешь к маме с папой. Ну, чего ты в самом деле как маленький...
- При оформлении протокола Цветков отвечал на вопросы вроде бы искренне, но настолько лаконично, что создавалось впечатление, будто он дрожит над каждым словом. По его показаниям выходило, что с Ириной Крыловецкой познакомился в райцентре на танцах. Несколько раз встречался с ней у Тюменцевой, но ни разу там не ночевал. Когда узнал, что Ирина замужем, крепко поругался с ней. Как узнал? Случайно заглянул в паспорт. О том, что Ирина туфля находится в Доме

культуры, Васе рассказала знакомая девчонка — раза два или три танцевал с ней, но ни имени, ни фамилии не спросил. Почему забрал туфлю? Потому что не считал это преступлением. Просто хотел, чтобы Ирина поняла, что нельзя так сильно напиваться и что знакомство на этом кончается.

— Как же ты, Вася, узнал, что Ирина была пьяной? — спросил Голубев.

— Видел Ирку вечером перед началом танцев.

— Где?

— У моста, рядом с танцплощадкой. — Цветков потупился. — Она с каким-то мужчиной разговаривала.

— С каким?

— С бородатым и сутулым, как боксер.

— О чем они говорили?

— Я на мосту стоял, не слышал. Кажется, ругались. Мужчина держал Ирку за руку. Ирка вырвалась и побежала. Потом остановилась. Вроде бы кольцо с руки сорвала и в мужчину бросила.

— Точно кольцо?

— Не знаю. Мужчина нагнулся, что-то поднял и спустился с насыпи к реке, в кусты. — Цветков тревожно глянул на Голубева и вновь потупился. — Больше ничего не видел, ушел домой, к тете Марусе.

— И не знаешь, что случилось после с Ириной?

— Не знаю.

— Ну а зачем же соврал в Доме культуры, будто я разрешил тебе забрать туфлю?

Цветков стыдливо покраснел:

— Так получилось...

Голубев пригляделся к импортной этикетке на левом кармане Васиной рубашки, быстро спросил:

— У тебя и джинсы «Рэнглер»?

— Да.

— Где раздобыл?

— Папа из заграничной командировки привез.

Слава потрогал лейкопластырь на своей рассеченной скуле:

— А вот это не ты вчера мне засветил в кустах?..

Цветков исподлобья уставился на Голубева:

— Я вас первый раз вижу.

— Там, Вася, темно было, так что ты мог меня не разглядеть.

— Не был я вчера ни в каких кустах.

— Это хорошо, если не был. А на мотоцикле гонять умеешь?

— Теперь каждый пацан умеет.

— Здорово ездешь?

— Не падаю.

— Позавчера в Заречном пять пачек сигарет «Мальборо» покупал?

— Я не курю.

— А у мальчишек пачку «Космоса» конфисковал... Зачем?

— Чтобы не привыкали к табаку молокососы. — Цветков опять уперся взглядом в пол. — Я ту пачку бросил с моста в речку.

— Интересно... Ну а теперь расскажи, что за кольцо продал на вокзале мороженщице...

Лицо Цветкова вздрогнуло, и он тихим голосом проговорил:

— Какое еще кольцо... Никаких колец не продавал, у меня свои деньги на билет были.

— Значит, вины за собой не чувствуешь?

— Нет, не чувствую.

— Почему же пытался от меня убежать?

— Думал, вы меня за кого-то другого приняли.

— За Грега Бонама? — с улыбкой спросил Слава.

— Не знаю такого...

— Я тоже до сегодняшнего дня не знал, что есть такой английский певец, а благодаря тебе расширил свой кругозор. — Голубев поднялся. — Ладно, Васек, пойдем мы сейчас в районную милицию, там в изоляторе переночуешь.

— Может, я у тети Маруси переночую?.. — робко спросил Цветков.

— Бегаешь ты очень быстро. Опасаюсь, завтра уже не догоню тебя.

Подошедший к концу разговора дежурный сержант отдал Цветкову возвращенные кассой деньги за билет. Бросив короткий взгляд на шупленького Славу Голубева, намекнул:

— Машину бы вызвали...

— Пешком пройдем, здесь рядом, — сказал Голубев и улыбнулся Васе: — Надеюсь, еще раз не побежишь?

— Чего бежать — все равно поймаете, — насупленно ответил тот.

Голубев с Цветковым вышли из вокзала. Ночные улицы пустовали. Редкие лампы тускло освещали до-

рогу. Заговорили о житье-бытье. Поднялись на мост через сонную речку, спокойно дошли до его середины. Внезапно Цветков шарахнулся от Голубева, прыжком вскочил на перила моста и головою вниз бросился в черную темень.

Тяжелый глухой всплеск привел остолбеневшего Славу в себя. Он безотчетно перемахнул через мостовые перила, едва успел вытянуть руки по швам и почти с десятиметровой высоты «солдатиком» врезался в воду. В ушах гулко зазвенело. Слава спружинил ногами о дно — пробкой выскочил на поверхность. Рядом барахтался Вася Цветков...

Когда оба, вконец обессиленные, выбрались на берег, Голубеву показалось, что он переплыл, по крайней мере, Обь. Долго сидели молча, глубоко дыша и не чувствуя мокрой одежды. Болезненно скрючившись, Цветков тихонько постанывал.

— Животом, что ли, хлопнулся? — спросил Слава.

— Н-н-ну...

Голубев вдруг вспылил:

— Ты что, умом рехнулся?! Ошалел? Нашел время трюкачить! А если бы я за тобою не прыгнул?.. Теперь бы наверняка, дурачок, концы отдал! Еще раз драпануть хотел... Зачем, а?.. Мог бы уже после первого раза понять, что бежать бесполезно...

Цветков застонал громче.

— Больно? — спросил Голубев.

— У-угу...

— До больницы дойти сможешь?

— Н-не зна-а-аю...

Слава с трудом поднялся на ноги.

— Ну-ка, шальной... Держись за меня...

12. ПЕРВАЯ РАЗГАДКА

Утром, узнав в дежурной части, что задержанный Голубевым Вася Цветков находится в больнице, Антон Бирюков позвонил Борису Медникову. На вопрос Антона о состоянии Васи судмедэксперт недовольно проговорил:

— Хорошо, что этот мастер беспарашютного спорта плашмя об воду ударился. Если бы нырнул головой, воткнулся бы в дно — и поминай как звали.

- Скоро поправится? — спросил Антон.
- За два-три дня отлежится.
- Надо постараться, чтобы не убежал из больницы.
- Пока ему не до побега...
- Поговорить с ним нельзя?
- Какой сейчас разговор...

Антон положил телефонную трубку и вышел из дежурной части. В коридоре чуть не столкнулся с вокзальной мороженщицей. Раскрасневшаяся Нина Муранкина тянула за руку еле поспевающего за ней подростка. Увидев Бирюкова, она заискивающе выпалила:

— Мы к вам, товарищ начальник! — И смерила подростка сердитым взглядом. — Что надо сказать дяде? Мальчишка исподлобья зыркнул черными глазами:

— Здравсте.

Бирюков поздоровался и пригласил ранних посетителей в свой кабинет. В кабинете Муранкина усадила мальчишку рядом с собою, вздохнула и с возмущением заговорила:

— Это сын мой, Борька. Четырнадцать лет балбесу. Был парень как парень, а вчера... — Бесцеремонно шлепнула сына по затылку. — Ну-ка, балбес, излагай своими словами, какую пакость вчера отмочил!

Борька втянул голову в плечи:

— Кольцо мамкино в карты проиграл.

— Как же это ты, Боря?.. — с упреком спросил Бирюков.

Подросток недолго посопел:

— Мы в дурака утром играли. Подошел тети Маруси Данильчуковой Васек, спрашивает: «У кого, шнурки, деньги есть?» Я десятничек показал. Говорит: «Хочешь, в настоящую игру научу? Двадцать одно называется»... — Борька рассказывал и хмурился. — Стали играть. Я у Васька рубль выиграл, потом еще пятьдесят копеек. Васек говорит: «Ух, шнурок, какой ты везучий, аж завидки берут! Сыграем по-крупному?» Я сказал, что у меня крупных денег нет. «Из дома принеси», — говорит. — Наверняка выиграешь — назад положишь»... Мамка всегда в буфете деньги оставляла, а вчера не оставила. Кольцо взял, принес... Васек говорит: «По частям или сразу все ставишь на кон?» — «Сразу», — говорю... Сбанковали. Васек банк взял. Я говорю: «Банкуй еще». Он говорит: «Сегодня некогда, как-нибудь в другой раз отыграешься»... И ушел с кольцом, а у меня рубль пятьдесят его остались...

— Сбанковал, балбес! За рубль пятьдесят золотую печатку фукнул!.. — Муранкина всплеснула руками. — Самое главное, товарищ начальник, картежник Васек мою же печатку и мне же продал за полсотенки. Я к Данильчуковой бегала, но ее племянника и след простыл...

— Как же вы не узнали свое кольцо?

— Подумала, чес-слово, подумала: вылитая моя печатка! Но этот картежник гипнозом с толку сбивает. Ой, выдающийся жулик! Настоящей дурочкой меня сделал.

— Какой там гипноз... — сухо сказал Антон. — За дешевизной погнались.

— Ну, знаете, я, конечно, не миллионерша. За полную стоимость, понятно, не стала бы одинаковое кольцо покупать, но тут... Перед людьми теперь стыдобушка...

— А когда за бесценок покупали у знакомого парня золото, не стыдно было?

— Чес-слово, не знала я этого проходимца! Балбес мне рассказал, когда из вокзальной милиции вчера домой пришла, в буфет глянула — и сердце обмерло. Я ж за трудовые деньги свое колечко покупала...

— Зачем же ты, Боря, согласился на деньги играть? — спросил мальчишка Антон.

— Васек все время проигрывал... Он еще карандаш мне подарил...

Мальчишка достал из кармана черный фломастер. Бирюков взял его и положил перед собой на стол:

— На время заберу у тебя. С кем еще Васек в карты играл?

— Не видел, не знаю.

— А дружил на вашей улице с кем?

— С Галины Тюменцевой подружкой, которая в озере утонула.

— Где ты их вместе видел?

— На танцах и на пляже.

Борька, в общем-то, оказался осведомленным малым. Бирюков узнал от него, что Васек не только танцевал и купался с «подружкой», но и часто катал эту «подружку» на Галинином мотоцикле. Еще Борька видел, как позавчера после обеда Васек укатил от дома Тюменцевой с каким-то парнем в белой футболке. Был ли на футболке у парня нарисован волк, Борька сказать

не мог, потому что смотрел на мотоциклистов издали. К вечеру они вернулись и закатали мотоцикл в гараж.

— Боря, а ты не знаешь, кто у Галины Тюменцевой в ту ночь угонял мотоцикл? — спросил Антон.

— Не знаю.

Примолкшая было Муранкина внезапно вспыхнула:

— Чего прикидываешься незнайкой? А кто у дяди Вити Суржикова машину хотел угнать?..

Мальчишка взглянул на нее исподлобья:

— Меня не про машину спрашивают.

— Рассказывай всю правду!..

— Минуточку, — остановил Муранкину Бирюков. — Давай, Боря, спокойно поговорим. Ты знаешь, кто хотел угнать машину Виктора Андреевича Суржикова?

Борька уставился в окно:

— Это на прошлой неделе было...

— Об этом тебя и спрашиваю.

Наступила пауза. Мальчишка заерзал на стуле. Молчание взрослых начало его беспокоить, и он вдруг признался:

— Я хотел на дяди Витиной машине прокатиться.

В больших карих глазах Муранкиной метнулся ужас.

— Чего мелешь, балбес?! — сорвавшимся голосом крикнула она.

Борька поежился:

— Это правда, мам...

— А чего ты мне про Пашку Мохова молол?! —

Мохов мне уши надрал...

— За что?!

— За то, что хотел на его молоковозе прокатиться.

— Ох, я тебя, балбес, сегодня прокачу! Ох... — От возмущения у Муранкиной перехватило дыхание.

Изредка бросая на багровую от гнева мамашу боязливый взгляд, Борька откровенно рассказал, как Павел Мохов застал его в кабине молоковоза и как потом у него всю ночь горели уши. В отместку за это Борька решил проехаться на машине Суржикова, а сказать на Пашку. Но самосвал врезался в избу Исакова — пришлось убежать.

— Кто, Боря, научил тебя заводить машину? — спросил Бирюков.

— Дядя Сережа Тюменцев. Он любит пацанов. Когда у Галины жил, часто меня в рейсы брал. Советовал, если после школы в институт не поступлю, на шофера учиться.

Муранкина ядовито ухмыльнулась:

— В институт... В колонию для несовершеннолетних, дурачок, поступишь!

Бирюков кинул на нее строгий взгляд. Опять спросил мальчишку:

— Боря, а Галины Тюменцевой брата знаешь?

— Валерку? Знаю. Его фамилия Воронкин.

— Когда последний раз его видел?

— Давно, как судили...

— И ты, балбес, по Валеркиному пути пойдешь! — снова сорвалась Муранкина. — Ну, миленький, сегодня высеку тебя как сидорову козу!

— За правду сечь нельзя, — строго сказал Бирюков и обратился к мальчишке: — Боря, выйди в коридор, мы с мамой поговорим.

Мальчишка с явным облегчением шмыгнул за дверь. Муранкина возмущенно вздохнула, однако Бирюков остановил ее:

— Нельзя так воспитывать ребенка.

— Как... как это нельзя? — На лице Муранкиной появилось откровенное недоумение. — Он же черт-те что на себя наплел!

— Дети, как правило, на себя не наговаривают.

— Так Борька же у меня неправильный! Он как две капли воды в отца дураком уродился. Тот, кровосос, мне нервы трепал, пока не подход от водки, теперь... Ну разве нормальный ребенок станет такую несуразицу в уголовном розыске плести?.. Это он Пашку Мохова выгораживает! Запугал Пашка его, поверьте моему слову, запугал...

— Сами вы ребенка запугали, — сказал Бирюков. — Нельзя одними окриками да ремнем детей воспитывать.

— По головке за такие дела надо гладить?

— Поймите, ребенок сказал правду... Получив за это наказание, он в дальнейшем начнет лгать.

— Что ж мне с ним делать? — спросила Муранкина. — Я целыми днями на работе, присмотреть никому...

— Постараемся помочь. Поставим Бориса на учет в инспекции по делам несовершеннолетних, будем контролировать. — Бирюков снял телефонную трубку, набрал номер Голубева. — Слава, к тебе сейчас придут мать с сыном. Оформи их показания протоколом, как положено. После сразу зайди ко мне. В одиннадцать уеду в Новосибирск.

Муранкина заволновалась:

— Товарищ начальник, как же моя золотая печатка?..

— Вашим делом займется старший инспектор по делам несовершеннолетних. По коридору направо шестнадцатый кабинет.

Голубев появился у Бирюкова только через час. Прямо с порога возбужденно заговорил:

— Ну, Игнатийч, накрутил Вася Цветков! И наш начальник ГАИ товарищ Филиппенко, кажется, «прокольчик» выдал по делу Суржикова, а?.. Но Вася — феномен! Скажи: разве заурядный паренек отважится самой хозяйке продать ее же кольцо?

— Сомневаюсь, что это сознательно... — Антон помолчал. — Надо, Слава, через областное управление внутренних дел срочно отыскать Валерия Петровича Воронкина.

— Понял. Ты надолго в Новосибирск?

— К вечеру вернусь. Хочу с мужем Крыловецкой встретиться. Смотри, чтобы Вася Цветков из больницы не улизнул, и срочно вызови из Новокузнецка его родителей. — Бирюков протянул Голубеву взятый у Борьки Муранкина фломастер. — А вот это передай следователю. Пусть Лимакин назначит экспертизу, чтобы сравнить химический состав пасты с надписью на газете, в которую была завернута туфля Ирины Крыловецкой.

13. ЖЕНИТЬБА ВАДИМА ФАРФОРОВА

В Новосибирске Антон Бирюков отыскал магазин «Хрустальный башмачок», рядом с которым в сером многоэтажном доме по улице Гурьевской находилась квартира Фарфорова.

За время работы в уголовном розыске Бирюкову много раз доводилось входить в чужие квартиры незваным гостем, и поначалу при каждом таком визите он испытывал неловкость. С годами это прошло, но чувство «незваного гостя» все-таки осталось.

Дверь открыл невысокий мужчина с загорелым лицом и окладистой бородой. Наморщив широкий обветренный лоб, он снизу вверх уставился на Бирюкова, одетого в штатский костюм, и резко шевельнул суту-

лыми плечами, как будто поправил за спиной тяжелый рюкзак.

— Фарфоров Вадим Алексеевич? — спросил Антон. Мужчина несколько секунд помолчал:

— Да, я Фарфоров Вадим Алексеевич. А кто вы? Бирюков показал удостоверение:

— Начальник уголовного розыска, из района.

— Пожалуйста, входите, — смутился Фарфоров.

Просторная комната, в которую он провел Бирюкова, походила на уголок геолого-минералогического музея. Чего только здесь не было! Оригинально устроенный из прозрачно-слюдянистых кирпичиков электрический камин, красные и оранжевые сердолики, крупные куски ярко-зеленого малахита, яшмы всевозможных тонов и узоров, отшлифованные до глянца пластинки белоснежного мрамора и красновато-черного гранита. Камни загромождали двухтумбовый письменный стол, за которым на стене висел увеличенный портрет бородатого хозяина квартиры. Камни лежали на пианино, книжных полках, подоконниках и на полу по краям пушистого яркого ковра, устилающего всю комнату.

— Вы геолог? — обращаясь к Фарфорову, спросил Антон.

— Да, геолог. Вот мои документы... — Фарфоров вдруг занервничал, достал из ящика стола паспорт и удостоверение личности. — У меня безупречная репутация... Можете справиться в тресте...

— Разговор будет о вашей жене.

— Ирина совершила преступление?

— Трудно сказать...

Фарфоров указал на одно из кресел:

— Садитесь, пожалуйста, — и опустился в кресло напротив.

— Меня интересует прошлое Ирины, — усевшись, сказал Антон.

Широкий лоб Фарфорова бугристо наморщился.

— Стыдно признаться, но ее прошлого, можно сказать, я не знаю. Будем взаимно откровенны: что случилось с Ириной? Если не скажете правды, отвечу тем же...

Фарфоров смотрел на Бирюкова взглядом уставшего, мучительно переживающего человека. Создалось щекотливое для Антона положение: с одной стороны, чтобы установить с Фарфоровым контакт, надо было сейчас же сказать ему о смерти жены, с другой — от-

кровенность могла оказаться преждевременной. Антон пошел на компромисс:

— Вадим Алексеевич, я скажу вам правду, но прежде прошу ответить на несколько моих вопросов. Согласны?

— Согласен, — чуть подумав, сказал Фарфоров.

— Когда вы узнали, что ваша жена уехала в райцентр?

— Несколько дней назад.

— Точнее?..

Фарфоров зажал в кулак бороду.

— Точнее... Последние три месяца я был в нарымской тайге. В Новосибирск прилетел неделю назад — Ирины уже дома не было, хотя я ее предупредил телеграммой.

— И она получила эту телеграмму?

— Да, получила. — Фарфоров на несколько секунд отлучился в кухню. Вернулся оттуда с телеграфным бланком. — Вот эта телеграмма валялась под кухонным столом. Можете прочесть.

«ИРИШКА БУДУ ЗАВТРА ЖДИ ЦЕЛЮЮ ТВОЮ БОРОДАТЫЙ ПАПОЧКА», — прочитал Антон. Подняв на Фарфорова глаза, спросил:

— Ирина называла вас папочкой?

— Да... То ли дурачилась, то ли из стыдливости, что я намного старше ее.

— От кого узнали, что Ирина в райцентре?

— Позавчера отыскал Лелю Кудряшкину — Ирину подругу. Леля дала телефон какой-то Галины Тюменцевой из райцентра. В конце дня дозвонился до этой Галины. Она сказала, что моей жены у нее нет и никогда не было.

— И вы поверили?

— Не поверил, но в райцентр не поехал.

— Почему?

— Вначале хотел поехать, но передумал. Зачем больше двух часов томиться в электричке, если тебя не хотят видеть?.. — с обидой проговорил Фарфоров и поблаторел. — Больше не отвечу ни на один вопрос, если не скажете, что случилось с Ириной.

— Ирина утонула, — тихо сказал Бирюков.

Морщинистый лоб Фарфорова стал быстро покрываться испариной, словно в квартире наступила жара. Какое-то время он недоумевающе смотрел на Антона...

— Что?.. Как?.. Нет! Вы шутите...

— К сожалению, это правда.

— Как же... Как же о такой жестокой правде вы можете столь спокойно говорить? — почти прошептал Фарфоров.

Бирюков встретился взглядом с немигающими глазами Фарфорова:

— Видите, Вадим Алексеевич... Сотрудникам уголовного розыска нередко приходится говорить людям жестокие слова, однако это вовсе не означает, что мы жестоки. Работа наша такая... Являемся к незнакомым без приглашений и, большей частью, с бедою, хотя сами этих бед не делаем.

— Да-да, я понимаю... — словно соглашаясь с неизбежностью внезапно свалившегося горя, сказал Фарфоров. — Где и как это произошло, с Ириной?..

Бирюков уклонился от ответа:

— Сейчас в этом разбираемся. Думаю, вы нам можете.

— Чем же я могу помочь? Три месяца меня не было дома. Как Ирина здесь жила, почему уехала в райцентр — для меня такая же неизвестность, как и для вас.

— Вы почти год жили с ней под одной крышей...

Фарфоров болезненно усмехнулся:

— Под одной крышей мы находились совсем мало. Я геолог-поисковик. Моя работа не позволяет сидеть в городе.

— Ирина не высказывала по этому поводу претензий?

— Напротив. По-моему, ее даже устраивали мои длительные командировки. Мне уже под сорок, Ирине позавчера исполнилось девятнадцать. Разница, как видите, существенная...

— Это сказывалось на ваших взаимоотношениях?

— Видите ли... — Фарфоров ладонями сдвигал виски. — Я не успел Ирину понять. Она решительная... Волевая... Часто сумбурная, с душой нараспашку. Собственно, как женщина Ирина еще не состоялась, и я утешал себя надеждами на будущее...

— Ссорились часто?

— Что? — Фарфоров явно не расслышал вопроса.

— Если вам трудно сейчас говорить, Вадим Алексеевич, я могу подойти позднее, — сказал Бирюков.

— Нет, нет, спрашивайте, пожалуйста. — Фарфоров

попытался взять себя в руки. — Мне хуже остаться одному...

— У вас с Ириной бывали ссоры?

— Никогда... Я взрослый человек и знал, на что иду, дав согласие на брак.

— Вы не оговорились, Вадим Алексеевич?.. Обычно согласие на брак дает женщина.

Фарфоров поморщился:

— Не оговорился. Инициатором нашего брака была Ирина.

— Как вы с ней познакомились?

— У Ирины, по-моему, все знакомства были случайными. В кинотеатре «Мир» наши места оказались рядом. Смотрели фильм «Женщина, которая поет». После кино разговорились. Мнения совпали. Вдруг Ирина спрашивает: «Вы богатый человек?» — «Относительно». — «Можете одолжить сто рублей?» — «При себе таких денег нет, но зайдем домой, одолжу». — «У вас очень строгая жена?» — «Я не женат». — «Идемте!» Пришли вот в эту квартиру. Ирина заинтересовалась моей коллекцией минералов, как любознательный ребенок. Я не мастер плести разговоры, особенно с девушками, поэтому передал ей деньги и пожелал всего доброго. На следующий день улетел в командировку. Вернулся через месяц. В почтовом ящике записка: «Как отдать вам долг? Позвоните по телефону 21-55-18, спросите Ирину Крыловецкую». Набрал номер. Ответил женский голос. Позднее я узнал, что это была Леля Кудряшкина — подруга Ирины. Короче говоря, через час после моего звонка Ирина заявила сюда. Положила на стол деньги и спрашивает: «Хотите, стану вашей женой?» Признаться, от столь бесцеремонного предложения я растерялся, пробормотал что-то о ее родителях. Мол, как они на это посмотрят... Ирина заплакала: «У меня нет родителей, я детдомовская...» — Фарфоров помолчал. — Вам это неинтересно?..

— Внимательно слушаю, Вадим Алексеевич, — ответил Антон.

— Собственно, больше добавить почти нечего... Упоминание о детском доме отозвалось во мне. Я ведь тоже вырос не у родителей. Словом, на следующий день мы с Ириной подали заявление в загс, и через месяц нас зарегистрировали. На свадебном банкете в основном были мои друзья. Со стороны Ирины — только Леля Кудряшкина... — Мочки ушей Фарфорова ярко

зарозовели. Он нервно дернул плечом, задумался. Внезапно очнувшись, заговорил снова: — О том, что Ирина мама Алла Константиновна Крыловецкая живет в Новосибирске по улице Дмитрия Донского, мне стало известно лишь через полгода после свадьбы... Оказалось, у них произошел серьезный конфликт, и последний год перед совершеннолетием Ирина вместе с Кудряшкиной снимали крохотную комнатенку в частном доме на улице Тургенева. Иными словами, Ирина не жила с матерью.

— Как отнеслась к вашему браку Алла Константиновна?

На лице Фарфорова мелькнула печальная усмешка:

— Теща оказалась всего на два года старше зятя. Отсюда можете представить, что произошло в ее душе, когда она узнала о замужестве своей единственной дочери... Но к чести Аллы Константиновны... Она не стала закатывать истерик и поливать зятя грязью, выставляя в роли соблазнителя. Поначалу это меня даже насторожило. Подумалось, что теща, будучи далеко не старой женщиной, решила избавиться от повзрослевшей дочери. Потом лишь я убедился в глубокой ее порядочности. После гибели мужа она словно обет дала...

— Кем был ее муж?

— Летчиком-испытателем.

— Какая же причина толкнула Ирину на брак с вами? — снова спросил Бирюков.

— Сначала мне казалось, что ее привлекает материальная сторона. Когда перед загсом мы выбирали обручальные кольца, Ирина попросила купить ей бриллиантовый перстень и на радостях расцеловала прямо в магазине, воскликнув: «Я жестоко счастлива, Вадим!»

— Почему жестоко?..

— Любимое ее словцо.

— Значит, не материальная сторона...

— Нет. По-моему, она запуталась в жизни, и брак был единственной возможностью обрести надежный тыл. — Фарфоров тоскливо посмотрел мимо Антона. — И потом, мне кажется, у Ирины были какие-то непонятные планы. Меня, конечно, она никогда не любила. При регистрации мне хотелось записать жену на свою фамилию. Ирина расхохоталась: «Вадим, ты сумасшедший! Мне стать Фарфоровой?.. Это ж все равно что

Попкиной. Нет, Вадим, я останусь Крыловецкой! Фамилia женщину должна украшать».

— Вы несколько раз упомянули Лелю Кудряшкину. Кто она?

— Самая близкая подруга Ирины, по-моему, сожительница какого-то спекулянта импортными тряпками.

Бирюков на всякий случай записал адрес Кудряшкиной, затем с разрешения Фарфорова осмотрел комнату Ирины. Здесь ничего не было лишнего. Узкая односпальная кровать, покрытая золотистого цвета пледом. Возле кровати на полу — пушистый коврик. Единственное окно прикрывала светлая шелковая штора. Справа от окна стоял раскрытый секретер. В нем небольшая стопка школьных учебников и портативный магнитофон со множеством кассет. Слева — трельяж с флакончиками и коробочками. Пестрота этикеток. К трельяжу сиротливо прислонилась гитара. На стене против окна красовался большой рекламный плакат Аэрофлота с портретом картинно улыбающейся стюардессы. Рядом на одной кнопочке держалась цветная фотография самой Крыловецкой в пляжном костюме.

— Ирина когда-то мечтала летать, — показывая взглядом на плакат, тихо проговорил Фарфоров.

Бирюков повернулся к нему:

— Вадим Алексеевич, как вы сами расцениваете свое решение жениться на юной девице?

— Учитывая мою заурядную внешность и возраст?..

— Нет, вашу работу. Постоянные командировки, на мой взгляд, далеко не радостное явление для мужчины, имеющего очень молодую жену, не обремененную к тому же жизненными заботами. Ирина где-нибудь работала или училась?

— Она хотела поступать в торговый институт. Что касается моего решения жениться на ней... — Фарфоров, поправляя несуществующий рюкзак, нервно дернул плечом. — Не стану лгать. Я не был избалован вниманием женщин, поэтому, когда Ирина заговорила о браке, настолько обрадовался, что совершенно не подумал о будущем... Поверьте, это была не корысть, не ошибка... Это было малодушие — не устоял перед юной красотой.

— Вы сильно ревновали жену?

— Ревность — не то слово. Я старался предостеречь Ирину от опрометчивых поступков... В мое отсутствие, как поговаривают соседи, сюда заходили мальчишки...

- На этой почве конфликтов не было?
- У меня хватало выдержки не делать из мухи слона.
- Ирина часто выпивала?
- При мне вообще к спиртному не притрагивалась. Что было без меня, сказать не могу.
- Как встретиться с Аллой Константиновной?
- Она отдыхает в Ялте. Сегодня же дам ей телеграмму, чтобы срочно возвращалась в Новосибирск. Ох, как все это жестоко...

Сутулые плечи Фарфорова совсем опустились, а глаза словно остекленели. Геолог, безусловно, был потрясен свалившимся горем, но на протяжении всего разговора ни единым словом не заикнулся о том, как и при каких обстоятельствах погибла его молодая жена. Это насторожило Бирюкова. Расставаясь с Фарфоровым, Антон уже у самого порога спросил:

— Вадим Алексеевич, значит, позавчера вы в райцентр не приезжали и жену там не видели?

Фарфоров нервно дернул плечом:

— Нет, нет! Что вы!..

14. БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Несмотря на тихий солнечный день, настроение у Антона Бирюкова после встречи с Фарфоровым было тягостное. Чтобы досконально разобраться в «опротечивых» поступках Ирины, предстояло найти ее друзей, из которых пока был известен адрес только Лели Кудряшкиной. Прежде чем встречаться с неведомой Лелей, Антон решил побывать в управлении внутренних дел, навести там справку о Валерии Воронкине и посоветоваться с кем-либо из знакомых сотрудников областного угрозыска.

В информцентре УВД подсказали, что Воронкиным совсем недавно интересовался начальник отдела розыска майор Шехватов. Бирюков поднялся на третий этаж, вошел в знакомый кабинет. Шехватов говорил по телефону. Он протянул Антону руку, приветливо кивнул и сказал в трубку:

— Вот появился твой начальник у меня. Ничего к нему нет?.. Тогда поезжай в Таежный, там все о Воронкине выяснишь... Пока, желаю успеха. — Шехватов по-

ложил трубку, глянул на Бирюкова. — Голубев звонил, рассказывал о ваших происшествиях. Воронкина подозреваете по магазинной краже?

Антон сел возле стола.

— Подозреваем, Виктор Федорович. Насколько уловил краем уха, Воронкин сейчас в Таежном находится?

— Да. Последний год дорабатывает на стройке народного хозяйства.

— Информация точная?

— Абсолютно. — Шехватов поправил на столе бумаги. — Значит, Ирина Крыловецкая у вас там погибла? Фотографию ее привез?

Бирюков достал из нагрудного кармана небольшую фоторепродукцию с разорванного снимка «Дикой кошки». Заметив, как сосредоточенно насторожилось лицо Шехватова при взгляде на фотоснимок, спросил:

— Знакомая девушка?..

— По картежному делу свидетельницей проходила.

Бирюков знал историю этого дела, нашумевшего полтора года назад. Группа отъявленных мошенников в сговоре с таксистами между аэропортом Толмачево и Новосибирском обыгрывала в карты бесшабашных северян, имеющих при себе крупные деньги. Чтобы раскрыть преступление этой шайки, Шехватов несколько месяцев дотошно изучал картежные приемы и в конце концов научился манипулировать картами так, что в один прекрасный день не только продемонстрировал матерым шулерам, какими хитростями они «выигрывают», но и собранными доказательствами усадил картежников на скамью подсудимых.

— В чем заключались свидетельские показания Крыловецкой? — снова спросил Антон.

— По ресторанам с игроками гуляла.

— Сама в деле не участвовала?

— Предположения намечались, что иногда картежники подставляли ее в качестве приманки, но убедительных доказательств собрать не удалось... Вообще надо отметить, Крыловецкая обладала отменной наглостью. Лгала на следствии без зазрения совести.

— Что-нибудь из ее ранней биографии можешь сказать?

— У Крыловецкой, собственно, и биографии-то еще не было... После окончания средней школы ушла от матери. Общалась с разными сомнительными типами, жила на их подачки. Судебный процесс, видимо, ее на-

пугал, и она выскочила замуж за вполне приличного геолога.

— Признаться, Виктор Федорович, этот геолог произвел на меня двойственное впечатление. Ревность отрицает, но видно, что ревновал молодую жену.

Шехватов задумался:

— Кажется, Фарфоров его фамилия?

— Да.

— Когда Крыловецкая скоропалительно вышла за него замуж, мы навели справки. Прошное Фарфорова безупречно, ну а ревность — чувство сложное. Тут всякое может быть.

— Фарфоров дал мне адрес некой Лели Кудряшкиной. Не знаешь такую?

— Знаю. По паспорту — Елена. Она-то и свела Крыловецкую с картежниками. После ухода от матери до замужества Крыловецкая жила с Кудряшкиной в частном домике у престарелой старушки по улице Тургенева. Обе бездельничали и развлекались.

— Теперь Кудряшкина чем занимается?

— В прошлом году познакомилась с одним фарцовщиком. Тот за свои неблагоприятные дела получил срок с конфискацией имущества, а Леля пригласилась у книжного спекулянта по прозвищу Империалист. Есть в Новосибирске такой гражданин. В настоящее время гастролирует по Уралу, добывает дефицитные книги. Когда вернется, тоже, видимо, сядет на скамью подсудимых. Грехов у него много, да еще из Свердловска в наш ОБХСС поступили дополнительные сведения.

— Почему Империалист?

— На языке книжных спекулянтов «империал» — пятнадцать рублей. Этот барыга дешевле ни одну книгу не продает.

— Так за счет фарцовщиков да спекулянтов Леля и перебивается? Сама не работает?

— Чтобы не схлопотать статью за тунеядство, периодически пристраивается кое-куда на месяц-полтора, но большей частью бьет баклуши.

— Посоветуй, чем вызвать ее расположение.

— Самозабвенно обожает внимание к своей персоне. Сделай вид, что очень тебе понравилась, и Леля разоткровенничается. Умом она не блещет.

— О книгах завести разговор можно?

— Кудряшкина в них ничего не смыслит. Но для затравки можешь спросить любую редкую книгу.

Бирюков встал. Шехватов тоже поднялся. Пожимая на прощание руку, сказал:

— Будут вопросы — заходи.

Пришлось несколько раз продолжительно нажимать кнопку звонка, прежде чем за дверью послышался раздраженный женский голос: «Подожди!» Через некоторое время дважды щелкнул открываемый замок. В распахнувшейся двери прямо перед Бирюковым появилась высокая пышнотелая девица с шелушащимся поблекшим лицом. Старенькое летнее платье с глубоким вырезом на груди, если учесть крупногабаритную фигуру, было до неприличия укорочено.

— Красавица, хозяин дома? — почти по-цыгански спросил Бирюков.

Девица бесцеремонно смерила его оценивающим взглядом:

— Зачем тебе хозяин?

— Книгу обещал...

— Детектив?

— Нет. «Княжну Тараканову» Данилевского.

— Разыгрываешь?.. Что это за княжна с рабочекрестьянской фамилией?

— Честное слово, была такая! — поклялся Бирюков и сразу сделал вид, будто удивился: — Вы, кажется, Леля Кудряшкина?!

— Еще что?..

Антон изобразил смущение:

— Да нет, ничего. Ирина Крыловецкая нас как-то знакомила. Помните, я еще в любви вам объяснялся?..

Тонко выщипанные брови Кудряшкиной чуть-чуть дернулись, а серые глаза с напускным равнодушием скользнули по лицу Бирюкова.

— Наверно, в кабаке знакомились?

— Да, в ресторане.

— В каком?

Опасаясь, как бы не назвать такой ресторан, в который Кудряшкина ни разу не заходила, Антон улыбнулся:

— Сами, Леля, вспомните...

— Я кабацких знакомств не запоминаю. — Кудряшкина брезгливо ухмыльнулась. — По пьянке все молодчики мне объясняются, а когда проснутся — нищи ветра

в поле. — И вдруг предложила: — Заходи, чего в дверях вытянулся?

Бирюков еле-еле разминутся с Кудряшкиной в узком коридорчике и вошел в просторную комнату, уставленную книжными стеллажами. Рядом с новенькими томами современной литературы стояли старинные издания Гоголя, Льва Толстого, Достоевского и основательно потрепанные комплекты дореволюционных журналов. Все это было расставлено, как заметил Бирюков, в определенной последовательности и, учитывая нынешний книжный ажиотаж, безусловно, представляло большую ценность.

Кудряшкина небрежно предложила Бирюкову стул. Сама села у письменного стола, заваленного номерами «Книжного обозрения», и в упор стала разглядывать Антона.

— Ты кем работаешь? — внезапно спросила она.

— Геологом, — не моргнув глазом, ответил Антон.

— О-о-о!.. — На лице Кудряшкиной появился нескрываемый интерес. — Вадьку Фарфорова знаешь?

— Конечно. Ирины Крыловецкой муж.

— Вместе вкалываете?

— Нет, я в другом управлении.

— Денег столько же зашибаешь, как Вадим?

— Не меньше.

— Значит, шикарно живешь?

— Как сказать... Не бедствую.

— А Ирку откуда знаешь?

— В ресторане познакомились.

— Вот лошадь! — Кудряшкина скривила тонкие губы. — Богатого Фарфорова на себе женила, да еще других по кабакам подбирает.

— Мы с Ириной по-хорошему знакомы...

Кудряшкина лениво махнула рукой:

— Толкуй мне басни дедушки Крылова. Будто я не знаю кабацких знакомств. — И вдруг без всякого перехода спросила: — Слышь, геолог, у тебя толковые знакомства есть?

— С кем?

— Понимаешь, до зарезу надо к зиме раздобыть дубленку. Есть у тебя кто из знакомых, чтобы по госцене такое дельце проверить?

— Надо подумать...

— Чего радишься? Не бесплатно прошу, за деньги.

Или, может, хороший полушубок достанешь? Геологам ведь дают полушубки.

— Они самим нам нужны.

— Это дураку понятно. Сделай, если я тебе нравлюсь. Жене своей небось толковые вещи достаем...

— Я не женат.

— Ой, мама моя!.. — Кудряшкина расхохоталась. — Все вы, соловьи-разбойники, не женаты, когда с девушками заигрываете.

Антон тоже засмеялся:

— Серьезно, Леля, говорю. Работа такая, что не до женитьбы. Сплошные командировки.

— Ну и что? Вадька Фарфоров тоже из командировок не вылезит, а ведь подженился на молодячке.

— И теперь локти кусает...

— Не все же такие наглые лошади, как Ирка. — Кудряшкина скосила глаза в висящее на стене зеркальце и кокетливо улыбнулась Антону. — Вот я, например, если выйду замуж за хорошего человека, стану верной ему, как преданная собака.

— Вы разве не замужем?

— Понятно, нет. Стерегу квартиру, пока эрудит-книголюб по своим делам рыщет. Вернется — уйду отсюда совсем. В белых тапочках я таких мужей видала.

— Ирина, по-моему, тоже от Фарфорова ушла. Сегодня Вадима встретил — расстроен ужасно.

— Так лопуху и надо!.. Я ж ему русским языком сказала, где Ирку искать. Поехал бы в райцентр, всыпал бы ей как следует и на полном серьезе пригрозил, что выгонит из дому. Ирка мигом бы того фирмача-малолетку забыла...

— Васю Цветкова?

Кудряшкина недоуменно наморщила лоб:

— Как угадал?

— Секрет фирмы, Лелечка... — Бирюков интригующе подмигнул.

Кудряшкина задумалась. Шехватов оказался прав — Леля на самом деле умом не блистала. Поверив в перспективного «жениха-геолога», она перешла с Антоном на «вы» и, напропалую кокетничая, стала всю чернить Крыловецкую, как будто никогда не водила с ней дружбу, а, наоборот, всегда осуждала Ирину за легкомысленное поведение. Поначалу Бирюкову подумалось, что Кудряшкина делает это ради собственного престижа,

но после нескольких вопросов он без особого труда узнал, что «яблоком» раздора между подругами стал не кто иной, как Вася Цветков.

История, в общем-то, была самая банальная. Недели полторы назад Крыловецкая попросила Кудряшкину отнести в общежитие института связи, на Нижегородскую, какому-то Васе Цветкову корзинку с клубникой, оставленную у Крыловецкой подругой из райцентра Галиной Тюменцевой. Цветков оказался «фирмовым» мальчиком, мастером спорта, а его папа — крупным специалистом. Своей радостью, что завела такое «козырное» знакомство, Кудряшкина поделилась с Крыловецкой. Ирина тоже захотела познакомиться с Васей. По простоте душевной Леля привела Цветкова к Крыловецкой, а тот «лопух мигом втрескался в Ирку».

— Ирка умеет мужикам мозги компостировать...

— Зачем она за Фарфорова замуж вышла? — спросил Антон.

— Чтобы жить по-козырному.

— Что ж не живется?

— А у Ирки семь пятниц на неделе. Сама не знает, чего хочет. То стюардессой стать хотела, то в киноартистки собиралась, то в физкультурный техникум документы сдавала, а нынче в торговый институт нацелилась — по стопам мамочки решила идти. Только если мамочка протекцию не сделает, ни в жизнь Ирке туда не поступить.

— Почему?

— Теперь же все на торговле помешались. Конкурс — страшно глядеть! А Ирка в ученье балда балдой. Мы с ней в прошлом году в водный институт поступали. Кое-как она схитрила приемные экзамены, на лекции походила полмесяца и поняла, что мозги имеет не по циркулю, чтобы технические науки изучать. Бросила, дура, институт и меня с толку сбילה... — Кудряшкина вдруг спохватилась. — Вообще-то, если я замуж выйду, в любой институт поступлю. Сейчас у меня просто стимула нет учиться, а тогда...

— Вадим, наверное, ревнует Ирину? — стараясь не упустить инициативу разговора, перебил Антон.

Кудряшкина звонко захохотала:

— В ревности Вадька юморной. Нынче перед Новым годом, как всегда, где-то в тайге бродил, в командировке. Мы с Иркой в новогоднюю ночь забалдели от шампанского и чувака знакомого у себя ночевать оста-

жили. Сами в спальне легли, а его, тоже забалдевшего, на диване в комнате уложили. Утром слышим: трам-тарарам!.. Фарфоров домой заявился! Увидал спящего парня и, не поверите, со злости джинсы его в форточку выкинул. Вот клоунада была!.. Народу уже на улице полно, а парень тот пляшет босиком на морозе, штаны на себя напяливает, а штаны, как назло, не лезут, тесные...

Бирюков улыбнулся:

— Повеселил, значит, вас Вадим.

— Не говорите, прямо животики заболели от смеха. После, конечно, Ирке пришлось поплакать. Фарфоров ее, как нашкодившую кошку, оттрепал. Неделю у меня жила, кое-как я их помирила. Ох, если бы Вадька застал свою женушку с Васьком!.. Убил бы обоих... — Кудряшкина заметила недоверчивую улыбку Антона. — Точно убил бы! Знаете, насколько он раскипятился, когда парня того из квартиры выметал? Чуть дверь в щепки не разнес...

Бирюков попытался выяснить, ездил или нет Фарфоров в райцентр, когда ему стало известно, что Ирина находится там у подруги, но Кудряшкина этого не знала. И вообще разговор о Крыловецкой Леле явно надоел. Видимо, не теряя надежды понравиться Антону, она бестолково принялась искать на стеллажах «Княжну Тараканову». Антон поднялся.

— Вы уходите?! — словно испугалась Кудряшкина.

— Позже зайду, когда хозяин вернется.

В глазах Кудряшкиной мелькнула откровенная тоска:

— Заходите без хозяина. Правда, мне приятно будет.

— Спасибо, постараюсь, — на всякий случай обнадежил Антон.

15. БЕЗ ВЫСТРЕЛА

В Таежный Слава Голубев поехал автобусом. В распадке каменистых сопок дымил заводскими трубами рабочий поселок. Когда автобус въехал на поселковую улицу, Голубев спросил у соседки:

— Где у вас здесь стройка народного хозяйства?

Женщина широко провела рукой:

— У нас кругом стройки. Какую надо?

— На которой осужденные работают.

— Химики?.. Так они по всем стройкам, а общежитие их — на следующей остановке надо выходить. Одноэтажное длинное здание... — Женщина скосила глаза на заклеенную пластырем скулу Голубева, затем смеялась взглядом его дорожный штатский наряд. — Тоже отбывать по суду?..

— Нет, проверять, как работают, — улыбнулся Слава.

На лице женщины появилось недоверчивое выражение:

— А что химикам не работать? Оклады хорошие, знай не ленись. Общежитием обеспечивают, свиданки с родными разрешают. Можно и вообще семью сюда перевезти...

Автобус резко затормозил, распахнул двери. Голубев вышел на остановку, увидел невдалеке одноэтажное длинное здание и зашагал к нему. Вспоминая только что состоявшийся разговор с попутчицей, подумал о том, как сильно укоренилось в обиходе насмешливое слово «химик», происшедшее от того, что после указа, разрешающего заменять лишение свободы исправительно-трудовыми работами, первых осужденных, как правило, направляли на новостройки химической промышленности, где в ту пору не хватало рабочих рук. Много воды утекло с той поры. Давно уже выросли и окрепли химические гиганты, давно их коллективы укомплектованы кадровыми рабочими, а осужденных по указу, как и прежде, называют «химиками».

Общежитие «химиков» представляло собой два длинных ряда комнат, разделенных прямолинейным широким коридором. В самом начале коридора Голубев прочитал табличку «Комната отдыха» и открыл дверь. В просторном помещении стоял большой бильярд, телевизор, несколько столов с подшивками газет и журналов. У открытого окна два коротко стриженных парня — видимо, недавно прибывшие из исправительно-трудовой колонии — играли в шахматы. Один из них — худощавый, в полинялой маечке-безрукавке — вежливо ответил на приветствие Голубева, другой — богатырского сложения, с татуировкой «Нюра» на запястье левой руки — лишь мельком глянул в сторону Славы, прикусил толстую губу и мужественно стукнул по шахматной доске конем. Худощавый в ответ по-лиси двинул пешку.

— Гроссмейстер, вам — мат!.. — довольно потирая ладони, проговорил он и засмеялся. — Теперь сдаешься, Толян?..

Богатырь изумленно уставился в шахматную доску:

— Дай перехожу...

— Ты уже семь раз перехаживал.

— Делать же нечего, пока бригадир придет...

— Уговорил, с тебя пол-литра. — Худощавый передвинул пешку назад, повернулся к Голубеву. — Новенький или к бригадиру?

— К бригадиру, — сказал Слава, усаживаясь на расшатанный стул. — Когда он появится?

— Сказал, через минуту, а уже полчаса ждем.

— Непыльно работаете.

— А чо нам, молодым да красивым...

— Каждый день так?

— Не-е, мы из командировки только что вернулись. Нарядики на завтра получим и пойдем баньки.

В комнату вошел широкоплечий молодой мужчина, комплекцией не уступающий «гроссмейстеру». Не обратив на Голубева ни малейшего внимания, он достал из кармана брюк пачку сложенных вдвое бланков, бесцеремонно выставил из-за стола шахматистов, сел и ученической шариковой ручкой стал заполнять наряды. За стеной забренчала гитара. Мужчина недовольно покосился на стену, словно сам себя спросил:

— Как этот артист работал?

— Нормально! — с бодрейшей воскликнул худощавый шахматист.

— В рюмку не заглядывал?

— Стаканы предпочитал.

— Почему не позвонил мне?.. Больше, Ушмоткин, никогда старшим в отъезд не поедешь!

Худощавый жалобно сморщил лицо:

— Вам, Евгений Павлович, легко строжиться — вы бригадир. А я — кто?.. Расконвоированный «химик». Наябедничаю начальству — темную схвачу.

За стеной голос вдруг завел:

За меня невеста
Отрыдает честно...

Бригадир изо всей силы трахнул кулаком по стене — пение мгновенно оборвалось. Голубев засмеялся:

— Оригинальное выключение...

Бригадир удивленно поднял на него глаза:

— Вы кто такой?

— Старший инспектор уголовного розыска из района.

— Да?.. Сейчас, подождите...

Бригадир коротко подписал наряды, сунул их притихшим шахматистам, и те, столкнувшись в дверях, разом исчезли из комнаты отдыха.

Едва Слава упомянул фамилию Воронкина, бригадир нахмурился. Оказывается, Таежнинское строительно-монтажное управление наряду с прочими объектами строило в райцентре поликлинику. На прошлой неделе там потребовались газосварщики. Бригадир командировал в райцентр расконвоированного «химика» Ушмоткина, имеющего высший разряд газоэлектросварщика, а в помощь ему назначил таких же «химиков» Анатолия Телкова и Валерия Воронкина.

— Первых двух вы сейчас видели, — сказал бригадир. — А Воронкин за стеной арии исполняет. Напакостничал он что-то в райцентре?

— Разбираемся. У него есть футболка с рисунком из мультиков «Ну, заяц, погоди!»?

— По-моему, нет... В такой футболке уезжал Ушмоткин. Перед отправкой, помню, пригрозил ему: «Напорочишь в сварке — я тебе, заяц, покажу!»

— Воронкин и Ушмоткин внешне, кажется, одинаково выглядят?

— Абсолютно. И замашки у обоих одинаковые.

— Кто из них на магазинную кражу способен?

— Оба по одной статье отбывают.

— Живут все трое вместе?

— Да.

Молчание за стеной показалось Голубеву подозрительным, и он предложил бригадире встретиться с Воронкиным. Когда они вошли в соседнюю комнату, Ушмоткин и Телков сидели на кроватях друг против друга, молча дымили сигаретами. На третьей кровати лежала гитара.

— Где артист? — кивком показав на кровать с гитарой, строго спросил бригадир.

— В магазин смотался, харчишек купить, — ответил Ушмоткин.

— В какой магазин?.. Что-то я не слышал, чтобы по коридору кто проходил.

Ушмоткин показал сигаретой на открытое окно:

— Мы, Евгений Павлович, напрямую ходим.

Голубев шагнул к окну — улица была пустынной. Через дорогу от общежития на двери скромного магазинчика с вывеской «Продукты» висел здоровенный замок. За магазином хмурился дремучий сосновый лес. «Ушел пройдоха!» — досадливо подумал Слава и вернулся к Ушмоткину:

— Вы говорили Воронкину, что у бригадира находится сотрудник уголовного розыска?

— А это тайна?..

— Ушмоткин!.. — вспыхнул бригадир. — Не прикидывайся простачком! Куда скрылся Воронкин?

— Провалиться сквозь землю, Евгений Павлович, не знаю! Мы с Толяном, как наряды получили, зашли в свою комнату. Валерка с гитарой на кровати сидел. Я говорю, мол, там к бугру... то есть к бригадиру, конечно, какой-то гражданин заявился, вроде из районной милиции. Валерке мигом шамать захотелось, ну и по привычке шмыганул напрямую через окошко к магазину...

— Где ваша футболка? — спросил Ушмоткина Слава.

— Пижону одному в райцентре продал. Прилип как банный лист...

— Какому?

— Да я его совсем не знаю.

— Можно вашу спину посмотреть?

Ушмоткин замялся:

— На ней ничего красивого нет.

— Не болит?

— Спина-то?.. Давно отболела...

— Разденьтесь, покажите...

Ушмоткин нехотя стянул через голову майку, повернулся к Славе выпирающими худенькими лопатками — во всю спину синела татуировка безобразной русалки с распущенными волосами и упруго загнутым рыбьим хвостом. Ни малейших следов ранения на спине не было.

От мысли, что Воронкин сбежал, как говорится, из-под самого носа, Голубев расстроился. Первым делом он попросил у начальника Таежнинского отделения милиции в свое распоряжение проводника со служебной собакой.

Поджарая молодая овчарка обнюхала койку Ворон-

кина, потянула кинолога из комнаты в открытое окно и уверенно вышла к автобусной остановке, откуда отправлялись маршрутные «Икарусы» до райцентра. Здесь след оборвался. Голубев попросил начальника отдела, отвечающего за соблюдение режима условно-досрочно освобожденными, немедленно объявить розыск Валерия Воронкина. На попутной машине Голубев помчался в райцентр, чтобы на конечной остановке, у железнодорожного вокзала, перехватить водителя маршрутного автобуса, на котором мог укатить из Таежного Воронкин.

Предположение Славы подтвердилось. Пожилой, хитровато щурящийся шофер новенького «Икаруса» припомнил невысокого парня в черной рубаше навыпуск — покупая в Таежном билет, тот болезненно морщился, словно у него невыносимо зудела спина. Доехал этот парень до конца маршрута и среди других пассажиров ушел от железнодорожного вокзала через деревянный мост куда-то в райцентр.

— Наверно, «химик» тягу дал? — не удержался от вопроса шофер.

— Пытается дать, — ответил Слава. — Только ни шиша у него из этой затейки не получится.

Шофер досадливо хлопнул по коленке:

— Знать бы раньше — я его из автобуса не выпустил бы.

— Вот так и поступите, если он еще сунется в ваш автобус.

— Вряд ли беглый назад из райцентра в Таежный поедет.

— Чем черт не шутит...

— Тоже верно, — согласился шофер и пообещал: — Буду смотреть, рейс-то мой еще через полтора часа.

После разговора с шофером Голубев забежал в отдел милиции при железнодорожном вокзале. Ориентировка на Воронкина туда уже поступила. Слава наказал сотрудникам «смотреть в оба» и созвонился с дежурным по райотделу. Там тоже получили ориентировку из Таежного и сразу оповестили всех участковых. Кроме этого, на патрулирование улиц райцентра вышла оперативная машина. Оказавшись вроде как не у дел, Голубев после недолгих раздумий направился к строителям районной поликлиники, где еще вчера работали таежнинские сварщики.

На стройке полным ходом шли отделочные работы.

В конце коридора, у большого светлого окна, усатый старик неторопливо стеклил раму. Возле него стоял мужчина в серой кепке и, похоже, давал «руководящие указания». Это был прораб, Иван Ефимович. На просьбу Голубева — уединиться для разговора — он предложил пройти в прорабскую — дощатый вагончик. Узнав, что Голубев интересуется таежнинскими «химиками», обстоятельно заговорил:

— Ну что про ребят сказать?.. Ушмоткин — классный сварщик. Другой на его месте в два раза дольше канителится бы с таким объемом работы, какой он выполнил. Анатолий Телков тоже молодец — хорошо Ушмоткину помогал. Крестьянской закваски мужик. Рассказывал, по пьяному делу супругу свою «поучил» малость и залетел на «химию»...

— А Воронкин как? — поторопил Слава.

— Валера Воронкин — прохиндей. Больше суетился да винишко попивал, чем работал.

— Со стройки часто отлучался?

— Последние два дня вообще его на стройке не видел.

— Где ж он находился в эти дни?

— Вроде сестра у него здесь, в райцентре, живет. Чтобы не путался под ногами, Ушмоткин как-то при мне сказал Валере: «Катился бы ты, помощник, отсюда. Сеструху, что ли, иди проведай». Ну Валера мигом смотался. Еще и в футболку Ушмоткина принарядился. У самого-то чистой рубахи даже не имелось.

— Иван Ефимович, а в последние час-полтора Воронкин здесь не появлялся? — снова спросил Слава.

— Как будто нет...

— Если появится, сразу сообщите нам.

— Чего сообщать? Мои ребятки без сообщения могут непосредственно в милицию этого субчика доставить.

— Вот спасибо!

Голубев почувствовал «второе дыхание» и заторопился в райотдел. В дежурной части его ожидала новость.

...Патрульная машина, посланная на розыск Воронкина, подъезжала к улице Заводской. В составе патруля находился инспектор Дубков, в участок которого входила эта улица. Внезапно он показал на молодую женщину со спортивной сумкой, только что свернувшую в тополевою рошу у озера, и проговорил: «Вон

Галина Тюменцева пошла, сестра Воронкина. Надо спросить, не заглядывал ли сегодня к ней Валера?.. Дубков вышел из машины, громко окликнул: «Галя!»... Тюменцева продолжала идти, словно оклик ее не касался. Тогда участковый инспектор догнал ее: «Ты, Галинка, разве не слышишь?» Тюменцева от испуга чуть не выронила сумку. «Что несешь?» — спросил Дубков. Тюменцева будто онемела. Участковый попросил открыть сумку и увидел полную коробку «лордовских» золоченых записок...

— Бирюков недавно приехал из Новосибирска и сейчас выясняет у Тюменцевой, каким путем эти записки попали к ней, — сказал Голубеву дежурный.

Голубев мигом выскочил из дежурки. Перемахивая разом через несколько ступенек, взбежал на второй этаж. Когда он вошел в кабинет Бирюкова, Антон уже закончил допрос. На столе красовалась импортная коробка с записками. Тюменцева, красная, как вареный рак, молча подписала протокол и с разрешения Антона вышла из кабинета.

— Ну, что она наговорила? — сразу спросил Слава.

Бирюков положил протокольные листы в папку:

— Говорит, недавно прибежал к ней Валерка и предупредил, что под крыльцом Вася Цветков спрятал коробку с иностранными записками. Если, мол, не хочешь влипнуть в неприятность, срочно куда-нибудь унеси эти записки.

— И куда Тюменцева их несла?

— Хотела в озере утопить.

— А Валерка куда делся?

— Руками разводит.

— Игнатич!.. Воронкин следы замечает, а?..

— Похоже, так...

— Но ведь дробовое ранение на спине он никуда не спрячет. К тому же, это самое... — Слава начал рассказывать о поездке в Таежный.

Бирюков выслушал Голубева, чуть подумал:

— В том, что кражу в Заречном совершил Воронкин при соучастии Васи Цветкова, сомнений почти нет. Сложнее разобраться со смертью Ирины Крыловской...

Слава перевел дыхание:

— В Новосибирске ничего не узнал?

— Так, кое-что... Эксперт-криминалист новость нам подбросил. Помнишь, на пожарном настиле у озера бы-

до засохшее пятнышко крови?.. Так вот, экспертизой установлено, что кровь не Ирины...

— Чья же?

— Аналогичная группа и резус-фактор такой же у Васи Цветкова, но... у него нет телесных повреждений. Это вроде бы в пользу Цветкова, однако опять же «но»... На лицевой стороне разорванной фотографии «Дикой кошки» остались четкие отпечатки Васиных пальцев. Значит, можно предположить, что Цветков на берегу озера поссорился с Ириной и сгоряча разорвал фотографию.

— Тюменцеву еще раз не спрашивал о Крыловецкой?

— Тюменцева гнет свою линию: дескать, муж Ирины приезжал в райцентр и отомстил за измену.

— Ну а на самом деле как он, этот муж?

— Сложное у него положение... — Бирюков посмотрел на часы. — Скоро пойдет электричка в Новосибирск. Надо, Слава, проконтролировать: не попытается ли туда укатить Валера Воронкин.

Голубев тоже вскинул руку с часами:

— Ого! Через пятнадцать минут знакомый шофер маршрутного автобуса до Таежного отправляется — тоже надо посмотреть Валеру. Бегу на вокзал!

— Будь осторожен. Не исключай, что Воронкин вооружен.

Голубев махнул рукой — пока, мол!..

На привокзальной площади в ожидании вот-вот прибывающего проходного электропоезда рядком стояли небольшие автобусы и грузотакси, обслуживающие сельские маршруты. Особняком от них солидно выделялся таежнинский «Икарус» с распахнутыми дверями. В салоне «Икаруса» сидели пассажиры, но шофера на водительском месте не было.

Слава стороной миновал машины, вышел на вокзальный перрон и прошелся среди встречающих электропоезд. Не заметив ни одного парня, даже отдаленно похожего на разыскиваемого Валерия Воронкина, направился в вокзал и в дверях внезапно встретился с шофером «Икаруса». Тот обрадовался, отвел Славу подальше от вокзальных дверей и взволнованно стал рассказывать, что парень в черной рубаше навывпуск сел-таки опять в автобус, купил билет до Таежного.

Шофер понизил голос, огляделся:

— Я объявил пассажирам: сбегаю на вокзал за па-

пиросами, после этого сразу отправимся в рейс. Дескать, не отлучайтесь, чтобы не отстать... — Еще раз оглядевшись, добавил: — Между тем позвонил с автомата в милицию. Дежурный обещал срочно подослать патрульную машину.

— Почему двери автобуса не закрыли? — спросил Слава.

— Техниккой безопасности категорически запрещено, когда пассажиры в салоне, а водителя нет.

— Значит, поступаем так... Садитесь в «Икарусе» на свое место и ждите меня. Как только я войду в заднюю дверь, переднюю сразу закрывайте. Понятно?

— Само собой...

— Идите, я следом.

Шофер вразвалочку вышел с перрона на привокзальную площадь. Перед тем, как подняться в водительскую кабину, он демонстративно распечатал предусмотрительно купленную пачку «Беломорканала», закурил и, вроде бы проверяя, попинал носком ботинка передние колеса машины.

Едва только шофер сел за руль, Голубев шагнул в «Икарус». Окинув взглядом пассажиров, Слава сразу узнал Валерия Воронкина — тот настороженно сидел в первом ряду кресел. Внезапно Воронкин оглянулся. Реакция его была молниеносной.словно катапультировавшись из кресла, Валера бросился к передней двери, но у самого его носа дверь захлопнулась. Воронкин выхватил из кармана пистолет и угрожающе крикнул шоферу:

— Немедленно открой!..

Шофер побледнел. Перепуганные пассажиры вжались в кресла. Голубев чуть-чуть замешкался, однако тут же рванулся по салону вперед.

— Застрелю!!! — пронзительным дискантом взвизнул Воронкин.

Видимо, впопыхах, от волнения он машинально надавил на спуск — из ствола пистолета метнулся безобидный язычок пламени.

— Спокойно, граждане, стрельбы не будет... — проговорил Голубев. Чувствуя от нервного перенапряжения слабость во всем теле, Слава, как в замедленной киносъемке, подошел к Воронкину, поймал трясущуюся с пистолетом руку и облегченно засмеялся: — Не надо, Валера, пугать людей. Отдай зажигалку!..

После утреннего оперативного совещания Антон Бирюков хотел сразу допросить Валерия Воронкина, но позвонил следователь Лимакин. Он готовился допрашивать Васю Цветкова и стал уточнять некоторые вопросы. Закончив разговор со следователем, Бирюков начал было набирать номер дежурного по изолятору временного содержания, чтобы тот привел на допрос Воронкина, но в этот момент вдруг включился внутренний селектор. Подполковник Гладышев срочно пригласил к себе. Когда Антон вошел в кабинет начальника райотдела, там, кроме подполковника, находился представительный, хорошо одетый мужчина с пышными седыми волосами.

— Анатолий Захарович Цветков, — представил мужчину Гладышев, указав взглядом на Антона и добавил: — А это наш начальник уголовного розыска товарищ Бирюков. Можете прямо сейчас пройти к нему, обстоятельно все обговорить...

Цветков поднялся, пожал на прощание подполковнику руку и взял с пола желтый кожаный портфель. В кабинете Бирюкова он первым делом попросил разрешения закурить. Затем спросил:

— Что случилось с моим сыном?

— Вася подозревается в серьезном преступлении, — ответил Бирюков. — Подполковник, видимо, уже рассказывал...

— В общих чертах. Мне хочется знать подробности.

— Подробностей, Анатолий Захарович, пока мы сами не знаем.

— Тогда на каком основании Васю арестовали?

— Ну, если быть юридически точным, — Антон чуть помедлил, — то сын ваш не арестован. Его временно задержали, чтобы выяснить, почему он пытался бежать от сотрудника милиции.

— Странно звучит — пытался бежать...

— К сожалению, это так. При попытке к бегству Вася ушибся, попал в больницу.

— Ушиб серьезный?

— Нет. Врачи говорят, уже все прошло.

Цветков глубоко вдохнул дым:

— Вас интересует характеристика моего сына?

— Безусловно.

Анатолий Захарович притушил в пепельнице недокуренную сигарету, открыл портфель, порылся в нем и протянул Бирюкову с десяток почетных грамот:

— Вот Васины заслуги...

Грамоты были разные: «За отличную учебу и примерное поведение», «За активную работу с пионерами», «За победу в летней Спартакиаде народов СССР», «За первое место в туристском ориентировании», «За добросовестное участие в озеленении города Новокузнецка» и так далее и тому подобное.

Когда Бирюков отложил последнюю грамоту, Анатолий Захарович достал из портфеля роскошную красную обложку с золотым тиснением:

— А вот диплом чемпиона по мотогонкам.

— Значит, ваш сын прекрасно водит мотоцикл? — рассматривая красиво написанный в дипломе текст, спросил Антон.

— Недавно Вася получил звание мастера спорта.

— Ему уже исполнилось восемнадцать лет?

— Немного не хватает. За высокую результативность спорткомитет сделал для него исключение.

Бирюков кратко рассказал о магазинной краже в Заречном. Анатолий Захарович подряд сломал две спички, нервно прикурил новую сигарету. Глубоко затягиваясь, спросил:

— Вы уверены, что именно Вася управлял мотоциклом?

— Утверждать рано, но не исключено.

— Не могу представить, чтобы мой сын связался с уголовниками. Мать контролировала каждый его шаг.

— К сожалению, Анатолий Захарович, вырвавшись из-под родительского контроля, подростки нередко сбиваются с заученного.

— Какой он подросток! Парню семнадцать лет.

— В таком возрасте год-полтора еще ничего не решают.

— Вы правы. Но Вася... Нет, не представляю!

— В деле замешана молодая красивая женщина, мягко говоря, не совсем строгого поведения. Для Васинго возраста это большой соблазн...

— Она из Новосибирска?

— Да.

— У Васи были с ней близкие отношения?

— Анатолий Захарович, что можно, я вам рассказал. Остальное — следственная тайна.

— По долгу работы мне доверяют государственную тайну. Если позволите, с вашего телефона закажу Москву и соединю вас с министром металлургии...

— Зачем? Больше того, что сказал вам, я не скажу и министру, в ведении которого не работаю.

Лицо Цветкова густо покраснело:

— Поймите правильно. Я не хотел щегольнуть служебным положением и, поверьте, никогда не злоупотреблю им. Но судьба сына... Можно мне с Васей встретиться?

— Не рекомендую. Сейчас нам важно быстрее выявить истину. А встреча ваша может помешать, и это осложнит Васину судьбу...

— Но истина может оказаться для Васи печальной...

— Возможно.

— Ценю вашу откровенность и надеюсь получить искренний ответ на более щекотливый вопрос... Какова вероятность возникновения следственной ошибки?

Бирюков откинул со лба свалившуюся прядь волос:

— За ошибки нас очень строго наказывают. Кроме того, мы ведем так называемое предварительное следствие, а окончательное решение о виновности, как вам известно, принимает народный суд.

— Я, разумеется, понимаю, что закон одинаков для всех, тем не менее... — Анатолий Захарович показал на почетные грамоты. — Вот это действительно учитывается при вынесении приговора?

— Безусловно.

— Если не секрет, когда можно ожидать полной ясности по этому делу?

— Думаю, скоро.

— И последний вопрос... — Цветков посмотрел Антону в глаза. — Точнее, просьба: постарайтесь в поступках моего сына разобраться объективно.

— Это не только служебный долг, но и святая обязанность каждого работника следствия. — Антон ободряюще улыбнулся. — Давайте, Анатолий Захарович, не будем прежде времени справлять по Васе панихиду. Вполне может статься так, что Вася к этой печальной истории причастен или косвенно, или совершенно случайно.

— Благодарю за обнадеживающие слова. Надеюсь,

позволите мне интересоваться дальнейшим ходом расследования?

— Пожалуйста, заходите, звоните...

— Спасибо.

Цветков встал и, склонив седую голову, тяжело вышел из кабинета. Мысленно представив себя на его месте, Бирюков почувствовал щемящую боль.

Из невеселых раздумий Антона вывел телефонный звонок. Звонил следователь Лимакин.

— Знаешь, Игнатьевич, — озабоченно сказал он. — Вася Цветков на допросе наговорил такое, что голова кругом...

— Что именно? — хмуро спросил Бирюков.

— Почти все грехи на себя берет. И, представляешь, обстоятельства складываются таким образом, что многому из его показаний приходится верить.

— Подожди делать выводы. Иду к тебе...

Не успел Бирюков подняться из-за стола, как в кабинет вошли бородатый Фарфоров и худенькая, с заплаканными глазами женщина в темном платье.

— Алла Константиновна... По моей телеграмме из Ялты вернулась, — тихо проговорил Вадим Алексеевич, виновато кашлянул и, как будто Антон сам не мог догадаться, добавил: — Мама Ирины...

С неожиданным облегчением Бирюков вдруг подумал, что на этот раз избавлен от неприятной необходимости сообщать трагическую весть — о смерти дочери Крыловецкая уже знала. Антон посмотрел на Аллу Константиновну и невольно отметил, насколько сильно погибшая дочь походила на нее. Такая же короткая прическа, те же мягкие черты лица, тот же подбородок и даже тени под глазами казались одинаковыми, с той лишь разницей, что у дочери они были наведены искусственно, а у матери — от безысходного горя. Заметив на себе взгляд, Алла Константиновна срывающимся голосом чуть слышно спросила:

— Как это произошло?

— К сожалению, пока не могу сообщить подробностей. Обстоятельства смерти Ирины еще выясняются, — ответил Бирюков.

— Почему расследование ведет уголовный розыск? Ирина совершила преступление?

— Дело в производстве у следователя прокуратуры. Мы, как водится, ему помогаем.

— Ирина замешана в чем-то серьезном?

— Многое непонятно. — Бирюков посмотрел на сутулящегося Фарфорова. — Вадим Алексеевич, к сожалению, некоторые поступки Ирины объяснить не смог. Может быть, вы внесете какую-то ясность...

Алла Константиновна медленно раскрыла черную дамскую сумочку, вынула из нее распечатанный почтовый конверт и подала Бирюкову:

— За день до страшной телеграммы Вадима Алексеевича мне в Ялту пришло письмо от Ирины... Прочтите, после кое-что постараюсь объяснить.

Антон развернул тетрадный лист, исписанный с обеих сторон красивым разборчивым почерком:

«Дорогая мамуля! Приближается мое девятнадцатилетие, а рядом — ни тебя, ни бородатого Фарфорова, ни подруг. Все меня бросили. Даже с Лелькой К. на днях окончательно разругались. Она, дура, по-черному завидует мне и не подозревает своим куриным умом, что мое «счастье» страшно жестокое. Ты, конечно, усмехнешься и не поверишь в искренность этого письма — слишком много я тебе врала. Но, клянусь всеми святыми, на сей раз ни капельки не вру. За последнюю неделю часто вспоминала слезы, которые причинила тебе своим дурным поведением, обдумала каждое твое словечко, когда ты уговаривала меня остепениться и прекратить глупости. Бог мой, как ты была тысячу раз права! Какой дуручкой выглядела я, мечтая о беспечном счастье! И лишь теперь, накануне девятнадцатилетия, поняла, насколько жестоким и наглым выглядит такое счастье. Мамуль, ты отдыхай спокойно, лечись. Я тебя люблю и глупостей больше делать не буду. Когда вернешься из Ялты, все-все объясню. И если последний раз меня простишь, клянусь, мы заживем с тобой по-настоящему, как жили тогда, когда ты звала меня кисой. Бог мой, как хорошо и как ужасно давно это было! Обнимаю и целую тебя в щечку. Твоя непутевая доча Иришка».

Антон внимательно разглядел почтовый штемпель на конверте — письмо было отправлено из Новосибирска в день отъезда Ирины в райцентр.

— Вы находились в ссоре с дочерью? — спросил Антон Аллу Константиновну.

— Да... Как только Ирина вышла замуж, мы с ней совершенно не встречались. Ира звонила мне изредка, расхваливала свою жизнь, но... Материнское сердце

не обманешь — в восторженном голосе я чувствовала фальшь...

— Вам известно, что Ирина проходила свидетельницей в суде по делу картежников?

— Боже... Когда?..

— В прошлом году, перед самым замужеством.

— Моя вина — не знала... Ира тогда уже не жила со мной, — сказала Крыловецкая и умолкла.

Бирюков отчетливо видел, насколько трудно ей говорить. Он налил из графина воды, протянул стакан Алле Константиновне. Молчаливо сидевший рядом с ней Фарфоров совсем ссутулился, схватил бороду в кулак и нервно дернул плечом. Странно было смотреть на эту пару — даже убитая горем теща выглядела моложе зятя. Отпив всего один глоток, Крыловецкая поставила стакан на стол и продолжила:

— Наш конфликт с Ириной начался, когда она училась в десятом классе... За погибшего в испытательном полете мужа мне установили приличную пенсию и выплачивали до совершеннолетия дочери. Ирина, можно сказать, ни в чем не нуждалась. Когда Ира перешла в десятый класс, она стала слишком много уделять внимания своей внешности. Краситься стала до неузнаваемости. Часами просиживала перед зеркалом... Из вещей не признавала ничего отечественного — только импортное. Надолго исчезала из дома к подругам. Однажды пришла нетрезвой... В другой раз в кармане ее шубы я обнаружила пачку дорогих американских сигарет... Не на шутку испугалась и перестала давать Ирине деньги. В ответ она закатила такую истерику, что меня с инфарктом уложили в больницу. На какое-то время Ира стала прежней послушной девочкой, но... — Алла Константиновна дрогнувшей рукой взяла со стола стакан, сделала еще глоток, чуть помолчала. — Но стоило только мне немного отойти, все началось сызнова. Школу Ира закончила еле-еле и заявила, что надо с годик отдохнуть. Я кое-как уговорила ее хотя бы попытаться поступить в вуз. Она выбрала водный и на приемных экзаменах познакомилась с Лелей Кудряшкиной...

Крыловецкая опять замолчала. Бирюков воспользовался паузой:

— Какие интересы объединяли Ирину с Лелей?

— Точнее сказать: отсутствие интересов. — Алла Константиновна, видимо, стараясь сдержать слезы, по-

терла переносицу. — Обе девочки хотели жить, не затрачивая ни умственного, ни физического труда.

— Почему Ирина ушла от вас?

— Как-то я пришла с работы в накуренную квартиру и застала дочь у зеркала за раскрашиванием ресниц. Не сдержавшись, назвала Иру тунеядкой и нахлестала по щекам... В этот же день Ира ушла... Поселилась она вместе с Лелей Кудряшкиной на улице Тургенева... Как они там жили и на какие средства, не знаю... Несколько раз я приходила туда, пыталась установить с дочерью контакт — бесполезно. Ира стала высокомерной, дерзкой... Больно говорить такое о своем единственном ребенке, стыдно сознаваться в своей беспомощности, но... так было. Все мои слова и мольбы отскакивали от Ирины, как горох от стенки. Это были самые черные дни в моей жизни... Где, как я упустила из-под контроля дочь — до сих пор не могу понять... Вот уж на самом деле... Малые дети — малое горе, большие дети — большое горе...

Бирюков посмотрел на сутулящегося Фарфорова:

— Вадим Алексеевич, говорят, вы сильно ревновали Ирину...

Фарфоров вздрогнул:

— Кто такую чушь мог сказать?

— Знающий вас человек.

— Наглая ложь! Единственный раз я выставил за дверь полупьяного молодца, который с комфортом разлегся спать в моей квартире.

— Простите, — извинился Антон и снова повернулся к Крыловецкой: — Вы приехали, чтобы забрать... Ирину?

Алла Константиновна утвердительно склонила голову.

— Для этого вам надо зайти в прокуратуру и поговорить со следователем Лимакиным, — сказал Антон.

— Нам разрешат увезти Иру?

— Да, конечно.

— Можно идти?

— Пожалуйста.

Наступило молчание. Крыловецкая, прижимая ладонь к сердцу, с трудом поднялась, тихо попрощалась и медленно пошла к двери. Направившийся следом за ней Фарфоров у самого порога вроде бы остановился. Антон быстро спросил:

— Вадим Алексеевич, хотите что-то сказать?

— Да... собственно, нет, — растерянно буркнул Фарфоров и, словно опасаясь, что его сейчас задержат, торопливо вышел из кабинета.

Бирюков уперся руками в стол, немного подождал. Затем снял телефонную трубку и набрал номер следователя Лимакина. Едва тот ответил, заговорил:

— Петя, только что от меня ушли в прокуратуру мать и муж Ирины Крыловецкой. Допроси-ка обстоятельно мужа. Чувствую, приезжал все-таки Вадим Алексеевич в райцентр и виделся с Ириной накануне смерти.

— Сделаю все, как надо, — ответил следователь. — А с Васей Цветковым ты не передумал встретиться? Знаешь, с ним произошла метаморфоза. Вначале признал себя виновным и в магазинной краже, и в смерти Крыловецкой. Когда же дело коснулось подписания протокола допроса, категорически отказался. Улыбается, мол, понарошке наговорил...

— Направь его ко мне.

— Жди, вызываю конвойного.

17. СПЛОШНЫЕ ПАРАДОКСЫ

В сопровождении сержанта-конвоира Вася Цветков вошел в кабинет Бирюкова с таким видом, с каким провинившийся ученик обычно входит к директору школы, ожидая крепкой взбучки. Антон отпустил козырнувшего у порога сержанта, глянул на потупившегося Васю и миролюбиво сказал:

— Садись, Василий, беседовать будем.

Цветков покосился на стул и присел на самый краешек. Бирюков посоветовал:

— Усаживайся надежней, беседа предстоит долгая.

Вася послушно придвинулся к спинке стула. Насупившись, буркнул:

— Если хотите, признаюсь сразу.

— Мне не признание твое надо, а правда.

— Правды я не знаю.

— В чем же тогда хочешь признаться?

Цветков капризно отвернулся. Бирюков строго заговорил:

— Не буду с тобой заигрывать и обещать помило-

вания. За то, что натворил, ответишь по закону. Однако предупреждаю: чистосердечное признание учитывается судом при вынесении приговора. Так вот...

— В чем хотите меня обвинить?

— Обвинение будет после, а сейчас давай кое-что выясним. Я стану приводить факты. Ты будешь или подтверждать их, или опровергать. Да или нет. Третьего не дано.

Бирюков раскрыл папку и подал Васе протокол с показаниями Борьки Муранкина о проигранном в карты золотом кольце. Вася, словно заучивая наизусть, долго читал написанное. Возвращая протокол, буркнул:

— Это не факт... На днях я отобрал у ребят сигареты, вот Борька по злости и плетет на меня.

— Ты знаешь Борину маму?

— Нет. Кроме тети Маруси, я никого в райцентре не знаю.

— Это тебя и подвело. Выигранное у Бориса колечко ты продал его же маме — она на вокзале мороженое торгует.

Цветков вроде бы растерялся, но упрямо повторил:

— Ничего я не выигрывал и не продавал.

— Откуда, в таком случае, Муранкина узнала, сколько у тебя было денег? — спросил Бирюков и, заметив, как Вася насторожился, пояснил: — Мороженщица говорит, что заплатила тебе за свое же кольцо пятьдесят рублей. Если к тем деньгам, которые обнаружены у тебя при задержании, приплюсовать стоимость купленного тобою билета до Новокузнецка, то как раз пятьдесят рубликов и получается. Чем объяснишь такое совпадение?

— Не знаю. Наверное, случайность...

— Случайных совпадений, Вася, бывает немного. Позавчера на этом стуле, на котором сейчас ты, сидела Галина Тюменцева и пыталась доказать, что случайно пошла за огород и обнаружила там угнанный у нее мотоцикл... В действительности, как выяснилось, пошла она туда совсем не случайно, а по записочке, которую ей подсунули. Не ты написал записку?

Цветков натянуто усмехнулся:

— Ничего я не писал.

— Следователь прокуратуры брал у тебя образец почерка?

— Ну... брал.

— Как у тебя в школе с русским языком было?

— Нормально, без ошибок писал.

— А записка, подsunутая Тюменцевой, написана с ошибками. Только вот почерк... — Бирюков умышленно сделал паузу, и Вася не сдержался:

— Какой там почерк...

— Тебе разве известно, что записка написана печатными буквами? — спокойно спросил Антон.

Цветкова словно укололи:

— Я так не говорил!

— Как?

— Что записка печатными буквами написана.

— Но знать-то об этом знаешь.

— Ничего я не знаю! — Вася опустил глаза. — В прокуратуре следователь допытывался, кто Ирку Крыловецкую утопил. Вы начинаете загадывать ребус про мотоцикл Тюменцевой и какую-то записку. Я не отгадчик...

Бирюков взял из подставки карандаш. Рисуя на листке перекидного календаря большой вопросительный знак, заговорил:

— К сожалению, отгадывать приходится нам со следователем, а вот загадали этот «ребус», судя по имеющимся фактам, вы с Воронкиным. Знаешь брата Галины Тюменцевой?

Цветков молчал.

— Повторяю: брата Галины Тюменцевой Валерия Воронкина знаешь? — снова спросил Антон.

Цветков долго хмурился, нервно ерзал на стуле. Наконец сказал:

— Один раз видел у Галки.

— В Заречное за сигаретами «Мальборо» с ним ездил?

— Нет, не с ним. — Вася сказал и осекся. Это был явный промах: он признался, что пользовался мотоциклом Тюменцевой, этого не следовало допускать. Васно лицо сделалось пунцовым. — Кстати, мотоцикл Галка сама разрешила мне взять — сигареты для ее подружки нужны были, для Ирки Крыловецкой. Да и, приехав из Заречного, я сразу поставил мотоцикл на место.

— С кем ты ездил в Заречное?

— Парень какой-то попросил попутно подвезти. — Вася смутился еще больше. — Он мне дорогу показывал.

— Докуда же ты довез того парня?

— До Заречного, там он остался.

— Как его зовут?

— Не спрашивал...

— Жаль!.. А тот парень обворовал в Заречном магазин. В момент кражи было покушение на сторожа. Следы от мотоцикла, на котором умчались преступники, абсолютно схожи с протекторами мотоцикла Тюменцевой. И еще: тот парень говорит, что под крыльцо дома Галины спрятал ворованные запонки... Кто бы, ты думал?.. Вася Цветков! Выходит, он тебя знает, а ты его нет?..

Цветков с искренним удивлением уставился Бирюкову в глаза и вдруг выпалил:

— Вранье! Подлое вранье!.. Никаких запонок я не прятал!

— И к магазинной краже в Заречном, конечно, никакого отношения не имеешь, — с легкой иронией сказал Антон.

Вася опустил глаза:

— Конечно, нет.

— Мотоцикл у Тюменцевой тоже не угонял?

— Зачем угонять, если Галка сама разрешала ездить...

— Логично, но... Где ты провел ночь после того дня, когда ездил за сигаретами в Заречное?

Цветков, сосредоточенно наморщив лоб, молчал чуть не минуту. Наконец через силу выдавил:

— Не помню где.

— Как же так, дружок?.. Всего-то ничего с той поры прошло, а ты уже начисто забыл... — Бирюков сунул карандаш в подставку. — Ладно, прекратим разговор о краже. Скажи, из-за чего поссорился с Ириной Крыловецкой?

— Не ссорился я с ней, — еле слышно проговорил Цветков.

— Вот тебе раз! А что ты говорил инспектору Голубеву, когда он задержал тебя на вокзале? Помнишь, заглянул в паспорт Ирины и узнал, что она замужем...

— Ну это было. Я думал о другом...

— Значит, еще одна ссора была?

— Нет, не было.

— Зачем же подаренную тебе фотографию разорвал?

— Какую?

Антон положил на стол репродукцию с разорванной фотографии. Заметив, как насторожился Вася, сказал:

— Чтобы не играть в кошки-мышки, сразу поясню: на снимке сохранились отчетливые отпечатки твоих пальцев...

— Это правда совпадение, — с большим трудом выговорил Цветков.

— Нет, Вася... Вот таких совпадений никогда не бывает. История криминалистики не знает случая, чтобы пальцевые отпечатки разных людей оказались идентичными.

Стараясь не запугать Цветкова и не подсказывать ответы наводящими вопросами, Бирюков в конце концов вызвал его на разговор. Однако рассказанное Васей ничего нового к тому, что уже было известно Антону, не добавило. Собственно, Цветков добросовестно пересказал то, что говорил Славе Голубеву в момент задержания. Антон слушал не перебивая, следил за интонацией Васиного голоса и присматривался к выражению его волевого красивого лица.

На какое-то время внимание Антона привлекла «рэнглеровская» этикетка на кармашке Васиной рубахи. Под этикеткой темнела вертикальная полоса, похожая на замкнутое кровавое пятно. Тотчас вспомнилась засохшая кровь на пожарном настиле у озера.

— Кто тебе разбил нос? — внезапно спросил Антон. Цветков потянулся было к носу рукой, но вовремя спохватился:

— С чего вы взяли?

— На рубахе кровь заметна. Плохо замыл.

Вася круто скосил взгляд, несколько секунд рассматривал кармашек рубахи и вроде как вспомнил:

— Это давно... от жары кровь из носа пошла.

— А почему замывал недавно? — с укором спросил Бирюков и, не давая Цветкову раздумывать, добавил: — Кровь такой же группы, как у тебя, обнаружена на пожарном настиле у озера, где, кстати сказать, нашли и разорванную фотографию. Ты встречался там с Ириной?

— Я уже говорил Голубеву, что видел Крыловецкую, когда она ругалась на насыпи у моста со своим отцом, — угрюмо ответил Цветков.

— С кем? — будто не понял Бирюков.

— Ну это... С бородатым мужиком... У Ирки отец с такой бородой.

— Отец Ирины погиб несколько лет назад. Он летчиком-испытателем был.

На лице Цветкова появилось недоверие, и у Анто-на мелькнула мысль, что Вася искренне заблуждается в родственных отношениях Крыловецкой с Фарфоровым.

— Ирка рассказывала, что отец у нее бородатый, как Хемингуэй, а работает геологом, — проговорил Вася.

— Бородатый геолог — муж Ирины.

Цветков натянуто улыбнулся:

— Не обманывайте. Он же старик по сравнению с Иркой.

— Мне нет смысла обманом заниматься... — Бирюков помолчал. — Это ты, Вася, со мной неискренен. На это вот что хочу сказать... Если ты каким-то образом причастен к смерти Ирины, не скрывай. Допустим, тебе удастся скрыть свою причастность к трагедии, что, конечно, маловероятно, но допустим такое... Тебе сколько сейчас лет?

— Почти восемнадцать.

— Вот, видишь, всего-то «почти восемнадцать»... Жизнь твоя, можно сказать, только-только начинается. И представь, что до глубокой старости придется носить на душе камень...

Цветков насупленно молчал.

— Кстати, Валера Воронкин, которого ты выгораживаешь, уже задержан, — снова заговорил Бирюков. — Хочешь, сейчас его приведут сюда?..

Вася недоверчиво глянул на Антона, но опять же не проронил ни словечка. Тогда Антон позвонил дежурному по изолятору. Узнав, что Воронкина только что увел на допрос Слава Голубев, попросил:

— Скажите Голубеву, чтобы он с Воронкиным зашел на минутку ко мне.

Вскоре дверь открылась, и Голубев ввел в кабинет, держа под руку, словно задушевного друга, растрепанного Валерия Воронкина. Слава тут же положил на стол перед Антоном пистолет-зажигалку и золоченые часы с браслетом. Коротко сказал:

— Изъято при задержании...

Антон прочитал на тыльной стороне часов гравировку «Васе в день 17-летия от мамы», показал надпись Цветкову и спросил:

— Мамин подарок отдал другу?

Пока вконец растерянный Цветков собирался

с мыслями, поднаторевший в следственных делах Воронкин быстро заговорил:

— Погорели, Васек, мы с магазином. Раскалывайся чистосердечно — от этого облегчение на суде выйдет. А мокруху насчет Ирки, извини-подвинься, я ни за какие гроши на себя не возьму!..

— Уведи его, — сказал Голубеву Бирюков.

— Гражданин начальник! Все откровенно расскажу!..

Воронкин отшатнулся от Голубева, но Слава опять взял его под руку:

— После расскажешь, после...

— Это Васек оглушил сторожа в Заречном! — успел все-таки крикнуть Валера.

Антон посмотрел на подавленного Цветкова:

— Такие вот пироги получают... Такая-то, с позволения сказать, «солидарность» уголовников. Каждый за свою шкуру дрожит.

— Не убивал я Ирину, — еле слышно проговорил Вася.

Бирюков почувствовал усталость и не стал скрывать этого. Вздыхнув, он облокотился на стол:

— Вот что, Цветков. Только что ты голословно отрицал почти все факты. Прикажешь верить теперь? Нет. Соберись, дружок, с мыслями и, когда решишься на откровенность, позови меня.

Антон набрал номер изолятора временного содержания. Через минуту после звонка в кабинет вошел конвоир. Оставшись один, Бирюков глубоко задумался. Мысли прервал звонок телефона.

— Ну, что с Васей?.. — спросил следователь Лимакин.

— Битый час толкли воду.

— Можешь быстренько ко мне прийти? Посоветоваться надо. Фарфоров, оказывается, действительно приезжал сюда в тот вечер, когда погибла Крыловецкая. И бриллиантовый перстень у нее с золотым кольцом забрал. Вот они, эти украшения, передо мной на столе лежат, а Фарфоров с тещей — в коридоре. Я приостановил допрос.

— Иду, — сказал Бирюков.

Солнечная с утра погода начинала портиться. Небо густо закурчавело темными облаками, пухнувшими у горизонта в предгрозовые сгустки. Ветер закручивал на асфальте дорожную пыль, порывисто трепал верхушки

деревьев. Отворачиваясь от пыльных зарядов, Бирюков вошел в тихий коридорчик районной прокуратуры. У кабинета Лимакина молча сидели со скорбными лицами Алла Константиновна и Фарфоров. Когда Антон поравнялся с ними, Фарфоров, нервно дернув плечом, растерянно заговорил:

— Поверьте, я не виноват в такой мере...

— Сейчас попробуем разобраться, Вадим Алексеевич, — остановил его Бирюков и вошел в кабинет следователя. Присаживаясь у стола перед оторвавшимся от бумаг Лимакиным, спросил: — Что у тебя, Петя?..

Лимакин развел руками:

— Сплошные парадоксы... Фарфоров при допросе на удивление быстро сознался, что приезжал в райцентр, чтобы уговорить жену вернуться домой. Ирина категорически отказалась. Тогда в Фарфорове заговорило самолюбие, и он потребовал у Ирины драгоценности... — Следователь показал на бриллиантовый перстень и золотое кольцо. — Вот первый парадокс: Вадим Алексеевич прямо как специально, чтобы поставить себя под подозрение, выложил мне эти дамские радости. Скажи, нормальный человек так поступит?

Бирюков задумался.

— Так, Петя, может поступить или кристально честный человек, или дилетант-преступник: вот, мол, если бы я был виноват, разве показал бы вам отнятые у потерпевшей драгоценности?..

— Кто, по-твоему, Фарфоров? Дилетант?

— Понимаешь... Вадим Алексеевич несколько раз вроде бы порывался что-то сказать мне, но у него не хватило смелости.

— Почему же он мне сразу все выложил?

— Психология, Петя... Я вел с Фарфоровым окольный разговор, вокруг да около, а ты сразу взял быка за рога: «Я — следователь прокуратуры... Ваша фамилия, имя, отчество? Предъявите паспорт...» И так далее, и тому подобное — вплоть до предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний. Это, знаешь, действует... К тому же, из разговора со мною Вадим Алексеевич, по всей вероятности, сообразил, что его приезд в райцентр не остался незамеченным.

— Но зачем сейчас Фарфоров привез с собой отнятые у жены драгоценности? — не сдавался Лимакин.

— Вероятно, догадывался, что окольными разговорами здесь не отделаться. Алиби его выяснил?

Лимакин подал Бирюкову железнодорожный билет пригородного сообщения, пробитый в двух местах реви-зорским компостером:

— Вот единственное «алиби» Вадима Алексеевича. Утверждает, что приехал в райцентр на семичасовой электричке, а обратно укатил в десять вечера, то есть когда Крыловецкая была еще жива. Но билетик-то этот действителен для проезда в пригородных поездах двое суток...

— Да, неубедительно... — согласился Антон. — Знаешь, давай-ка еще с ним поговорим...

Лимакин пригласил Фарфорова в кабинет. Когда тот сел на предложенный стул, Бирюков спросил:

— Вадим Алексеевич, почему скрыли от меня, что приезжали в райцентр к Ирине?

Фарфоров виновато пожал сутулыми плечами:

— Смалодушничал. Можете судить, привлекать к ответственности, я готов на все. Прошу лишь об одном снисхождении: разрешите похоронить жену.

— Этого вам не запрещают, — сказал Антон. — Но давайте еще раз проанализируем последние поступки Ирины. Почему она буквально перед самым вашим возвращением из командировки внезапно уехала в райцентр?

Фарфоров дернул плечом:

— Сожалею, но помочь вам не в силах. Ирина не оставила ни письма, ни записки.

— И в квартире, когда вы вернулись, все было как обычно?

— Да, как обычно... — Фарфоров помолчал. — Единственное, на что я обратил внимание: в гардеробе Ирины появилось новое платье «сафари».

— Почему это платье привлекло ваше внимание?

— Потому что на рынке такие платья стоят очень дорого, а больших денег я жене не оставлял, так как она не умела ими распоряжаться.

— Может, Ирина купила «сафари» в магазине?..

— Сегодня утром этот вопрос мы обсуждали с Аллой Константиновной. Она позвонила знакомому директору торгового центра, и тот авторитетно заявил, что в последние два месяца подобных платьев в новосибирских магазинах не продавалось.

— Возможно, Ирина у кого-то одолжила деньги...

— У кого?

— Скажем, у своей подруги Кудряшкиной...

— Леля Кудряшкина сама кое-как перебивается.

Бирюков попробовал выяснить отношения Крыловцевой с Тюменцевой, но Фарфоров на все вопросы только пожимал плечами да тербил бороду. Не мог он ничем, кроме билета, и подтвердить своего алиби. Антон, разглядывая пробитый ревизором билет, спросил:

— Вадим Алексеевич, внешность ревизора, который проверял у вас билет, не запомнили?

— По-моему, невысокий старичок в очках, — неуверенно ответил Фарфоров.

Бирюков повернулся к Лимакину:

— Давай проведем опознание?.. Позвони начальнику станции насчет ревизора. Кажется, есть такой...

Лимакин раскрыл телефонный справочник, перелистнул несколько страниц и снял трубку.

Невысокого старичка ревизора в очках отыскать оказалось совсем нетрудно. Через полчаса он уже прибыл в прокуратуру. Проблема возникла в другом. Для опознания вместе с Фарфоровым следовало предъявить еще не менее двух бородатых мужчин примерно такого же возраста, как и Фарфоров, а в райцентре бороды были не в моде. Кое-как отыскивали одного бородача, работающего инспектором в Госстрахе, а другого — художником в комбинате бытового обслуживания.

Ревизор, которому следователь Лимакин объяснил суть дела, в присутствии понятых очень долго протирал носовым платком очки, затем с чрезвычайно суровым видом разглядывал предъявленных для опознания и вдруг, когда Фарфоров нервно дернул плечом, обрадовался, словно ребенок:

— От этот!.. Провалиться сквозь землю, видал этого гражданина уезжающим из райцентра!

— На какой электричке? — спросил Лимакин.

— На вечерней десятичасовой. Пассажиров немножко было. Помню, подсел к гражданину, хотел от нечего делать поговорить, но гражданин от разговора уклонился. Плечом дернул, как сейчас, и в окно стал смотреть. И еще прекрасно помню, что билет был куплен им из Новосибирска в оба направления сюда и обратно, в Новосибирск.

Алиби Фарфорова подтвердилось.

Оставшись вдвоем с Лимакиным, Бирюков сказал:

— Один парадокс ликвидирован. Теперь подумаем о Воронкине и Цветкове. Ты не предупреждал Цветкова об ответственности за ложные показания?

— Нет, конечно. Цветков ведь задержан в качестве подозреваемого...

— Может быть, это в какой-то мере и сказалось на Васином поведении во время допроса?

— Не знаю, что сказалось, только на допросе Вася нес откровенную чепуху. Можешь прочесть протокол, который он отказался подписывать.

Следователь порылся в столе и протянул Бирюкову три стандартных листа, заполненных с обеих сторон убористым почерком. Антон внимательно стал читать. Показания Цветкова действительно были путаны и беспардонно лживы. Бирюков возвратил Лимакину напрасно исписанные листы, задумался и вдруг с интересом спросил:

— Откуда у Ирины Крыловецкой появилось новое платье «сафари»?

Лимакин досадливо поморщился:

— Черт знает, где они умудряются доставать импортные тряпки. Собственно, чего тебя это платье заинтересовало?

— Я глубоко уверен, что всякое тяжкое преступление начинается с малого. Это, знаешь, как камешек с горы, а потом — лавина. Согласен?

— Конечно.

— Вот и давай порассуждаем. Допустим, Крыловецкая, заняв деньги у кого-то из знакомых втайне от мужа, решила расплатиться с долгом тоже тайком. Доходов у нее — ноль-ноль целых и столько же десятых. Что Ирина могла сделать в такой пикантной ситуации?..

— Сговорить Васю Цветкова на кражу... — высказал предположение следователь и ткнул пальцем в протокол допроса. — Кстати, обратил внимание, что Цветков в своих сумбурных показаниях заявил, будто обворовал зареченский магазин в соучастии с Крыловецкой?

— Это детская сказка, но в каждой сказке доля правды есть. Так вот, обворовал магазин Валера Воронкин — у него на спине дробовое ранение — при соучастии Цветкова, который прекрасно водит мотоцикл. А в роли наводчицы под влиянием Иры Крыловецкой, вероятнее всего, выступила Галина Тюменцева. Она, выпрашивая на торговой базе бутылку французского коньяка, без сомнения, знала, что завмаг из

Заречного Русакова в тот день получила новые то-вары...

— Дальше что?

— Дальше... Что-то там они не поделили... Насколько известно, у Ирины был нагловатый характер. Чтобы завладеть львиной долей — ей ведь требовалась приличная сумма за платье, — она вполне могла пойти на шантаж, и соучастники кражи заставили Крыловецкую «замолчать». Это одна версия. Другая, на мой взгляд, заключается в банальной формуле «Вася плюс Ира равняется любовь». Здесь клубочек значительно сложнее.

Лимакин перевернул листки протокола допроса Цветкова и на последней странице черкнул по чистому полю ногтем:

— Вот в этом месте Вася показал, что столкнул Ирину в озеро по просьбе бородатого мужчины, являющегося вроде бы отцом Крыловецкой...

— Такое Васино показание подтверждает возникшее у меня предположение, что он не знает истинных отношений Ирины Крыловецкой с Вадимом Алексеевичем Фарфоровым. А поводом для этого «показания» послужило то, что Вася видел, как Ирина грубо разговаривала с «бородатым мужиком».

— Не могу понять, с какой целью забрал Цветков в Доме культуры туфлю Крыловецкой и оставил расписку, выводящую на свой след... — медленно проговорил Лимакин. — Так мог поступить лишь тот, кто не знал о трагедии на озере. Знал Вася о смерти Ирины или не знал, когда шел в Дом культуры за туфлей?

— Скорее всего не знал... Хотя недавно перешагнувшие подростковый возраст парни иногда совершают такие дерзкие поступки, что, с точки зрения взрослого человека, их поведение кажется необъяснимым.

Оба замолчали. Следовательно встал из-за стола, устало повел плечами и прошелся по кабинету. Остановившись перед сидящим Бирюковым, спросил:

— Кто ж все-таки, Игнатьевич, приложил к Ирине Крыловецкой руку: Воронкин или Цветков?

— Если подтвердится версия дележа краденого, то Воронкин. При любовной версии — Цветков.

— Ну а если кто-то третий?..

— Давай пока эти две версии отработаем.

Тихо задребезжал телефон. Лимакин снял трубку и встретился взглядом с Бирюковым:

— Дежурный изолятора говорит, что Цветков изъявил желание что-то тебе рассказать.

Бирюков поднялся:

— Пусть через десять минут доставят Васю в мой кабинет...

Процедура появления Васи Цветкова в кабинете Антона повторилась почти в точности, как в прошлый раз. Выждав, пока Вася уселся на стуле, Бирюков спокойно показал ему взятый у следователя протокол допроса и спросил:

— Зачем ты эту сказку наговорил?

Цветков не вымолвил ни слова.

— Здесь же сплошная неправда, — не дождавшись ответа, снова сказал Антон.

— Почему сплошная? — буркнул Вася.

— Потому, например, что кражу из магазина совершил не ты с Ириной Крыловецкой, а Валерий Воронкин при твоём соучастии.

— Чем это докажете?

— У Воронкина на спине сторож магазина крепкую отметину оставил. Это во-первых. Во-вторых, меня интересует вопрос: зачем ты сказал следователю, будто утопить Ирину тебя попросил бородатый мужчина?.. Это ж детский лепет, Вася...

Цветков задумался, потом вскинул на Антона невеселый взгляд и вроде бы из мальчишеского интереса спросил:

— Ну а если признаюсь, что действительно участвовал в краже с Воронкиным и без всякой просьбы утопил Крыловецкую? Что тогда?..

— Тогда я задам вопрос: почему ты это сделал?

— Какая разница — почему...

— Большая, Вася. Ведь к соучастию в краже могут принудить, а убийства не так уж редко происходят по нелепой случайности. Поэтому разве можно, скажем, закоренелого рецидивиста и случайно оступившегося человека стричь под одну гребенку?..

— Все преступники одинаковы.

— Нет, Вася, далеко не все. Сознайся, тебя Воронкин запугал?

Цветков ухмыльнулся:

— С чего вы это взяли?

— Хотя бы из того, что твои часики оказались у него.

— Может, я продал их Валерке...

— Может, но... денег у тебя не было. Ты ведь от безденежья обманул в карты сына мороженщицы и выудил у него золотое кольцо, чтобы на билет до дому раздобыть... — Бирюков сделал паузу, ожидая, что Вася возразит, но тот промолчал. — Вот видишь, и сказать тебе в свое оправдание нечего. Пойми, расследование продолжится до полной ясности. Поэтому рано или поздно тебе придется рассказать правду во всех подробностях. Словом, судьба твоя сейчас зависит от твоей искренности...

Цветков насупленно уставился в пол и словно воды в рот набрал. Антон не торопил. Внезапно Вася поднял на Антона голубые глаза и сначала сбивчиво, перебиваясь с пятого на десятое, затем постепенно успокаиваясь, заговорил...

18. «МАСТЕР» И «МАРГАРИТА»

В первый же день приезда из Новокузнецка в Новосибирск Вася Цветков сдал документы в приемную комиссию электротехнического института связи и получил место в общежитии. Целую неделю он самым добросовестным образом отсидел на подготовительных курсах, где в основном подобрались рабочие парни да девушки и демобилизованные из армии солдаты, подзабывшие за время службы школьные науки. Ни к одной из этих категорий абитуриентов Цветков не принадлежал — школьную программу Вася знал уверенно. Убедившись, что подготовительные курсы ровным счетом ничего не дадут, он предпочел проводить время на городском пляже.

В один из вечеров, когда Вася вернулся в общежитие, сосед по комнате — здоровенный парень с веселой фамилией Загуляйко, имевший привычку к месту и не к месту употреблять слово «впрочем», — оторвался от учебника и вроде как с сожалением проговорил:

— Пропадаешь целыми днями, а тут, впрочем, тетушка к тебе приезжала. Кажется, Марией Захаровной зовут. Похоже, корзинку с продуктами привозила, но не оставила. Наверно, побоялась, что без тебя слопаю.

— Ты наверняка ей сказал, что я на курсы не хожу?

— Ну, совсем плохо меня знаешь. Доложил, будь здоров! Мол, вашему племяннику на курсах, впрочем, делать нечего.

На второй день после этого разговора, когда Загудяйко отправился в институт штудировать науки, Вася улегся на койку и стал раздумывать, чем бы вместо пляжного времяпрепровождения заняться более содержательным. В комнату без стука вошла высокая полногрудая девица с сильно накрашенным лицом. Она с серьезным взглядом быстро поднявшегося с койки Васю и спросила:

— Цветков?

— Вероятно.

— Цветков или нет, спрашиваю?

— Да, Цветков.

— С чем и поздравляю. Тетя витаминов тебе прислала. Кушай на здоровье, расти большой и сильный. — Девушка поставила на стол завязанную белой салфеткой корзинку, еще раз, более внимательно, оглядела Васю и словно удивилась: — Слушай, у тебя, кажется, приличные заточки есть...

— Чего? — не понял Вася.

— Ты что, мальчиш-глупыш?.. Знакомства, говорю, есть, где такие фирменные джинсы, как у тебя, достать можно?

Из девушки настолько откровенно выпирали простота и непосредственность, что Вася решил от скуки поболтать с ней. Судя по тому, как она охотно откликнулась на разговор, Цветков заинтересовал ее с первого взгляда. Это была Леля Кудряшкина. Разговаривая обо всем в общем и ни о чем в частности, они стали есть клубнику. Вася узнал, что работает Леля на телеграфе и что Васиная тетя передала ягоды какой-то соседке из райцентра, соседка — подруге, а подруга, в свою очередь, попросила Лелю доставить тетин подарок племяннику. Беспредметный разговор скоро надоел Кудряшкиной. Леля бесцеремонно потрогала на левом кармашке Васиной рубашки яркую этикетку и спросила:

— Слушай, ну где ты так фирмово приделался? В «Березке» или у тебя денег куры не клюют — на барахолке покупаешь?

— Зачем мне на барахолке покупать? Отец из загранки привез.

— Он у тебя шишка?

— Шишка не шишка, но вроде опухоли, — пошутил Вася.

— Повезло тебе! Слушай, а папуля твой не сможет достать дубленку моего размера? Попроси, а?.. Соври для пользы дела, мол, любимая девушка о дубленке мечтает...

— Я стараюсь не врать родителям.

— Ой, шутник! Кто это тебе поверит?.. Вообще-то с обеспеченными стариками можно и без вранья обойтись — вымогать ничего не надо. Если единственный сыночек у мамочки с папочкой, то они без вымогательства в доску разобьются... — Леля пренебрежительно усмехнулась.

Это обидело Васю. Цветков достал из чемодана удостоверение мастера спорта и тоже с усмешкой гордо похвалился:

— Между прочим, Лелечка, такое вот звание даже единственному сыночку не обеспечат самые сверхобеспеченные родители.

— Ты — мастер спорта? — изумилась Кудряшкина.

— И чемпион к тому же, — с напускным равнодушием добавил Вася.

— Олимпийский?

— Нет, но если займусь каким-либо из олимпийских видов...

— Обязательно займись! — не дала договорить Кудряшкина. — Знаешь, в нашем городе живет Александр Тихонов — многократный олимпийский чемпион по бим... бол... Ну, как этот спорт называется, где стреляют и на лыжах бегают?

— Биатлон.

— Правильно. Так вот, к твоему сведению, этот знаменитый наш бим... биатлонист в каких только странах не побывал! А подарков, а наград у него!.. В пятикомнатной квартире не вмещаются.

Цветков улыбнулся:

— Где ж он их хранит? На чердаке или в подвале?

— Не улыбайся, мастер. Мне соседка Тихоновых рассказывала, — обиделась Кудряшкина и тут же подмигнула: — Слушай, давай любовь закрутим! Я тоже в институт поступлю, вместе учиться начнем...

— А чемпионские награды и подарки куда складывать будем?

Видимо, сообразив, что перехлестнула с опрометчивым предложением, Леля надулась:

— Думаешь, мне награды твои нужны? Просто внешность у тебя приятная...

— Если так, то предлагаю рвануть на пляж.

— У меня купальника с собой нет. Может, закажусь в приличный кабак ради знакомства? — спросила Кудряшкина и сразу будто спохватилась: — Вообще-то я рестораны не люблю.

— Я тоже, — тоном бывалого кутилы сказал Вася.

На этом кончилась первая встреча Цветкова с Кудряшкиной. Махнув Леле рукой из уходящего к пляжу автобуса, Вася не предполагал, что когда-либо еще увидит эту простоватую раскрашенную девицу. Но следующим же утром, к Васиному удивлению, Кудряшкина вновь пришла в общежитие — на этот раз с купальником.

Почти весь день они провалялись на пляже. Потягивали из горлышка бутылки лимонад, охлажденный в мокром песке, болтали о разных пустяках. Когда полуденная жара спала и от реки потянуло холодком, Леля, зябко обхватив ладонями покрасневшие плечи, предложила поехать к ее подруге:

— Музыку там покрутим, Ирка на гитаре побренчит. Знаешь, я обещала ей тебя показать.

— Смотрины?

— Ой, тошно мне! Ты прямо как девочка...

Мысленно представив еще один вечер в обществе толстяка Загуляйко с его неумолкающим «впрочем», Цветков согласился поехать к Лелиной подруге.

Так Вася впервые увидел Ирину Крыловецкую. Она была в вечернем цвета морской волны платье с глубоким вырезом на спине и обнаженными плечами. И внешностью, и умением вести себя Ирина отличалась от Лели, как небо от земли.

Включив магнитофон и оставив Цветкова в комнате созерцать коллекцию минералов, подруги удалились в кухню. Вася не слышал, о чем они там разговаривают, но в одну из пауз в магнитофонной записи из кухни донесся голос Кудряшкиной:

— Ирк, оставь нас одних...

— Тебе через час на работу, — строго сказала Крыловецкая.

— Я и за час успею разыграть такую любовь, что он всю жизнь по мне сохнуть будет.

— Нельзя совращать малолетних.

— Ой, тошно мне!.. С каких пор...

Магнитофон, чуть передохнув, загудел все заглушающей джаз-музыкой, и разговор на кухне опять словно оборвался. Вскоре Васю пригласили пить кофе. Кудряшкина, осторожно прикасаясь накрашенными губами к горячей чашке, многозначительно посмотрела на Крыловецкую:

— Может, вместо этого кипятка флакончик беленькой из холодильника достанешь?..

— Ты же знаешь, что я не пью водку.

— Нам с Васьком накропи по стаканчику.

Ирина погрозила пальцем:

— Тебе на работу, не забывай.

— Ой, тошно мне!..

Кудряшкина помрачнела и, прихлебывая кофе, сердито принялась уплетать с тарелки нарезанную тонкими ломтиками ветчину. Скоро она повернулась к Цветкову:

— Ну, Васек... Поблагодарим гостеприимную хозяйку за угощение всухую и откланяемся? Знаешь, как в одном анекдоте: пейте, студенты, чай да подыскивайте квартиру, а то вас дети бояться...

— Мне некуда спешить, — неожиданно для себя сказал Вася.

Крыловецкая, будто поддерживая его, улыбнулась:

— Иди, иди, Леля. Не съем я твою мечту.

На лице Кудряшкиной появилось выражение не то растерянности, не то обиды. Она молча подошла к двери, остановилась и с ядовитой ухмылкой предупредила Цветкова:

— Чтобы твои фирменные джинсы не упорхнули в форточку, как у того Карлсона... не вздумай, Васенька, здесь заночевать.

Крыловецкая вспыхнула:

— Лелька!..

— Шучу. Ночуйте на здоровье, — мрачно сказала Кудряшкина и, хлопнув дверь, застучала каблучками по лестнице.

Ирина смущенно улыбнулась:

— Вот так каждый раз... Терпеть не может, когда ей в чем-то отказывают. Может быть, я напрасно не угостила вас водкой?

— Не занимаюсь таким делом, — весело сказал Вася.

— Люблю непьющих ребят. Вы правда мастер спорта?

— Правда.

— Ох, как это, должно быть, интересно!..

Из кухни они перешли в комнату. Сели поодаль друг от друга на диван. Долго разговаривали о спорте и спортивных знаменитостях. Потом Ирина нагнулась к стоящему рядом с диваном креслу, взяла лежащий там томик Франсуазы Саган и показала Васе:

— Читали?

Вася постеснялся сказать, что знает популярную французскую писательницу лишь по рассказам ребят да рецензиям. Ответил с напускным равнодушием:

— Ничего интересного в такой писанине не вижу.

Ирина вроде бы смутилась:

— Напрасно. Франсуаза умеет опоэтизировать самые интимные отношения и подать их читателю без пошлости. А как прекрасно она знает женскую психологию!..

Цветков решил увильнуть от разговора на незнакомую тему. Он посмотрел на портрет бородатого мужчины над письменным столом и с повышенным интересом спросил:

— Это что за Хемингуэй?

— Это?.. — словно сбитая с толку неожиданным вопросом, переспросила Крыловецкая. — Это мой папочка, геологом работает. — И сразу предложила: — Хотите послушать самодетельный концерт? Я ведь артисткой собиралась стать...

— С удовольствием послушаю, — сказал Цветков.

Крыловецкая принесла гитару. Подстраивая, взяла несколько аккордов. Играла Ирина, как показалось Васе, превосходно. Знала много старинных романсов. Слушая ее пение, Вася поймал себя на мысли, что ему хочется поцеловать Ирину. И она будто угадала его желание — прижала ладонью струны, улыбнулась:

— Вы очень-очень мне нравитесь, Мастер. Хотите, стану вашей Маргаритой?.. Булгакова читали?..

— Читал, — сорвавшимся голосом ответил Вася и потянулся к Ирине. Крыловецкая испуганно отстранилась:

— Не торопите события, Мастер...

В студенческое общежитие Цветков появился близко к полуночи. Клевавший носом над учебником Загуляйко посмотрел на часы:

— Впрочем, уже не ждал тебя. Сияешь... Влюбился, что ли?

— Вероятно, — с гордостью сказал Вася.

Загуляйко пухлыми пальцами протер осоловелые глаза:

— Кажется, Евтушенко написал: «Когда ты любишь, ты еще живешь...» А впрочем, дурное дело не хитрое.

Долго не мог уснуть в эту ночь Вася Цветков. Ворочаясь на жесткой койке, он словно наяву видел лицо Ирины Крыловецкой. В ушах отчетливо звучал напевный ее голос, и казалось, даже здесь, в прокуренной бывшими жильцами комнате, присутствует аромат Иринных духов. Вася перебирал в памяти свою жизнь. С усмешкой думал, насколько примитивными, детскими радостями были все прошлые успехи, связанные с учебой и спортом, по сравнению с сегодняшним, внезапно свалившимся на него счастьем.

Если бы знать Васе, каким коротким и жестоким окажется это счастье...

На следующее утро, стараясь избежать встречи с Кудряшкиной, Цветков улизнул из общежития ни свет ни заря. Перекусив в первом попавшемся кафе, он бесцельно побрел по залитому солнцем городу и неожиданно для себя пришел к многоэтажному дому, где жила Ирина. Первым желанием было подняться к знакомой двери и нажать на кнопку звонка. Однако смелости хватило лишь на то, чтобы из кабинки телефона-автомата набрать номер, который вчера при расставании назвала Ирина.

Телефон долго не отвечал. Вася хотел уже повесить трубку, когда в ней послышался заспанный недовольный голос Ирины:

— Слушаю!

— Маргарита, это ваш Мастер, — волнуясь, проговорил Вася.

В трубке несколько секунд тянулось молчание, затем Ирина обрадованно воскликнула:

— Васек! Милый, я так счастлива, что ты позвонил! Надеюсь, увидимся сегодня?

— Готов хоть сейчас.

В трубке опять наступила пауза. Крыловецкая вроде бы или не очнулась еще ото сна, или о чем-то раздумывала.

— Приходи через час. Мне надо привести себя в порядок, — наконец сказала она и чуточку замаялась: — Только... прошу... не входи в квартиру на виду у соседей. В звонок тоже не греми — дверь будет не заперта.

Когда Цветков пришел, Крыловецкая сразу же закрыла дверь на защелку, заговорщицки приложила палец к губам и предупредила:

— Никому не открываем, на телефонные звонки — молчим...

— Ты разве замужняя? — почувствовав тревогу, спросил Вася.

— Чудак... — Ирина рассмеялась. — Мой папочка очень беспокоится о нравственной чистоте единственной доченьки и, если соседи ему накап... словом, наговорят... Ну, ты же знаешь, как это там у Фамусова... «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!» Так, кажется?..

Ирина улыбнулась с такой искренностью, что Вася почувствовал себя круглым дураком и угрюмо извинился:

— Прости, Ира, ревную, как мальчишка.

Они пили кофе. Слушали магнитофонные записи популярных зарубежных ансамблей. Сидели на диване, как и вчера, поодаль друг от дружки. Потом Вася попросил Ирину спеть. Крыловецкая взяла гитару, лукаво посмотрела на Васю и запела что-то цыганское. Закончив петь, улыбнулась:

— Ну как?..

— Здорово! — похвалил Вася и ни к селу ни к городу ляпнул: — Знаешь, Ира, я больше не хочу встречаться с Лелькой. Сегодня специально убежал из общешития пораньше, чтобы...

— Лелька сама больше не придет, — не дала договорить Ирина. — У нее, если хочешь знать, есть богатый любовник с собственной машиной, дачей и приличной квартирой. Короче, не чета тебе.

«Что ж она, ненормальная, предлагала любовь закрутить?» — чуть было не сорвалось с языка у Васи, однако он вовремя сдержался и сказал первое пришедшее в голову:

— Кудряшкина, по-моему, еще молодая для такой роли.

— Чудак, кому нужны старые любовницы, — засмеялась Крыловецкая, но, мигом посерьезнев, торопливо заговорила: — Знаешь, Васек, чем ты меня свел с ума? Мальчишеской непосредственностью. Это прекрасно! В настоящем мужчине до глубокой старости должно оставаться хоть что-то мальчишеское. Тогда женщине с ним хорошо и весело.

— Откуда тебе такое известно? — нахмурился Вася.

— Из книг, разумеется, — ответила Ирина и залихватски ударила по струнам гитары.

...Так продолжалось с неделю. И каждый раз Вася предвительно звонил Крыловецкой по телефону, затем поднимался тайком от соседей к знакомой двери, ожидая, что в его отношениях с Ириной вот-вот произойдет что-то новое, значительное. Однако ничего нового не происходило. Встретившись, они по-прежнему радостно улыбались друг дружке, разговаривали о незначительных пустяках, пили кофе, жевали бутерброды, которые Ирина делала на скорую руку, слушали магнитофон и подолгу играли на гитаре. Ирина вела себя легко и непринужденно, но стоило только Васе допустить хоть маленькую вольность, она тотчас шарахалась от него, словно пугливая, одичавшая кошка. Между тем все шло как по сценарию...

Однажды, войдя в квартиру Крыловецкой, Вася почувствовал запах табачного дыма. Стараясь избежать лобового вопроса, шутливо-угрожающе проговорил:

— Здесь мужским духом пахнет...

— Это я, Васек, надымил, — плаксивым, как у провинившейся девочки, голоском ответила Ирина.

— Ты разве куришь?

— Изредка, когда расстроюсь. — Крыловецкая ласково положила руки на Васиные плечи. — Не сердись. Теперь многие девчонки дымят напропалую. Другой спросил бы, отчего я расстроилась, а ты... Ну, хочешь, поцелую?..

Встав на цыпочки, Ирина чмокнула Васю в губы. Теряя рассудок, Вася схватил ее на руки и ошалело принялся целовать губы, щеки, шею, глаза. Целовал до тех пор, пока Ирина не прикрикнула:

— Перестань — обижусь!

— Кто посмел тебя расстроить? — не выпуская Крыловецкую из своих рук, наконец опомнился Вася.

— Лелька Кудряшкина... — тяжело переводя дыхание, капризным тоном ответила Ирина. — Представляешь, Мастер, любовник подарил Лельке настоящее «сафари». Платье такое: цвета хаки, с патронташиком, пуговочки на всю длину, четыре кармана, рукавчик короткий с отворотом и вверх, типа погончика...

Вася шутливо затряс головой:

— Патронташики, погончики... Чем тебя Лелька расстроила?

— Тем... Лельке с ее монументальной грудью только безразмерные водолазки носить, а не «сафари». Не лезет на нее фирмовое платье, а на меня — в самый раз. Вот чем...

— Ну и что? — не понял Вася.

— Надо триста пятьдесят рэ, а у меня, как назло, оставленные папочкой деньги кончаются. Хотя бы три сотни где-то перехватить...

— Пошли в общежитие, деньги есть.

— Мастер, милый! Ты не можешь себе представить, какую радость для меня сделаешь! Только в общежитие не пойду — нам не надо на людях вдвоем показываться. Давай через час встретимся у библиотеки?..

— Давай! Я принесу триста рублей.

Вася сдержал слово.

На следующий день — как запомнил Цветков, это было воскресенье — телефон Крыловецкой ответил лишь к вечеру. Ирина радостно спросила:

— Хочешь увидеть меня в «сафари»?

— Конечно, — радуясь предстоящей встрече, сказал Вася.

— Немедленно приходи.

В новом платье Крыловецкая показала Цветкову изумительной. Закрыв дверь на защелку, Ирина сразу бросилась Васе на шею. Потом они долго целовались на диване, закрывая глаза от палящего через светлое окно солнца. Внезапно Ирина дрогнувшим голосом попросила:

— Задержи штору.

Когда Вася выполнил это и комната погрузилась в полумрак, Ирина сказала:

— А теперь помоги мне снять платье...

Усталые и опустошенные, они молча лежали в наспех разобранной постели в Ирининой спальне. С рекламного аэрофлотовского плаката на стене картинно улыбалась хорошенькая стюардесса. Рядом, на цветном фотоснимке, позировала в мини-купальничке улыбающаяся Ирина.

— Подари мне эту фотографию, — попросил Цветков.

Ирина помолчала:

— Эту нельзя. Она в одном экземпляре — папочка с ходу заметит. Хочешь, подарю другую, когда на паспорт снималась. Там я такая киса, что даже сама себе нравлюсь.

— Подари. Только подпиши не от «Кисы», а от «Дикой кошки».

Лицо Крыловецкой вспыхнуло. Она приподнялась на локте, с прищуром заглянула Васе в глаза и отрывисто спросила:

— От Лельки узнал?..

— Что?

— Про «Дикую кошку».

Цветков усмехнулся:

— Почему от Лельки... Сам в душе называл тебя «Дикой кошкой» за то, что шарахалась от меня, как от чумного.

Крыловецкая засмеялась:

— Мастер, я у тебя первая?..

— Конечно...

— Значит, запомнишь на всю жизнь. Я где-то читала, что в памяти каждого мужчины навсегда остаются три женщины: первая, последняя и еще одна...

— Ты слишком много читаешь о мужчинах и женщинах.

— А тебя разве не волнует эта извечная тема?

— Раньше другие темы волновали, теперь становлюсь твоим единомышленником.

— Жалеешь, что так произошло?

— Чего мне жалеть?..

Цветков на самом деле ни о чем не жалел. Ослепленный и оглушенный первой любовью, Вася по юношеской наивности считал, что безоблачное счастье будет вечно.

Первый отдаленный раскатик грома проворчал утром следующего дня. Позавтракав в студенческой столовой, Цветков с удивлением обнаружил, что от родительских денег, выданных на время подготовительных курсов, осталось всего пять рублей. Даже при самом скромном расходовании этого могло хватить на два-три дня. Второй удар грянул значительно сильнее, когда Вася позвонил Ирине и услышал в телефонной трубке ее тревожный голос:

— Нам нельзя больше встречаться. Папочка прислал телеграмму, завтра он будет дома.

— Познакомь нас, и мы найдем общий язык.

— Сумасшедший, ты не представляешь моего папочку! — испугалась Ирина. — Знаешь, что... Поедем в райцентр, где живет твоя тетя?.. Там у меня подруга есть, я у нее останусь...

За это предложение Цветков ухватился, словно за спасительную соломинку — у тети можно было спокойно прожить до начала вступительных экзаменов, а к тому времени родители обещали еще прислать денег.

— Между нами все остается по-прежнему? — спросил Вася.

— Разумеется!

В райцентр Цветков и Крыловецкая приехали с последней электричкой, уже в сумерках. Их хлебосольно встретила Галина Тюменцева, и Вася догадался, что Ирина предварительно созвонилась с подругой. За обильно уставленным столом во время ужина Ирина впервые при Васе выпила коньяк и закурила. Вася хотел ее упрекнуть, но после двух рюмок, выпитых натошак по усиленному настоянию игриво кокетничающей Тюменцевой, самому захотелось вот так же, как Ирина, небрежно взять в пальцы сигарету и задымить совсем по-взрослому... Вася даже потянулся было к пачке, но, вспомнив своего тренера, который не терпел табака и спиртного, отдернул руку. Наотрез отказался он и от дальнейшей выпивки, хотя Ирина с Тюменцевой еще не раз пригубляли свои рюмки. Оказавшись среди них вроде как третьим лишним, Вася молчаливо слушал возбужденный разговор подруг и думал, что говорят они точь-в-точь, как две Лели Кудряшкиных, об импортных платьях, батниках и джинсах...

У тети, Марин Захаровны, Вася появился только к вечеру следующего дня.

19. ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ

Вася Цветков рассказывал Бирюкову свою невеселую одиссею так обстоятельно и толково, как будто отвечал хорошо выученный урок.

— Когда ты с Валерой Воронкиным познакомился? — спросил Антон.

Цветков вытер ладонью вспотевший лоб, помолчал и заговорил снова.

...Став невольным свидетелем утренней ссоры Гали-

ны Тюменцевой с мужем, Вася отказался больше здесь ночевать и встречался с Ириной лишь в то время, когда Тюменцева была на работе. Однажды в середине дня вместо Ирины Васю встретил худощавый не совсем трезвый парень в футболке. Назвался он Валеркой.

— Сеструха с подружкой пошли отпускные у Галки на работе получать, наверняка там кирнут. До их прихода, сказали, чтоб я тебя развлекал. Выпить хочешь?.. — Парень открыл дверцу серванта. — Глянь, сколько добра у сеструхи без меня накопилось! Море разливанное...

Вася посмотрел на длинный ряд коньячных бутылок, усмехнулся:

— Приличный запасец.

Валерка взял крайнюю бутылку:

— Думаешь, куплено?.. Держи карман шире! Галке на производстве в большом количестве выдают этот антигистин для добавки в разную стряпню, чтоб аромат южный появлялся. А Галка — баба битая. За экономию борется, излишки остаются. Во!.. Хорошо, когда спиртное так вот выдается. И денежки собственные сохраняются, и покуражиться задарма можно...

Сели за стол. Цветков пить не стал. Сослался на то, что занимается спортом.

— Подумаешь, спорт!.. — засмеялся Валерка. — Только здоровье им угробляешь, а радости ни на грамм. То ли дело: заглотишь бутылек на душу населения — любым чемпионом можешь себя представить.

— Представиться можно хоть императором, — возразил Вася. — Попробуй настоящим чемпионом стать...

— Я в своем деле всем чемпионам чемпион! Значит, категорически не будешь пить, пан спортсмен?..

— Не буду.

— Смотри... Как говорится, вольному — воля. — Валерка налил себе полную рюмку. — Ну!.. Будем живы да богу милы, а людям сам черт не угодит. Приговорю рюмашку для разгона...

Раз за разом он «приговорил» полбутылки, потом предложил:

— В картишки сбросимся?..

От нечего делать Цветков согласился. Начали в «подкидного дурака». Вася без труда запоминал вышедшие из игры карты и обыгрывал Валерку, как первоклассника. В конце концов Валерке надоело проигрывать.

— Скучно. В очко кинем? — сказал он.

— На деньги не играю, — ответил Вася.

— Мы на деньги и не будем, мы — на «американку». Если сорвешь банк, любое твоё желание выполняю. Мне подфартит — ты передо мной в шестерках. Понял?

Цветков усмехнулся:

— Можно такое желание закатить, что...

— Ну, мы ж не урки... По-крупному желать не будем. Так, по мелочевке: смешное что-нибудь отмочить, песенку про козлика спеть, стишки рассказать, ну так вот, а?..

Валерка виртуозно перетасовал карты и стал объяснять игру. Она показалась Цветкову совсем несложной. Дважды подряд Вася выиграл. В первый раз, выполняя его желание, Валерка прокукарекал по-петушину, во второй — спел на блатной манер какие-то частушки.

— Ты где учишься? Или работаешь? — между делом спросил его Вася.

— Из школы меня выгнали за то, что букварь искурил, — Валерка хохотнул. — А от работы, пан спортсмен, конидохнут и трактора ломаются...

В третий раз неожиданно для Васи банк «сорвал» Валерка. Он гордо откинулся на спинку стула:

— Кричи целую минуту: «Я дурак, я дурак, я дурак...»

— Отыгаться можно?

— Ваяй, пока я добрый, — великодушно согласился Валерка и с блистательной быстротой снова набрал двадцать одно очко.

— Сдавай еще раз! — запальчиво сказал Вася.

— Не, пан спортсмен, так неинтересно, — Валерка прищурился. — Слышь, сеструхина подружка толковала, что ты мастер по мотоциклу. Правда, да?..

— Правда. Дальше что?

— Дальше в лес — больше дров. Не хочешь дураком кричать — вези меня на сеструхином «Восходе» до Заречного. Тут близко, дорогу покажу.

— Что там делать?

Валерка достал из кармана пустую пачку «Мальборо» и две пятерки денег.

— Сеструха просила таких вот сигареток купить. Толковала, что в зареченском сельмаге они имеются. Деньжат специально дала. Я планировал на автобусе смотаться, да с тобой пробазарил время.

— Зачем Галке сигареты? — недоверчиво спросил Вася. — Она, по-моему, не курит.

— Ну ты, в натуре, следовательно: «Что? Зачем?» Почему я знаю. Может, подружку улестить хочет, которая дымит как паровоз. Я тут без тебя малость кирнул с ней — компанейская девка!..

— Поехали! — оборвал Валерку Цветков.

До Заречного они докатили с ветерком. По ошибке зашли в промтоварный магазин, где разговорчивая продавщица и угрюмый молодой мужчина раскладывали только что привезенные товары. Из любопытства поглазели на витрину прилавка. Потом отыскивали зареченский продмаг и купили пять пачек сигарет.

Возвращаясь в райцентр, Цветков гнал мотоцикл на всю «железку» и хмуро думал о Крыловецкой. С Ириной происходило что-то непонятное. С первого дня приезда к подруге она стала курить почти безостановочно. К тому же от нее постоянно пахло коньяком, а с языка нет-нет да и срывались полублатные словечки Лели Кудряшкиной. Иногда Ирина словно спохватывалась, начинала ласкаться к Васе и на все лады костерить своего папочку за то, что он беспросветно портит ей жизнь...

Из невеселых раздумий Васю вывел испуганно-плаксивый голос сидящего за спиной Валерки:

— Ты чего, в натуре, гонишь по-сумасшедшему?! На тот свет опаздываешь, да?..

Цветков сбавил скорость. Впереди показалась небольшая речушка, петляющая в зарослях ивняка перед окраиной райцентра. Валерка попросил остановиться, чтобы попить. Свернув в придорожный березник, выехали к чистому от кустов берегу.

— Ну, пан спортсмен, шуруешь ты по-мастерски! — соскочив с мотоцикла, восхищенно сказал Валерка. — Думал, от земли оторвемся на космической скорости и голова-ноги, голова-ноги сделаем...

— Иди на водопой, — буркнул Вася, опускаясь на траву рядом с мотоциклом.

Теплый летний вечер тихо угасал. От березок тянулись длинные тени. В траве пострекотывали кузнечики. Чистый, без пылинки, воздух, казалось, был пропитан запахом полевых цветов, которые буйно усыпали пологую речную пойму. Все вокруг дышало умиротворенностью, а Вася, уставясь взглядом в одну точку, чувствовал безутешную тоску.

Валерка, черпая пригоршнями воду, напился. Кистью руки вытер губы, присел рядом с Васей и спросил:

— Почему такой вид имеешь, как толченого стекла наглотался?

— Тебе какое дело до моего вида? — хмуро проговорил Вася.

— Ну, как это?.. Мы ж теперь закорешили. Слушайка... — Валерка прищурился. — Чую, на полном серьезе с Галкиной подружкой любовь затеял, а?.. Авторитетно советую: плюнь и разотри — она замужняя баба...

— Что ты сказал?!

— Что слышал!.. — Валерка испуганно отшатнулся от побледневшего Цветкова. — Ну, чего звереешь, чего?.. Правду нельзя сказать, да? Из интереса заглянул сегодня в подружкин чемоданчик. Там разная дамская чепуха, книжка, паспорт, а в паспорте — загсовский штампик насчет брака...

Цветков схватил Валерку за грудки:

— Врешь!

— Что я, гад мазанный, в натуре, да?.. Не веришь — сам посмотри подружку паспортину.

— Поехали!..

Когда Цветков заглушил мотоцикл у калитки Тюменцевой, Галина и Крыловецкая были уже дома. Хозяйка весело хлопотала на кухне. Вася не сказал ей ни слова — сразу прошел в комнату. Ирина сидела на диване и, держа над поставленной рядом с собою пепельницей руку с дымящей сигаретой, читала привезенный томик Франсуазы Саган. Она мельком кинула на Васю нетрезвый взгляд и снова уткнулась в книгу. Вася положил на стол купленные в Заречном сигареты. С подчеркнутой вежливостью проговорил:

— Ваш срочный заказ, девушка, выполнен.

— Спасибо, — сухо ответила Ирина. — Пусть это будет твоим подарком к моему завтрашнему дню рождения.

Цветков присел рядом:

— Кто празднику рад, тот накануне пьян...

— Это ты о чем?

— Опять поддала?..

Губы Ирины скривились в пьяной усмешке:

— Ты поил?.. Или спутал меня с Лелей Кудряшиной?

— Я напую, дожидайся... — Васю заколотила нервная дрожь. — А с Лелей вы одного поля ягодки. Только

Кудряшкина откровенная дура, а ты — хитрая и злая... Зачем ты меня обманывала?

— В чем?

— Покажи свой паспорт.

Какое-то время Ирина сидела с равнодушным видом, будто Васиная просьба относилась не к ней. Затем оторвала взгляд от книги, хладнокровно сказала:

— Мастер, в чужие документы суют нос только шпионы и откровенные подонки. Не предполагала, что ты из них...

— А я не предполагал, что ты... ты — замужняя баба! — вспыхнул Вася, и тотчас Крыловецкая припечтала ему звонкую пощечину.

Такое в Васиной жизни случилось впервые. От нахлынувшей обиды потемнело в глазах. Вася замахнулся было на Ирину, но вместо нее изо всей силы хлестанул кулаком по дивану и выбежал из дома на крыльцо. К нему мигом подсунулся Валерка:

— Любовь вдребезги, да?..

Цветков, срывая злость, ударил кулаком по перилам крыльца. Руке стало больно. «Домой! Немедленно домой в Новокузнецк!» — запальчиво подумал Вася.

— Одолжи двадцать рублей, — попросил он Валерку.

Тот присвистнул:

— Где я тебе их возьму?..

— Перехвати у друзей. Честное слово, верну!

— Хо-хо!.. Мои друзья сами луковицу без соли доедают.

— Пожалуйста, раздобудь... Всего две десятки...

Валерка задумался. Показал на мотоцикл:

— Вези, пан спортсмен! Будут гроши!..

Они долго плутали по каким-то проселочным дорогам, проезжали незнакомые для Васи деревни. Несколько раз Цветков пытался узнать у Валерки, куда они едут, но тот, словно поддразнивая, затягивал одно и то же: «А мы едем, а мы едем за деньгами! За туманом пушай едут дураки...»

Наступил поздний вечер. Пришлось включить фару. Уже за полночь, когда въехали в большое спящее село, Валерка попросил выключить свет и ехать тихонько. Остановились у темного приземистого дома. По большой вывеске Вася узнал зареченский магазин, в который они с Валеркой заходили днем в понсах сигарет «Мальборо»...

Дальнейшее Антону Бирюкову было известно от колхозного сторожа Назара Гавриловича Русакова, однако Антон выслушал Васю до конца. Убедившись, что Васин рассказ совпадает с показаниями сторожа, спросил:

— И у тебя, дружок, не дрогнула рука замахнуться на пожилого человека?

Цветков еще ниже склонил голову:

— Я кирпичом хотел отвлечь старика, но нечаянно попал...

— По рельсу тоже нечаянно проехал?

— Дуракам везет... Рельс оказался ровным, как линейка. Мотоцикл даже не тряхнуло. Лучше бы убиться в том овраге... — Вася провел ладонью по лицу и стал рассказывать дальше.

...После выстрела сторожа Цветков выжал из «Восхода» все возможное. Когда промчались больше десяти километров и вдали уже забрезжили огоньки райцентра, сидящий за спиной у Цветкова Воронкин жалобно заскулил:

— Васек, кончай мотогонку... В натуре, гробанемся... Мне и без того кисло, кажись, дробью старый придурок высыпал...

Цветков сбросил газ. Мотоцикл вдруг чихнул и заглох. Наступила пугающая ночная тишина, нарушаемая лишь шуршанием шоссейной щебенки под колесами. По инерции проехали добрых сто метров и только после этого остановились. Вася отвинтил крышку топливного бака — там не осталось ни капли бензина. На спине Воронкина чернело расплывшееся пятно. Сели у дорожного кювета, переглянулись.

— Жалко сеструхину технику бросать. Придется ножным упором катить до дому. — Валерка сморщился от боли, запустил руку в спортивную сумку и вытащил оттуда пузатую черную бутылку. Повернулся к Васе: — Для бодрости — из горла будешь?..

— Иди ты!.. — зло отмахнулся Вася. — Давай деньги...

Воронкин спрятал бутылку назад:

— Васек, проклятым мне стать, не успел выручку найти под прилавком!

— Бутылку ведь нашел...

— Ага! Сумку вот тоже прихватил, больше ни-

чего! Только не зверей, не поднимай волны. Доцарапа-
емся до сеструхи — из глотки у нее пару червонцев
вырву!

— Ох и сволочь же ты...

— Не надо так, не надо... Все мы сволочи... Думаешь,
подружка твоя лучше? Знаешь, как она сегодня меня в
карты начистила? Такие приемчики химичит, что... Это
ж я проигрался — сигаретки раздобыть. В колонии ко-
реша рассказывали о фартовых шулерах, которые на
такси куркулей раздевали. А приманкой у картежников
была новосибирская красotka с кликухой... ну, значит,
с прозвищем «Дикая кошка». Задумайся, пан спортс-
мен!.. Она и теперь носит джинсы с кошачьей лапой на
рисунке. Короче, отрывайся от подружки по-быстрому,
пока не влип в кошачий концерт. Она, кажись, женить
тебя на себе хочет. Подкатывалась сегодня, чтобы заг-
совский штампик из паспорта вытравить. Это неспроста
ей понадобилось...

Цветков слушал витиеватую речь Воронкина и не
мог понять, с какой целью тот говорит: то ли хочет
оправдаться, то ли причинить боль.

До райцентра они добрались на рассвете. Катить
мотоцикл к дому Тюменцевой было уже нельзя — сосе-
ди могли увидеть окровавленную футболку Воронкина.
Глухими переулками пропетляли в конец улицы Завод-
ской и оставили «Восход» за огородом. Так, по мнению
Валерки, было даже лучше: «Если угрозыск зафикси-
рует у магазина след колес, Галка запросто может
отбрехаться, что «Восход» угоняли пацаны. Записку
нарисуем и подбросим...»

Полусонная Галина Тюменцева, когда увидела на
спине брата кровь, заметалась по дому. Она с трудом
отыскала оставшуюся от мужа рубашу, а футболку
спрятала в печку, чтобы сжечь. Валерка с Васей, уеди-
нившись на кухне, стали сочинять записку. В это время
туда заглянула проснувшаяся Ирина Крыловецкая. По-
тягиваясь, ядовито спросила:

— Кажется, и ты, Мастер, нашего поля ягода?..

Цветков оторопело глянул на Воронкина. Тот мгно-
венно выхватил из кармана пистолет, о существовании
которого Вася даже не подозревал, и угрожающе сквозь
зубы процедил Ирине:

— Попробуй мяукнуть, кош-ш-шка...

Крыловецкая сладко зевнула:

— Не трясни игрушкой, я уже от нее прикуривала. —

Лениво повернулась и с усмешкой бросила через плечо: — Ты, Валерик, тоже теперь у меня на крючке...

Вбежавшая в кухню Тюменцева, увидев в руке брата пистолет, сорвавшимся голосом крикнула:

— Не смей, паразит!

Валерка сунул пистолет в карман:

— Ну чего, сеструха, чего?.. Выручи брательника двумя червонцами — до зарезу надо.

— Я тебя, дрянь несчастная, выручу! Я тебя так выручу, что дорогу ко мне забудешь! Откуда ты опять свалился на мою голову?! — запричитала Тюменцева. — Мотоцикл где попало бросил да еще наганом размахался! Я сейчас тебе червонцев надаю... Убирайся вон, шакал уголовный!.. — И, хлопнув дверь, выбежала во двор.

Воронкин скрежетнул зубами. Наклонился к растерянно сидящему Цветкову, зашептал:

— Не паникуй. Все сделаем шито-крыто. Галка побоясь угрозыску на брата капать, а «Дикой кошке» я сегодня же рот наглухо заткну. Только, Васек, учти — никому ни слова. И вообще, в случае чего ты меня не знаешь — я тебя не знаю. За групповую кражу нам длинней срок намотают. Чуешь?.. Короче, линиям отсюда по-быстрому, чтобы волны не расходились. Вечером у танцплощадки стыкуемся. Пару червонцев — гарантирую. Ради нашей дружбы у корешей раздобуду...

Вася тайком пробрался к тети Марусиному сеновалу. Не раздеваясь, упал на свою постель и, несмотря на бессонную ночь, не смог сомкнуть глаз. В голову лезли чудовищно мрачные мысли. Самая страшная из них заключалась в том, что Ирина Крыловецкая оказалась совсем не той чистой девушкой, какую он полюбил с первого взгляда. О магазинной краже почему-то не думалось. Правда, возникало смутное опасение, что вот-вот нагрянет милиция, но эту мысль оттесняли раздумья об Ирине. С болезненной дотошностью Вася ворошил в памяти поведение Крыловецкой от самой первой встречи до сегодняшнего утра и неожиданно сделал вывод, что жестоко и подло обманут. «Дикая кошка», разыгрывая бескорыстную любовь, преследовала какую-то цель или просто-напросто забавлялась с ним, как с несмышленным мышонком. От безысходности сдавило горло. Вася впился зубами в край подушки и горько, навзрыд заплакал...

Вечером, когда со стороны танцплощадки слышала-

лись звуки настраиваемых инструментов, Цветков пошел на условленную встречу с Воронкиным. На душе было мутно, тревожно. Тревога превратилась в безотчетный страх, когда показались идущие навстречу по аллейке дружинники с красными повязками на рукавах. Вася мгновенно повернул назад, решил, что лучше встретиться с Воронкиным в сумерках. Чтобы убить время, побрел по оживленной улице. У табачного киоска нерешительно мялись мальчишки. Вася сообразил, что они хотят купить курева. Вспомнил, как впервые застал Ирину, накурившуюся от «расстройства», и решил попробовать успокоиться табаком. Обмануть доверчивых мальчишек оказалось пустячным делом. Хотел сразу же закурить, но у самого не оказалось спичек, а прижечь сигарету у проходящих курильщиков с непривычки не хватило смелости.

Сумерки наступали очень медленно. Стараясь хоть как-то сгладить томящее ожидание, Цветков направился к железнодорожному вокзалу. При входе на мост, возле танцплощадки, встретилась толпа приехавших в райцентр с вечерней электричкой. Внимание Васи привлек одиноко идущий бородатый мужчина. Лицо его показалось знакомым. «Это ж отец Ирины!» — тревожно подумал Цветков, припомнив портрет похожего на Хемингуэя бородача в квартире Крыловецкой. Пока Вася раздумывал, мужчина скрылся за поворотом примостовой насыпи, усаженной с обеих сторон густыми подрастающими кленами.

Вася перешел на другую сторону моста, откуда насыпь просматривалась дальше, и удивился: мужчина уже разговаривал с одетой в ярко-оранжевый батник Ириной. Она вроде бы специально здесь поджидала своего «папочку». Издали нельзя было понять, о чем идет разговор, однако, если судить по выражению лиц и резким жестам, беседа носила явно не ласковый характер. Васе захотелось подойти поближе, но в это время из прибрежных кустов на насыпь вынырнул Воронкин. Оглядевшись, Валера подошел к Цветкову и зашептал:

— Хило мое дело, Васек. Спину, кажись, разбарабанило от дрови, прямо скипидаром жжет. Как бы заражение не подхватить, хана тогда мне будет...

— Деньги принес? — сердито спросил Вася.

Валерка поморщился:

— Деньги есть, но кореша без залога не дают. У тебя не найдется чего-нибудь под залог?

— Только часы...

— Годятся! — обрадовался Валерка. — Давай их сюда. К танцплощадке не суйся — там, кажись, инспектор угрозыска кого-то пасет, запросто повязать может. Нырй в кусты к берегу и жди. Проклятым стать, появлюсь с червонцами...

Вася снял с руки часы и передал их Валерке. Показав взглядом на разговаривающих Крыловецкую и бородатого мужчину, спросил:

— Не знаешь, с кем это она?..

Воронкин оттопырил нижнюю губу:

— В натуре, незнакомый «Борода». Чего-то они друг другу права качают. Надо бы «Кошке» рот заткнуть... Короче, бегу к друзьям. Жди на берегу...

Валерка юркнул с насыпи по тропинке в прибрежные кусты. Крыловецкая вроде бы заметила стоящего на мосту Цветкова. Несколько раз она бросила в его сторону короткий взгляд. Мужчина тоже покосился. Вася подумал, что оказался в роли подглядывающего, и сразу стал спускаться по тропинке следом за Воронкиным. Спустившись к реке, он прошел вдоль берега. Отыскал в кустах небольшую травянистую полянку, сел. Вечер угасал. На танцплощадке играла музыка. Цветков вытащил из кармана отнятую у мальчишек пачку «Космоса». Хотел закурить, но вспомнил, что нет спичек.

Сколько прошло времени, Вася не знал. Ему казалось, будто сидит он здесь уже целую вечность, а Воронкин с обещанными деньгами как в воду канул. Наступила ночь. На безоблачном небе замигали яркие звезды. От реки повеяло прохладой и сыростью. Страшные мысли давили Васю. Внезапно на тропе со стороны танцплощадки послышались частые шаги. Думая, что наконец-то появился Воронкин, Цветков обрадованно встал. Вместо Воронкина из кустов вышла Ирина Крыловецкая. В ее руке дотлевал огонек сигареты.

— Кое-как нашла тебя, Мастер. Ты что прячешься? Видел, как я храбро срезалась с папочкой? — нетрезвым голосом, словно заискивая, спросила она.

Цветков молча достал сигарету и грубовато попросил прикурить. Ирина чиркнула зажигалкой. Чуть не задохнувшись дымом от первой же затяжки, Вася раздавил подошвой ботинка сигарету и со злостью швырнул пачку «Космоса» через кусты.

— Что молчишь, Мастер? — спросила Ирина.

— Зачем сюда пришла?

— Чтобы переговорить с тобой.

— Нам не о чем больше разговаривать.

— Ой ли?.. — Ирина бросила окурок и сразу же закурила вновь. — Как ты все легко решаешь... Пусть я была замужем. Что от этого меняется?

— Ты подло обманывала меня с самой первой встречи. Я не могу этого простить, — сухо отрубил Вася.

Ирина в несколько затяжек прикончила вторую сигарету. Тихо спросила:

— Если ты такой принципиальный, то как же посмел без разрешения заглядывать в мой паспорт?

— Я не заглядывал в него.

— Стыдно признаться?

— Я не заглядывал в паспорт, — повторил Вася.

— Трус ты, Мастер, и к тому же — подонок...

— А ты... ты... — от оскорбления у Васи перехватило дыхание. — Шлюха!

Крыловецкая ловко, почти не размахиваясь, залепила хлесткую пощечину.

— Кошка! Гадина! — по-детски выкрикнул Вася.

И тотчас от пощечин у него засверкало в глазах. Инстинктивно прикрывая лицо ладонью, Вася почувствовал, как из носа на подбородок потекла теплая струйка. Он замахнулся, чтобы дать сдачи, но как раз в этот момент из кустов выскочил невысокий парень, и вся сила Васиного удара досталась... Славе Голубеву.

Чувствуя погоню, Цветков ломился напролом через кусты. Затемненными аллеями он обогнул танцплощадку, крадучись перемахнул примостовую насыпь и вбежал в тополевою рощу возле озера, у старого пожарного настила. Прислонился к толстому тополию, кое-как перевел дыхание. Сердце стучало так учащенно и сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Отдышавшись, поразился необычайной тишине, нарушаемой лишь легким шелестом листвы да приглушенно доносящейся от танцплощадки музыкой. Чтобы успокоиться, поднялся на пожарный настил. Подержал ладонь у носа, долго разглядывал ее — кровь как будто остановилась. Вася сел у края настила и уставился на зеркальную гладь озера с отражающимися в ней звездами.

Крыловецкая появилась за спиной Цветкова так же внезапно, как и там, на берегу реки в кустах. Вася скорее почувствовал ее приближение, чем услышал. Вскочив на ноги, он разглядел в темноте оранжевый батник.

Ирина была босиком. Она подошла к Васе, показала туфлю и опять, вроде заискивая, заговорила первой:

— Видишь, из-за тебя осталась без новенькой туфельки... Фирма «Олимпия», размер тридцать шесть... Сейчас по радио на танцах объявили, что мою потерю нашла директриса Дома культуры. Пойди, забери туфлю у нее, а, Мастер?..

Чувствуя нервный озноб, Вася сухо спросил:

— Еще что скажешь?

— Ты — цель моей жизни.

— Считай, что промазала. Между нами все кончено.

— Нет, не все... Где мое фото? Не люблю оставлять визитных карточек кому попало.

Цветков быстро достал из нагрудного кармана рубашки подписанную Ириной в памятный день паспортную фотографию, рванул ее на две половинки и бросил.

— Теперь все?..

— Нет, от меня так просто не отделаешься... Из-за тебя я потеряла обеспеченную жизнь...

— Какая связь между мною и твоей обеспеченной жизнью? Разве я что-то обещал тебе?

— А кто в любви до гроба клялся?.. Пушкин?.. — Ирина приблизилась к Васе: — По-твоему, это не обещание? Не обещание это, Мастер?!

«Больше хлестать по щекам не позволю!» — с отчаянной злостью подумал Вася.

— Если замахнешься — получишь сдачу, — угрожающе предупредил он.

Крыловецкая пьяно расхохоталась и вскинула руку с туфлей. Ударить она не успела. Вася кулаком вышиб туфлю, оттолкнул Ирину от себя. Крыловецкая, пятась, повалилась навзничь. Цветков со всех ног бросился от озера. Ни удара от падения Ирины на трухлявые плахи настила, ни всплеска воды он не слышал...

В эту суматошную ночь, как и в предыдущую, Цветков лежал у тети Маруси на сеновале, не смыкая глаз. В голове творился невообразимый сумбур, словно на заевшей пластинке, крутились одни и те же слова Ирины: «Нет, от меня так просто не отделаешься...» Догадка, что Воронкин обманул его с часами, будто наивного младенца, почему-то пришла к Васе лишь перед рассветом. С горячечной отчетливостью он наконец осознал, в какую страшную историю влип, обхватил руками голову и готов был биться лбом об стенку. И еще сильнее, чем вчера, застучало в мозгу: «Домой!»

К утру нервное потрясение ослабло, и Вася с упрямым ожесточением начал действовать. Семь бед — один ответ! Прежде всего он решил доказать Ирине свою смелость — забрать в Доме культуры туфлю.

О смерти Крыловецкой Цветков узнал позже. Рассказали Васе об этом играющие в карты мальчишки, которые видели, как из озера доставали труп. И тут Вася, что называется, пошел ва-банк — выиграл у Борьки Муранкина золотое кольцо с печаткой...

В этот день Бирюков ушел с работы позже обычного — долго просидел в отделе с Анатолием Захаровичем Цветковым. Что мог сказать Антон убитому горем седому человеку о судьбе его сына? Когда следствие закончится, судьбу Василия решит суд. Судьи, разумеется, учтут и возраст, и личность подсудимого; его полное признание; учтут и то, что спровоцировал Васю на магазинную кражу рецидивист Воронкин. Но какое бы наказание ни получил Цветков-младший, ему до конца жизни помнить, что участвовал в краже, что поднял руку на старика сторожа, что по его вине — пусть косвенной — погибла непутевая Ирина, первая и горькая его любовь...

К райцентру приближалась гроза. Стараясь до начала ливня поспеть домой, Бирюков вышел на асфальтированную насыпь к мосту через речку. Справа, за тополями, показалось рябоватое от ветра озеро, где оборвалась жизнь Крыловецкой.

На берегу четверо пожилых рабочих грузили в кузов ЗИЛа спиленные столбы давным-давно никому не нужного пожарного настила. У горизонта коротко чиркнула яркая змейка молнии, и через несколько секунд отдаленно пророкотал первый раскат грома.

**ПОСЛЕДСТВИЯ
НЕУСТРАНИМЫ**

1. ЧП В КООПЕРАТИВЕ «ИНЯ»

На редкость засушливое сибирское лето в последнюю субботу августа наконец-то раздождилось. Темно-сизые облака еще с пятницы плотно затянули небо. К полуночи они настолько затяжелели, что дождь хлынул как из ведра. Основательно прополоскав улицы райцентра, ливень на рассвете утих, но погода продолжала хмуриться.

В дежурной части районного отдела внутренних дел, несмотря на полдень, было пасмурно. Начальник уголовного розыска Антон Бирюков разговаривал с дежурным. Говорили об осеннем охотничьем сезоне, который открылся с утренней зари. Оба были заядлыми охотниками и теперь утешались тем, что дежурство спасло их от бессмысленного времяпрепровождения под проливным дождем на приречных утиных озерах.

Неожиданно у входа в райотдел остановился новенький зеленый «уазик». Бирюков глянул в окно и узнал персональную машину начальника передвижной механизированной колонны Сельстрой Головчанского. Какое-то время из машины никто не показывался. Затем со стороны водителя медленно распахнулась дверца, и на мокрый асфальт тяжело ступил молодой мужчина в спортивной куртке и резиновых болотных сапогах с загнутыми голенищами. Это был Олег Туманов — шофер начальника ПМК. Антон заметил на его лице необычное выражение растерянности и повернулся к дежурному:

— Кажется, работа предстоит...

Туманов вошел в дежурную часть. Не поздоровавшись, сразу сказал:

— У меня на даче — мертвый человек...

Пока дежурный, собирая оперативно-следственную группу, щелкал кнопками селектора и названивал по телефонам, Антон узнал, что прошедшую ночь Туманов провел на охоте. Возвращаясь домой, он попутно завернул на свой дачный участок, чтобы нарвать луку да прочей зелени. Дверь дачного домика оказалась приоткрытой. Олег подумал, что на даче находится жена. Когда же вошел в домик, то увидел лежащего на полу

вниз лицом мужчину. Стал тормозить его. Нечаянно взялся за кисть руки, а та — холодная, как у мертвеца. Внешность мужчины Туманов не разглядел, потому что небольшое дачное оконце закрыто плотной занавеской. Дверной замок не взломан. В домике вроде бы ничего не тронуто.

Первым из участников оперативной группы в дежурную часть вошел начальник райотдела подполковник Гладышев. Он хорошо знал шофера Туманова.

Бирюков пересказал подполковнику суть дела. Гладышев насупил седые брови.

— Может, жена прошлым вечером на даче была? Забыла, скажем, замкнуть дверь, а какой-то подгулявший пьяница забрел от дождя спрятаться...

— Я после охоты не видел жену. Прямо с дачи сюда приехал, — ответил Олег. — Да и не похож мужчина на пьяницу: одет нормально, и одежда сухая.

В дежурной части быстро собрались эксперт-криминалист капитан милиции Семенов, пожилой грузный прокурор Белоносков и следователь Петр Лимакин — вихрастый, с университетским ромбиком на новом форменном пиджаке. Тут же появился лысоватый, располневший судебно-медицинский эксперт Борис Медников. Пригласив из подвернувшихся кстати дружинников двух понятых, все направились к машине.

Садоводческий кооператив «Иня», где была дача Туманова, находился недалеко от районного центра, на возвышенном берегу тихой речушки, от которой и получил свое название. Среди типовых деревянных построек, по соседству со стандартным домиком Туманова, монументально выделялась двухэтажная дача кирпичной кладки с высоченной остроугольной крышей.

— Это кто такой дворец отгрохал?! — удивленно спросил подполковник Гладышев, когда оперативники вылезли из машин и направились по засыпанной гравием дорожке к кооперативному участку.

— Начальник мой, — тихо ответил Туманов.

— Головачанский?! В какую же сумму обошелся такой терем Александру Васильевичу?

— Не знаю... Чужие деньги не люблю считать...

— Живут же некоторые... — буркнул судебно-медицинский эксперт Медников.

Гладышев обернулся:

— Сколько, по-твоему, здесь зарплат вложено?

— Если Головачанский получает как министр, то

ему минимум два года пришлось хлебать чай без сахара. А поскольку он в министры пока не вышел, то и на чай не остается...

Друг за дружкой подошли к даче Туманова. На крыльце, прикрытом широким карнизом, у самой двери чернела натоптанная грязь, а по ней отчетливо выделялись еще не просохшие отпечатки подошв резиновых сапог.

— Твой, Олег?.. — показывая на следы, спросил подполковник.

Туманов кивнул:

— Мой... Я ж заходил в дачу...

Прокурор объяснил понятым их права и обязанности, подождал, пока эксперт-криминалист Семенов обследовал дверь, и только после этого открыл ее. Оперативники вместе с понятыми вошли в небольшую кухню, откуда через завешанный шторой дверной проем можно было пройти в комнату.

В затемненной комнате на полу лежал ничком широкоплечий, крупный мужчина. Семенов несколько раз сверкнул фотовспышкой, потом подошел к окну и по просьбе прокурора отвел занавеску. Стало светлее. Следователь и судмедэксперт, не обнаружив телесных повреждений, повернули мужчину лицом кверху.

Наступила молчаливая пауза — на полу лежал Александр Васильевич Головчанский, начальник передвижной механизированной колонны Сельстрой...

Антон Бирюков обвел взглядом комнату. Напротив окна у стены стояла никелированная кровать с незаправленной постелью. На большой подушке сохранилась глубокая вмятина, как будто совсем недавно в постели кто-то лежал. На спинку стоявшего у изножья кровати стула был наброшен новый светло-серый пиджак, принадлежавший, судя по размеру, потерпевшему.

— Кошмар!.. — проговорил Туманов и заволновался: — Ничего не понимаю! Александр Васильевич, можно сказать, на моих глазах уехал вчера в Новосибирск. Он ведь сегодня уже в Крыму должен отдыхать. Я видел у него билет на самолет до Симферополя!..

— Не спеши, Олег, — остановил подполковник Гладышев. — Давай без паники...

Туманов сглотнул слюну. По его сбивчивому рассказу выходило, что вчерашним вечером, за полчаса до отправления из райцентра новосибирской электрички, он

на служебной машине довез своего шефа до железнодорожного вокзала, помог вынести на перрон чемодан с вещами, пожелал хорошо провести отпуск, попрощался и прямо с вокзала уехал на охоту.

Гладышев показал на спинку стула:

— Пиджак Александра Васильевича?

— Его, — ответил Туманов.

В левом кармане пиджака оказалась распечатанная пачка сигарет и коробок спичек, в правом — связка латунных ключей на брелоке с золотистой русалкой. Перебирая ключи, следователь Лимакин спросил Туманова:

— К вашей даче здесь ни один не подойдет?..

— У меня другая конструкция замка...

Олег показал длинный двухбородчатый ключ. Лимакин заглянул во внутренний карман пиджака и вынул оттуда пачку совершенно новых сторублевок в разорванной с одного конца банковской упаковке. Денег насчиталось ровно три тысячи. Из другого внутреннего кармана следователь достал импортную авторучку с обнаженной женщиной и вместительный бумажник. В бумажнике лежали паспорт Головчанского, путевка в крымский пансионат «Солнечный», пятнадцать рублей разными купюрами и авиационный билет из новосибирского аэропорта Толмачево до Симферополя. Рассматривая в билете сделанные кассиром надписи, Лимакин посмотрел на часы:

— Вылет должен был состояться сегодня вечером...

— Как?! — удивился Туманов. — Александр Васильевич говорил, что утром сегодня уже будет в Крыму.

— Судя по билету, неправду он говорил...

Бирюков вышел из комнаты в кухню. Кроме двух самодельных табуреток да маленького стола, здесь ничего не было. Под столом белели несколько осколочков фарфора, вроде бы от разбитой чашки. Неожиданно дверь дачи бесшумно приоткрылась. С улицы в кухню заглянул небритый старичок в железнодорожной фуражке и тихонько спросил:

— Можно?..

— Нельзя, — сказал Антон.

Дверь мигом закрылась. Бирюков осмотрел кухонное окно. Не обнаружив на нем ничего подозрительного, решил поискать в кооперативе свидетелей. Когда он вышел на улицу, заглядывавший в кухню старичок стоял неподалеку от дачи Туманова и увлеченно что-то

рассказывал высокой дородной женщине в красной вязаной кофте. Увидев Бирюкова, рассказчик умолк. Антон подошел к ним и попытался заговорить с женщиной, зная, что женщины, как правило, больше осведомлены о соседях, чем мужчины. Однако та испуганно заторопилась:

— Нет, нет, нет! Что вы, что вы! Истинное слово, я за соседями не подглядываю. У меня своих забот по горло хватает! — И кивнула в сторону старичка. — Вот Максим Маркович знает все обо всех из нашего кооператива. Вы уж лучше с ним побеседуйте.

Старичок словно этого ждал. Он облизнул кончиком языка потрескавшиеся губы и с достоинством заговорил:

— Что верно, то верно. Я человек наблюдательный. К примеру, могу сказать, давно такой вывод сделал: как дождик пройдет — грязь обязательно будет...

Бирюков улыбнулся:

— А вы, Максим Маркович, не видели, как Головчанский к даче Туманова проходил?

— Чего не видал, про то врать не стану.

— Говорят, умер Александр Васильевич на даче у Тумановых, — внезапно сказала женщина. — Правда ли?..

— Кто это говорит? — спросил Антон.

Женщина растерялась:

— Дак вот... Максим Маркович...

— Чего ты, Федоровна, на меня телегу катишь?! — задиристо вспыхнул старичок. — Я ж не конкретно тебе сказал...

— А как?

— Предположительно.

— Объясните свое предположение, — попросил Антон.

— Чего объяснять?... Довелось мне видеть, как час назад Олег Туманов сломя голову выскочил из своей дачки и помчался на машине в райцентр. Из любопытства я подошел к окну и в щелку между занавеской увидел мужика на полу. По одежке и обличью фигуры — вылитый Сан Силич...

— Вы знакомы с Головчанским?

— Хо! Мы с Сан Силичем, без брехни, закадычные друзья. Я для его дачи рамы мастерил...

Женщина с усмешкой проговорила:

— Сказал бы, что пустыми бутылками он тебя снабжает...

Старичок обиделся:

— Не надсмехайся. Бутылки — это бесплатное вознаграждение. Неужто Сан Силич сам потащил бы стеклотару в ларек сдавать? Руководителю предприятия таким пустяковым делом заниматься не к лицу, а мне лишняя копейка карман не продырявит.

Женщина махнула рукой — что, мол, пустое слушать — и ушла в домик, расположенный напротив недостроенной дачи Головчанского. Максим же Маркович, слегка попахивая перегаром, разговорился с Бирюковым, словно с давним приятелем. Фамилия его, как узнал Антон, была Пятенков. Сорок с лишним лет он отработал путевым обходчиком на железной дороге. В прошлом году оформился на пенсию. Недавно схоронил старуху. С горя стал попивать вино, а до этого капли в рот не брал. Живет у сына. Помогает строить дачную избушку, оттого «большей частью днюет и ночует здесь, в кооперативе». Знал он, что «дачу Сан Силича возводит дикая бригада из пяти армян и семи бичей». Бригадирует армянин по имени Хачик, с прозвищем Тарзан. Строительство ведется главным образом вечерами, так как в дневное время бригада занята на каком-то государственном объекте.

— Как Головчанский расплачивался с бригадой? — спросил Бирюков.

— Должно быть, хорошо платит. Мужики вкалывают на совесть.

— Деньги где они получают: в конторе или у самого Головчанского?

— Чего не знаю, про то врать не стану... — Максим Маркович подзадумался. — Оно, как говорится, строительство дачи еще не закончено — внутренней отделки невпроворот. А, помнится, Хачик, говорил одному «бичу», что деньги Сан Силич выложит на бочку, когда сдадут объект.

— Какой?

— Кто знает, какой объект подразумевался... Может, дача, а может — государственный...

— Как он выглядит, этот Хачик?

Пятенков снизу вверх посмотрел на рослого Бирюкова:

— Телосложением — не слабее тебя и Сан Силича, годами — тоже в вашем с Сан Силичем возрасте, возле тридцати. Черный... Рычит тигром... Возможно, и не по злости — разговор у него такой грубый. Но глазищи

у Хачика бандитские — это точно, хоть в церковь не ходи...

Рассказал Максим Маркович Антону и о том, как вчерашним вечером, когда электричка уже отправилась из райцентра в Новосибирск, здесь, на даче, бригадир Хачик и Головчанский «срезались на ножах». Из-за чего сыр-бор разгорелся, Пятенков не знал, но своими собственными ушами слышал, как Хачик пригрозил Александру Васильевичу: «Ох, начальник! За такие шутки на Кавказе башку отрывают!» Вся бригада сразу бросила работу и ушла. Максим Маркович в это время на втором этаже дачи вставлял оконные рамы. Когда он спустился, Головчанский сердито ходил по комнате из угла в угол. Увидев Пятенкова, спросил: «Выпить хочешь, Маркович?» Пятенков не отказался. Александр Васильевич принес откуда-то с веранды пузатенькую бутылку коньяка с завинчивающейся пробкой. Выпили по наперсточку, недолго поговорили о засушливом нынешнем лете. После того Головчанский передал Пятенкову ключ от дачи и попросил: «Будь другом, Маркович, постереги мое хозяйство, чтобы эти бичи не растащили. Вернусь из отпуска — заплачу. А теперь иди отдыхай, мне надо спокойно одному подумать...»

Пятенков сунул руку в карман и показал Бирюкову плоский бронзовый ключ от английского замка:

— Вот он, ключик Сан Силича!

— Вы можете нам показать, что там, внутри дачи? — спросил Бирюков.

— Отчего же не могу? Хоть сию минуту пойдем смотреть...

Внутри двухэтажный домина Головчанского был действительно еще не отделан. На полу засохли сгустки штукатурки. У стен громоздились плахи, шпунтовая рейка, большие листы добротной фанеры. Посередине просторной комнаты на нижнем этаже желтела кучка просеянного резного песка, рядом лежали бумажные мешки с цементом и алебастром.

Пятенков провел оперативников по всему дому и, словно опытный экскурсовод, объяснил, где Головчанские планируют сделать кухню, где — зал для приема гостей, где — комнаты: хозяйна, хозяйки, детскую. Когда «экскурсия» закончилась и оперативники спустились с верхнего этажа, Максим Маркович простодушно

принялся пересказывать то, что уже рассказывал Бирюкову.

— Где те рюмки, из которых вы с Головчанским вчера выпивали? — спросил подполковник Гладышев.

Максим Маркович смущенно отвел глаза в сторону:

— Так мы всего по наперсточку из одного стакана дернули.

— Где тот стакан?

— Ну, может, не конкретно, что стакан, а как бы это... — окончательно смутился Пятенков и показал на эмалированную кружку, стоящую на ящике возле ведра с водой. — Вон из той посуды причастились.

Гладышев покачал головой:

— По полной?...

— Ни-ни! Говорю, по наперсточку, на донышке. Даже закусывать не стали.

В разговор вмешался прокурор.

— Перед тем как с вами выпивать, Головчанский трезвым был? — спросил он Пятенкова.

— Как стеклышко.

— А когда выпили, опьянел?

— Ни в одном глазу!

Прокурор, показывая на кружку, сказал следователю Лимакину:

— Оформи этот «наперсточек» на экспертизу...

Подполковник Гладышев отозвал Бирюкова в сторону, тихо спросил:

— Что скажешь, начальник розыска?

— Пока, Николай Сергеевич, ничего не скажу. пытаюсь сообразить: почему Головчанский вчерашним вечером вместо Новосибирска оказался здесь, в кооперативе?..

— Чувствует мое старое сердце что-то недоброе... — Гладышев взглянул на жестикулирующего перед прокурором Максима Марковича. — Как бы этот свидетель не оказался обвиняемым...

Бирюков промолчал.

— Эх, неприятность... — Подполковник досадливо щелкнул пальцами. — Хотя, знаешь, Антон Игнатьевич, вскрыет Борис Медников труп, а там — обыкновенный инфаркт без малейших признаков насильственной смерти...

Бирюкову была понятна озабоченность начальника милиции. Лишение человека жизни — одно из самых тяжких преступлений. Вред, причиненный большинством

правонарушений, можно как-то компенсировать, устранить или уменьшить. Последствия же убийства неустранимы.

— Все может быть... — ответил Антон вслух, а про себя подумал, что даже при «инфарктном исходе» смерть Головчанского — такой орешек, над которым придется в первую очередь маяться ему — начальнику отдела уголовного розыска.

— Какие неотложные действия считаешь нужным провести? — спросил подполковник.

— Прежде всего надо установить, почему Головчанский вчера не уехал из райцентра...

2. ОБМОРОК НАДИ ТУМАНОВОЙ

С места происшествия Бирюков возвращался в райцентр с Олегом Тумановым. Ехали в машине вдвоем. Антон завел разговор о Головчанском, однако Туманов, к сожалению, оказался из той категории личных шоферов, которые порой даже во вред делу старательно берегут репутацию своего шефа. По ответам Олега получалось, что Александр Васильевич был не только прекрасным руководителем, но и человеком, безупречным во всем.

— А вот дачу, кажется, не по карману себе он замахнул, — сказал Бирюков.

— О чужом кармане судить трудно, — не отрывая взгляда от раскисшей проселочной дороги, ответил Туманов. — Александр Васильевич вместе с заработком жены имел почти шестьсот рублей в месяц. Семья у него небольшая, всего один сынишка-первоклассник.

— Кем жена Головчанского работает?

— Старшей лаборанткой контрольно-семенной станции.

— Как они между собой жили?

— Нормально.

— В материальном плане — тоже неплохо?

— Ну!

— Машину собственную имеют?

— В прошлом году «Волгу» купили.

— Вот видишь: в прошлом году — «Волга», нынче — дача. Для таких расходов шестьсот рублей в месяц маловато, а?..

— На машину Александр Васильевич у родствен-

ников деньги занял... А дача ему дешево обошлась... Бракованные же материалы использовал, цена им — копейка...

— Что-то не заметил я бракованного.

— Из брака всегда можно выбрать дельное.

— Почему это дельное не используется на государственной стройке?

— Потому что невыгодно, скажем, из тысячи битого кирпича выбирать полтора-два десятка дельных.

— Выходит, для себя — выгодно, а для государства — нет?

— Ну... это разные вещи...

Стараясь не навязывать Туманову своего мнения, Бирюков перевел разговор на «дикую» бригаду, строившую, по словам Максима Марковича, дачу Головчанского. Олег стал вроде бы откровеннее. Он хорошо знал бригадира Хачика Алексаняна и считал его наглым рвачом. С мая бригада по договору с ПМК строила в райцентре восьмиквартирный дом, а вечерами подрабатывала у Головчанского, запросив с того полторы тысячи рублей. Когда же Антон заикнулся о конфликте между Хачиком и Головчанским, Туманов снова встал на защиту шефа:

— Хачик со всеми зубатится. Он бесплатно шагу не шагнет.

Замолчали. «Уазик», рыча мотором, то и дело расплескивал по сторонам попадающие на пути дождевые лужи.

— Олег, почему Головчанский вместо Новосибирска оказался у тебя на даче?... — опять спросил Бирюков.

— Откуда я знаю... — Голос Туманова дрогнул. — Стреляться мне теперь, что ли? Или грязью Александра Васильевича поливать, если он на моей даче умер?..

— Ни того, ни другого делать не надо. Пойми, Олег, загадка смерти твоего шефа все равно будет разгадана. При этом наверняка вскроются факты, о которых ты умолчал. На языке юристов такое 'молчание' называется укрывательством. Оно уголовно наказуемо...

Туманов с повышенным напряжением уставился на дорогу. В конце концов он все-таки разговорился.

В последние дни перед отпуском Головчанский, как всегда, был весел и энергичен. С утра до вечера разъезжал по объектам, выколачивал через высшее начальство материалы, производил перестановку бригад. Сло-

вом, человек хотел, чтобы во время его отпуска работа шла своим чередом. И лишь вчера, в день отъезда, Александр Васильевич с самого утра ходил мрачнее тучи. Накануне в ПМК приехал начальник отдела труда и заработной платы Облсельстроя. Видимо, у Головчанского состоялся с ним неприятный разговор. Собственно, сверхъестественного в этом ничего не было — областное начальство всегда «снимает с подчиненных стружку», хочет и план выполнить, и экономию иметь.

— Головчанский тебе что-то рассказывал о том разговоре? — спросил Бирюков.

— Нет, это мои предположения.

— Постарайся, Олег, припомнить, как ты вчера расстался с Головчанским на вокзале.

— Нормально мы с ним расстались. Александр Васильевич перед отъездом повеселел. Купил в буфете на дорожку бутылку «Плиски». Я хотел дожидаться, когда придет электричка, чтобы посадить его в вагон, а он сказал, мол, поезжай охотиться, а то все лучшие места на озерах захватят другие охотники...

— Где и с кем ты охотился?

— На Моховом озере... Я всегда один туда езжу.

— На вокзале Головчанский ни с кем не встречался, не разговаривал?

— При мне — нет. Народу на перроне немножко было. В пятницу ведь из райцентра в Новосибирск редко кто едет. Оттуда сюда народ на выходные валом валит.

— Значит, Александр Васильевич любил коньяк?

— Нет, выпивкой он не увлекался, — быстро ответил Туманов.

— Как же бутылка «Плиски» на дорожку?..

— В отпуск человек ехал, хотел в Новосибирске повидаться с другом.

— Фамилию или имя его не упоминал?

— Нет.

— Что, по-твоему, могло привести Головчанского к тебе на дачу? — опять спросил Антон.

— Сам об этом думаю... — Туманов помолчал. — Давайте заедем, поговорим с моей женой. Может, Надя что-то знает...

— Она знакома с Головчанским?

— Ну... как с моим начальником и соседом по даче...

Надя Туманова — розовощекая симпатичная толстушка в васильковом платье — сосредоточенно проти-

рала полотенцем вымытые стекла распахнутого настежь окна. Когда Олег и одетый в милицейскую форму Антон вышли из остановившейся у подъезда машины, она вскинула руки, словно хотела поприветствовать мужа, и мгновенно исчезла из вида.

Бирюков, войдя следом за Тумановым в узкий коридорчик квартиры, обратил внимание на необычную тишину. Олег, видимо, рассчитывал, что жена встретит неожиданных гостей у порога, но, не увидев ее, растерянно обернулся к Антону, затем шагнул из коридора в комнату.

— Надя!.. Что с тобой, Наденька?! — раздался оттуда его испуганный голос.

Бирюков заглянул в комнату — Туманова с прижатых к груди полотенцем лежала навзничь на сером паласе. Глаза ее были закрыты.

— Обморок, — догадался Антон. — Нашатырный спирт есть?

Олег в грязных охотничьих сапогах бестолково метался по чистой квартирке. Кое-как он отыскал в тумбочке под трюмо домашнюю аптечку, дрожащими пальцами принялся открывать один из флакончиков. Бирюков смочил нашатырным спиртом ватку и помахал ею перед Надиным лицом.

Туманова вздрогнула. Постепенно щеки ее начали розоветь. Олег отодвинул ногой лежащую на боку табуретку, бережно поднял жену с пола и перенес на диван. Присев на корточки, опять спросил:

— Что с тобой, Надя?..

— Табуретка подвернулась... упала... — прошептала она, наконец придя в себя.

— Как же ты так неосторожно?..

— Устала... голова закружилась...

Надя открыла глаза и непонимающим взглядом уставилась на Антона. Какое-то время она вроде бы мучительно пыталась что-то сообразить, но вдруг болезненно поморщилась и спросила:

— Ты что сделал, Олежек?

— Ничего.

— А почему... с милицией?..

— Милиция, Наденька, не по мою душу... Александр Васильевич Головчанский умер.

— Как умер? — закрывая глаза, еле слышно прошептала Надя.

- А никто не знает, как... В нашей даче его нашли.
- Почему в нашей?
- Говорю, никто не знает. Ты вчерашним вечером была на даче?
- Была.
- Дверь на замок закрывала?
- Надя вялым движением руки потерла горло, как будто ей очень трудно было говорить. Еле-еле выдавила:
- Потеряла я ключ.
- Когда?! Где?! — удивился Туманов.
- Вчера... Наверное, на грядках.
- Ну, как же это ты?
- Не знаю... Домой собралась... Хватилась — ключа нет...
- И дверь дачи открытой оставила?
- Ну.
- Александр Васильевич к нам на дачу не приходил?
- Нет.
- А в кооперативе он вечером был?
- Не знаю... Не видела...
- Голову не ушибла?
- Ничего... Сердце со вчерашнего дня, как на охоту уехал, заболело... Думала, с тобой что-то случилось...
- Вот еще бред! Я не новичок в охоте. Что со мной случится... Вызвать врача?
- Не надо, скоро пройдет...
- Бирюков понял, что сейчас с Надей Тумановой говорить не о чем. Олег вместе с Антоном вышел из квартиры на лестничную площадку и смущенно стал объяснять:
- Беременность у Нади третий месяц, первый ребенок...
- Обмороки часто случаются? — спросил Антон.
- Нет, это впервые. Но она в какой-то жуткой тревоге все время. Я даже с врачами по этому поводу консультировался. Говорят, такое бывает с молодыми матерями... Мы ведь пять лет ждали ребенка...

3. РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Выходной день для сотрудников уголовного розыска — понятие относительное. Несмотря на воскресенье, Антон Бирюков пришел в отдел с самого утра. Вскоре

стали подходить другие участники оперативно-следственной группы. Собрались в кабинете подполковника Гладышева. Последним явился судебно-медицинский эксперт. Вид у него был усталый, словно он не спал всю ночь. Поздоровавшись, Медников передал прокурору заполненный на машинке стандартный бланк и грузно опустился на стул рядом с Бирюковым.

— Чем порадуешь, эскулап? — спросил Антон.

Борис вздохнул:

— Радости нет. Пришлось приглашать на помощь специалистов из Новосибирска, чтобы срочно сделать химическое исследование. Случай крайне редкий, почти уникальный... Отравление гранозаном.

— Гранозаном?.. Которым предпосевную обработку семян проводят?

— Угадал, сыщик.

— Это точно?

— Как в аптеке на весах.

Подполковник Гладышев сосредоточенно нахмурился:

— Расскажи, Боря, подробнее. Что это за штука, гранозан?

— Ртутьорганический препарат против грибковых и бактериальных болезней растений. В чистом виде — белое кристаллическое вещество со специфическим запахом. Выпускается обычно подкрашенным дустом. Среднесуточная гигиеническая норма в атмосферном воздухе не должна превышать одну десятитысячную миллиграмма на кубический метр... — Медников сделал паузу, встретился с подполковником взглядом и добавил: — А кушать гранозанчик, Николай Сергеевич, категорически запрещено — помереть можно.

— Каким образом Головчанский его «скушал»?

— С коньячком-с... Судя по наличию в желудке потерпевшего алкоголя и ртути, яд был растворен в коньяке, а товарищ Головчанский неосторожно изволил тот коньяк выпить. Происшедшие в организме тяжелые изменения позволяют сделать вывод: доза яда была значительна и смерть наступила в считанные минуты. Случилось это вчера, между шестью и семью часами утра.

— По-твоему, можно предполагать, что Головчанский выпил отравленный коньяк на даче Туманова и там же скончался?

— Не исключено.

Следователь Лимакин недоверчиво проговорил:

— Куда в таком случае коньячная бутылка исчезла?..

— По бутылкам я не специалист, — буркнул Медников.

Лимакин повернулся к эксперту-криминалисту Семенову:

— Мы ведь все закутки и даже овощные грядки на даче обшарили...

— Ключа там не нашли? — спросил Бирюков.

— Нет... Не могла же бутылка испариться. Значит, кто-то унес ее...

— Шерше ля фам, — опять пробурчал Медников.

— Что, что, Боря? — недослышал Лимакин.

— Как говорят французы — ищите женщину.

— По неприбранной постели на месте обнаружения трупа судишь?

— Постель — пустое место. На правом плече потерпевшего сохранился характерный синячок, вроде бы от крепкого поцелуя.

Прокурор передал медицинское заключение подполковнику Гладышеву:

— Придется возбуждать уголовное дело и раскрывать преступление.

Подполковник быстро прочитал машинописный текст, положил листок на стол перед собою и обвел взглядом присутствующих.

— Наверное, надо обсудить вопрос, чем мы располагаем на сегодняшний день, и прикинуть версии, которые следует отработать в первую очередь?..

— Надо бы, Николай Сергеевич, попытаться найти чемодан, с которым, по словам Олега Туманова, Головчанский хотел ехать в отпуск, — сказал Бирюков.

— Разумное предложение, — согласился Гладышев. — Где, по-твоему, его искать?

— Логически рассуждая, если Головчанский решил отложить отъезд, допустим, до утренней электрички, то самым удобным для него было — оставить вещи в вокзальной камере хранения.

— Правильно! — поддержал Бирюкова следователь Лимакин. — Дома, во всяком случае, Александр Васильевич не появлялся. Вчера, вернувшись с происшествия, я разговаривал по телефону с его женой. Она уверена, что муж уже отдыхает в Крыму. Кстати, любопытная деталь — жене, как и Олегу Туманову, Головчанский сказал, что вылет из Новосибирска в

субботу утренним рейсом. На самом деле авиабилет у него был на субботний вечерний рейс. Значит, ехать в Новосибирск в пятницу Головчанскому крайней необходимости не было... — Лимакин чуть помолчал. — Мне думается, Александр Васильевич не случайно обманул жену и своего шофера. Он заранее планировал заночевать в райцентре и, видимо, с любовницей...

Гладышев задумался:

— Мне казалось, что Головчанский не ловелас.

Следователь быстро достал из портфеля обнаруженные в карманах пиджака Головчанского брелок с золотистой русалкой и авторучку, в прозрачном корпусе которой потягивалась обнаженная красotka.

— Видите?.. Судя по этим вещичкам, их владелец был неравнодушен к женским прелестям.

— Возможно... — Гладышев посмотрел на Антона. — Кому из инспекторов поручим поиск чемодана?

— Славе Голубеву.

Подполковник по селектору передал распоряжение дежурному. Возобновляя прерванный разговор, обратился к капитану Семенову:

— Что эксперт-криминалист скажет?

— Ничего.

— Даже отпечатков... — Гладышев пошевелил пальцами, — на крышке кухонного стола не осталось?

— На дактилопленку удалось снять единственный отпечаток правой ладони потерпевшего. И тот несколько смазан. Все другие отпечатки со стола стерты.

— Ну а общее впечатление?

— Преступление совершено предусмотрительным человеком.

— Наверняка этот человек — женщина! — громко сказал Лимакин.

Борис Медников ткнул локтем в бок Бирюкова:

— Подбросил я следователю версию... — И заговорил серьезно: — Нельзя, друг мой Петя, безоговорочно брать на вооружение крылатую французскую фразу насчет женщины. Головчанский перед отъездом мог целоваться с законной супругой...

Разговор невольно переключился на чету Головчанских.

...Александр Васильевич приехал работать в райцентр с дипломом инженера-строителя сразу после окончания института. За каких-то шесть-семь лет он уверенно прошагал служебную лестницу от начинаю-

шего мастера до начальника крупнейшей в районе строительной ПМК. К моменту смерти это был физически крепкий тридцатипятилетний мужчина: обаятельный в общении со всеми людьми, любящий острую шутку, часто подтрунивающий над собой и никогда не обижающийся на справедливую критику. В случае же несправедливости умел дать достойный отпор. Возглавив Сельстрой в ту пору, когда ПМК еле-еле сводила концы с концами, Головчанский быстро сумел вывести «фирму» из прорыва в число передовых организаций района, что убедительно говорило о его незаурядных способностях руководителя.

Приехав в район, Головчанский вскоре женился. Прокурору и подполковнику Гладышеву приходилось встречаться с четой Головчанских на официальных праздничных торжествах, поэтому оба они были знакомы и с женой Александра Васильевича. Софья Георгиевна Головчанская была полной противоположностью мужу. Невзрачная с виду — кожа да кости, — она постоянно маялась какими-то болезнями, а на ее худом продолговатом лице держалась вымученная, неестественная улыбка.

— На месте Головчанского я отбил бы супругу у личного шофера, — неожиданно сказал Борис Медников.

Бирюков посмотрел на судмедэксперта:

— Ты знаешь Надю Туманову?

— Она в хирургическом отделении сестричкой работает. Премиленькая хохотушка.

— А в ее поведении за последнее время заметных изменений не произошло?

— Чего ей меняться?

— Олег сказал, что Надя на третьем месяце беременности...

— Эка невидаль для молодой замужней женщины!

— Меня интересует: происходят ли в этот период беременности какие-либо серьезные изменения в женском организме?

— Женись — мигом узнаешь все изменения.

— Давай серьезно, Боря. Я почему этот разговор завел... Вчера, когда мы с Олегом заявили к нему домой, Надя в обморок упала. Может это случиться от какого-то психического расстройства, связанного с беременностью?

— При трехмесячной беременности психовать еще рано.

— Боря, а по каким каналам преступник мог раздобыть гранозан? — спросил следователь.

Медников пожал плечами:

— Его в любом колхозе и совхозе, когда Сельхозхимия ведет предпосевное протравливание семян, без всяких каналов хоть пруд пруди. К сведению, ушлые огородники всяческими неправдами умудряются доставать гранозан и тоже применяют его, чтобы овощи лучше росли.

— Хочешь сказать, и в кооперативе «Иня» этот ядовитый препарат мог запросто оказаться?

— Почему бы нет...

Следователь поморщился:

— Загадал Александр Васильевич нам загадку...

Подполковник Гладышев еще раз пробежал взглядом заключение медицинской экспертизы, задумался:

— Что-то не могу припомнить случая, чтобы до Головчанского в нашем районе умирали от гранозана.

Медников повернулся к нему:

— Смертельный исход от этого ядохимиката наблюдается крайне редко.

— Умышленное отравление?

— Не берусь утверждать...

Зазвонил телефон. Старший инспектор уголовного розыска Голубев доложил подполковнику, что чемодан Головчанского обнаружен в ячейке номер 18, закрытой кодом В-319, автоматической камеры хранения ручного багажа на железнодорожном вокзале. Софья Георгиевна Головчанская в присутствии понятых уверенно опознала не только чемодан, но и находящиеся в нем вещи.

4. КРУТОЙ РАЗГОВОР

В понедельник Антон Бирюков начал рабочий день с посещения конторы ПМК Сельстрой. О смерти Александра Васильевича Головчанского, как выяснилось, здесь уже знал чуть ли не каждый сотрудник. Сохранить тайну столь серьезного происшествия в небольшом городке оказалось практически невозможным.

В роскошном кабинете с табличкой «Начальник ПМК» Бирюкова принял молодой полнотелый главный

инженер, исполняющий обязанности руководителя организации. О своем бывшем начальнике он сразу заговорил в превосходной степени: «Прекраснейший человек был! Талантливейший строитель! Умел выполнять производственные задания в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях. Бескорыстно внедрил в производство уйму всяческих рацпредложений. С подчиненными жил душа в душу, но трудовую дисциплину в коллективе держал на уровне. Его слово для рабочих было законом...»

Когда же Антон поинтересовался, на каких условиях работает в ПМК наемная бригада Хачика Александрияна, главный инженер с внезапной озабоченностью принялся перебирать на столе бумаги, как будто хотел найти в них что-то позарез нужное.

— Откровенно говоря, к этой бригаде лично я не имею ни малейшего отношения, — неожиданно сказал он.

— Как же так? — возразил Бирюков. — Насколько известно, должностная инструкция предписывает главному инженеру командовать производством. Вы непосредственно отвечаете за расход фонда заработной платы и, следовательно, обязаны контролировать работу всех бригад.

— Жизнь часто не укладывается в рамки инструкций. У меня чрезвычайно большая нагрузка. Вдобавок, нынче с самой весны зашились на ввводном животноводческом комплексе в совхозе «Победитель». Ну прямо не передохнуть... — Главный инженер наконец бросил перебирать бумаги. — Поэтому Александр Васильевич взял строительство дома, где занята бригада Александрияна, под свой контроль. Не могу же я не доверять начальнику ПМК. Правильно?..

— Неужто даже об условиях, на каких нанята бригада, Головчанский вам не сказал?

— Ни слова не говорил.

— Странно...

— Как вам сказать... В строительных делах много странного.

— Вы не присутствовали в пятницу при разговоре Головчанского с представителем Облсельстроя?

— Нет, в пятницу я весь день находился в «Победителе»... Собственно, представитель еще не уехал от нас, пригласить?..

— Пригласите.

Главный инженер через секретаря передал распоряжение. Очень скоро в кабинет без стука вошел солидный высоколобый мужчина лет под пятьдесят.

— Глеб Гаврилович Русаков, начальник отдела труда и заработной платы областного управления, — представился он Антону. — Кстати, ваш земляк, уроженец села Заречного.

— Назар Гаврилович кем вам доводится? — чуть подумав, спросил Антон.

— Родным старшим братом. Знаете его?

— В прошлом году довелось познакомиться.

— Наверное, когда магазин в Заречном обворовали?

— Да.

— Рассказывал Назар, как по бездумью какого-то паренька чуть жизни не лишился. — Русаков передвинул поудобнее стул, спокойно уселся и, облокотясь на стол, сказал: — Понимаю, что не ради прошлогоднего случая меня пригласили. Чем могу быть полезен уголовному розыску?

— Расскажите, Глеб Гаврилович, о чем вы говорили с Головчанским в пятницу, — попросил Антон.

— Крутой разговор у нас состоялся... — Русаков потер ладонью подбородок и повернулся к главному инженеру. — Позови Окунева. Иван Иванович был свидетелем того разговора, может уточнить, если я что-то запаматовал.

— Окунев — начальник нашего отдела труда и заработной платы, — пояснил главный инженер и коротко бросил заглянувшей в кабинет белокурой секретарше: — Ивана Ивановича — срочно!

Сутулый Окунев появился на пороге кабинета бесшумно. Перед собою он держал, как щит, потертую кожаную папку. Тихо поздоровался и с виноватым видом, будто предчувствуя нахлобучку, сел поодаль от Русакова. Русаков сразу заговорил:

— Хотя и неловко вспоминать о мертвом с негативной стороны, но приходится... Очень крутой разговор состоялся у меня в пятницу с Головчанским. Соль вот в чем... ПМК строит для своих рабочих восьмиквартирный дом. Головчанский заключил договор с наемной бригадой, установив заработную плату в тридцать тысяч рублей. Мы знаем, что наемным бригадам часто переплачивают, но тридцать тысяч за восьмиквартирный дом — это, извините меня, не лезет ни в какие ворота.

Я приказал Головчанскому ликвидировать прежний договор с Александном и пересчитать все по расценкам с аккордно-премиальной доплатой в сорок процентов, плюс премия за ввод, плюс премия по хозрасчету. Признаюсь, такие условия слишком щедрые, но и то... сумма зарплаты оказалась меньше двадцати пяти тысяч. Таким образом, более пяти тысяч рублей Головчанский хотел выплатить Александну, мягко говоря, ни за что. Вот об этом я и сказал Головчанскому. Более того, спросил прямолинейно: «Не греешь ли ты, Александр Васильевич, на этом доме собственные руки?» Головчанский вспыхнул, но, когда я намекнул, что дело пахнет вмешательством ОБХСС и прокуратуры, стал оправдываться, как нашкодивший ребенок... — Русаков сурово глянул на Окунева: — Так, Иван Иванович, было?

Окунев угодливо кивнул:

— Все правильно, Глеб Гаврилыч.

— Разве Головчанский вправе был заключать договор на явно завышенную сумму? — спросил Антон.

Русаков указал пальцем на съездившегося Окунева:

— Вот кто первый должен был одернуть его!

Окунев виновато кашлянул:

— Я ведь объяснял, Глеб Гаврилыч, что когда Александр Василич приказал мне набрать Александну тридцать тысяч по зарплате, я возражал: «Тридцать — много». Он не посчитался с моим возражением, сказал: «Дом по плану нынче не вводный. Надо вводить, чтобы поселить людей. Своими силами строить — пять лет проваландаемся, армяне же за сезон сделают. Когда введем дом — фонд зарплаты Облсельстрой добавит, никуда не денется».

— Почему о таком купеческом растранижении государственных средств не сообщил мне?! — повысил голос Русаков.

— Я ведь объяснял, Глеб Гаврилыч, что год до пенсии остался. Не рискнул напоследок вступать в конфликт с Александром Василичем.

— Прикажу полностью лишить тебя премиальных — забудешь про пенсию!

— Воля ваша...

— Моя воля — государственную копейку беречь! Кстати, и тебе следует этим заниматься, пока работаешь, а не о пенсии думать.

В разговор вклинился главный инженер:

— Не в собственный же карман хотел положить эти пять тысяч Головчанский...

Русакова словно укололи:

— Серьезно?! Ты, главный инженер, искренне веришь в то, что руководитель предприятия бескорыстно выкидывает псу под хвост такую кругленькую сумму?..

Полное лицо главного инженера порозовело:

— Александяну не жалко переплатить — строит добротно.

— Клуб в Березовке он строил в прошлом году?

— Кажется, он.

— Не кажется, а точно — он! Сколько там перерасходовали по зарплате?.. Забыл?.. Подскажу: пятнадцать тысяч! Я специально вчера и позавчера объехал с Окуновым все ваши стройки. Ой, лихо разбазариваете деньги! Ой, разбазариваете... — Русаков сокрушенно покачал головой. — И вот еще что я заметил. Александян у вас здесь окопался крепко, третий год по весне, как грач, сюда прилетает из теплого края. И каждый объект у него с перерасходом зарплаты в пять, десять, пятнадцать тысяч. Представляешь, сколько он из ПМК дармовых денег высосал?..

— Не забывайте, Глеб Гаврилович, что Александян и материалы сам добывает, которых у нас нет, — робко проговорил главный инженер.

Русаков поморщился:

— Не ищи лазейки. Уж кому-кому, а мне не заливай про серого козлика. Нашли добытчика — Александяна! Этот добытчик, будет тебе известно, уже посадил одного нашего начальника ПМК на восемь лет с конфискацией имущества. Сам выкрутился, доказал на суде, что взятки у него вымогали. Теперь здесь золотую жилу откопал. Я не случайно восьмиквартирным домом заинтересовался. Как увидел в договоре фамилию «Александян», мигом сердце екнуло... — Русаков внезапно обратился к Антону: — Председатель березовского колхоза Игнат Матвеевич — ваш однофамилец или родня?

— Это мой отец.

— Да?.. Тем лучше — у него можете уточнить. Знаете, что Игнат Матвеевич мне рассказал? Мало того, что Головчанский переплатил Александяну пятнадцать тысяч по зарплате, он еще и у колхоза три с половиной тысячи выцыганил, вроде как поощрение наемной бригаде за досрочный ввод клуба в эксплуатацию. Впечатляющие цифры!.. — Русаков задумался и пони-

зил голос: — С Головчанского теперь, как говорится, взятки гладки, но Александяна надо потрясти. Я, например, не удивлюсь, если окажется, что этот шабашник — основной виновник смерти Александра Васильевича. По-моему, чего-то они не поделили между собой.

— Ясно, Глеб Гаврилыч, чего: зарплату ведь по дому при пересчете на пять тысяч урезали, — вставил Окунев.

— А сколько всего этот дом стоит? — спросил Антон.

— Сто пятнадцать тысяч.

Главный инженер посмотрел на часы:

— Ух, времечко куда ускакало! Извините, мне надо срочно ехать в «Победитель» — там областная комиссия на комплексе должна собраться...

— Поезжай, — устало сказал Русаков и перевел взгляд на Окунева: — Ты, Иван Иванович, тоже делом займись. К концу дня — кровь из носа — закончи подробную справку по вводным объектам. И запомни: без очковтирательства!..

Едва только главный инженер и Окунев вышли из кабинета, Русаков словно обмяк. Лицо его сделалось грустным. Тыльной стороной ладони он потер высокий выпуклый лоб, виновато глянул Антону в глаза и заговорил:

— Сгустил я краски, рассказывая о Головчанском. В целях профилактики хотел припугнуть главного инженера, чтобы не вздумал по традиции разбазаривать фонд зарплаты, да, кажется, увлекся...

— Хотелось бы, Глеб Гаврилович, знать истинное лицо Головчанского, без «профилактических целей», — заметил Антон.

— Понимаю...

Русаков вздохнул и заговорил без начальственного апломба: спокойно, рассудительно. И сразу в представлении Антона начал складываться иной образ бывшего начальника ПМК — деятельного, эрудированного и грамотного инженера, умеющего ладить с подчиненными. Вот только не нравилось Русакову, что в последние годы Александр Васильевич увлекся наемными бригадами, хотя особо предосудительного в этом как будто и не было. Строят такие бригады, как правило, быстро и добросовестно. Иными словами, переплачивая порою шабашникам в зарплате, ПМК выигрывает на досрочном вводе объектов в эксплуатацию, а это при совре-

менном размахе строительства — немаловажный положительный фактор.

— Выходит, наемные бригады — не столь уж плохое дело? — спросил Антон.

— В принципе — да. Шабашники часто нас выручают. Но и подводят тоже нередко, поскольку их деятельность, говоря спортивным языком, постоянно на грани фола. Тут и завышенные объемы, и приписки. Подобные факты порой приводят нечистоплотных на руку людей к взяточничеству и хищениям.

— Это вы и имели в виду, когда говорили, будто Алексанян с Головчанским что-то не поделили?

Русаков задумался:

— Сказать-то такое сказал, да вот пораскинул умом и засомневался. Признаюсь, в начальники ПМК Головчанский вышел по моей протекции. Я постоянно к нему приглядывался, сурово распекал за малейшие производственные грешки, но никогда не замечал за Александром Васильевичем корыстных нарушений. Не мог же он так маскироваться...

Антон решил досконально выяснить, как формируются и работают наемные бригады. Русаков прекрасно знал «систему шабашников». Сколачивает такое добровольное объединение пройдоха-бригадир, который умеет и выгодный договорчик заключить со строительной организацией и при необходимости различными плутовскими махинациями раздобыть для стройки недостающие материалы. Он же подбирает людей в бригаду. Берет обычно пять-шесть человек с высокой квалификацией, а остальных — случайно подвернувшихся, для черновой работы: землю копать, стройматериалы подносить, бетонный раствор приготовить и так далее и тому подобное.

— Словом, «бичи» делают самую грязную и малооплачиваемую работу, — с усмешкой сказал Русаков.

— Как им платят?

— Зарплата каждому из наемной бригады начисляется согласно тарифам и отработанному времени по табелю. Потом бригадир распределяет общую сумму между шабашниками в соответствии с предварительной договоренностью.

— Почему бы не выдавать им деньги в кассе? Каждому, персонально...

— После первой же подобной выдачи развалится вся бригада. Тут весь секрет заключается в чистоплот-

ности бригадира. У нас есть стабильные наемные бригады, работающие добросовестно на протяжении многих лет, но попадают и хапуги типа Александяна.

Антон поинтересовался, когда и какую сумму получал последний раз в ПМК бригадир Александян. Приглашенная Русаковым кассир — худенькая, похожая на школьницу смуглянка — заявила, что на основании частично закрытого аккордного наряда в прошлую пятницу Александяну было выдано на бригаду пять тысяч рублей. По просьбе Антона она даже вспомнила, что большую часть этой суммы составляли сторублевые купюры, совершенно новенькие. В этот же день, по словам кассира, около трехсот пятидесяти рублей отпускных получил и Головчанский.

— Они вместе получали? — спросил Антон.

Кассир чуть задумалась:

— Нет. Александр Васильевич получил отпускные утром, как только я из банка приехала, а Хачик Александян — вечером, перед самым концом рабочего дня.

Поблагодарив кассира за информацию, Бирюков заканчивал разговор с Русаковым наедине. После, так сказать, деловой части Антон поинтересовался у Глеба Гавриловича поведением Головчанского в быту и семейными отношениями. Русаков ничего определенного об этом не знал.

5. ХАЧИК АЛЕКСАНДЯН НЕРВНИЧАЕТ

Он был из тех темпераментных южных мужчин, которые нередко добиваются успеха в жизни не столько умом, сколько неудержимой энергией и безрассудной смелостью. Густая шапка черных волос. Загоревшее горбоносое лицо. Плечи — косая сажень, талия — словно у гимнаста. Глаза — диковые, со жгучим взглядом из-под густых широких бровей. Голос — резкий, гортанный, но почти без акцента.

По паспорту он значился Хачиком Геворковичем Александяном — тридцати лет от роду, однако выглядел несколько старше своего возраста. Уже с первых минут разговора Антон Бирюков понял, что с таким собеседником надо держаться настороже. Ответив на предварительные вопросы, Александян уставился Бирюкову в глаза и наглово спросил:

— Кушать хочешь, начальник? Настоящий шашлык из молодого барашка, как на Кавказе, организую...

— Спасибо. Оставим кушанье до лучших времен.

— Теперь плохое время, да?..

Разговор состоялся возле строящегося дома, где работала наемная бригада. Антон огляделся. Увидел в стороне, под ветвистой старой березой, два пустых ящика, перевернутых кверху дном, и предложил Александяну сесть. Когда уселись, сказал:

— Время хорошее, но пришел я к вам не ради шашлыков. Давайте разберемся в ваших отношениях с Головчанским. Где и когда встречались с ним последний раз?

— Не помню, — быстро ответил Александян.

— Придется напомнить... — Бирюков сделал паузу. — В пятницу вечером были на даче Головчанского?

— Вся бригада там была.

— Из-за чего поссорились с Александром Васильевичем?

Александян улыбнулся:

— Ссориться с начальством — все равно, что тигра за хвост дергать: и удовольствия мало, и страшно... Мы не ссорились.

— Но встречу эту помните?

— Помню.

— Почему сразу не вспомнили?

— Потому что забыл. — Александян опять уперся взглядом Антону в глаза. — Нет, ну давай шашлычок приготовим! Разве нельзя по-человечески поговорить?

Антон прищурился:

— Вы ведь, по существу, взятку мне предлагаете...

Александян расхохотался:

— Шутки не понимаешь, да?..

— Всякая шутка хороша ко времени и один раз. Сколько денег отдали Головчанскому в пятницу?

На лице Александяна промелькнула сначала растерянность, затем возмущение, но ответил он спокойно, будто речь шла о сущем пустяке:

— Три тысячи... — И, вроде полюбовавшись произведенным эффектом, с усмешкой добавил: — В долг попросил Головчанский, чтобы с девочками отдохнуть на юге.

— Не многовато ли для месячного отдыха?

— По русской пословице... хозяин — барин.

— Вам известно, что этого «барина» уже нет в живых?

— Жалко, конечно, человека.

— А деньги?..

— Чего деньги жалеть... — Александян указательным пальцем постучал себя по лбу. — Будет башка на плечах — будут деньги.

— А за какие «шутки на Кавказе башку отрывают»? — внезапно спросил Бирюков. Заметив в жгучих глазах Александяна мелькнувшее недоумение, быстро продолжил: — Дело, Хачик Геворкович, складывается печально. Головчанский умер, как принято говорить в народе, не своей смертью...

— Я убивал его, да?! — выкрикнул Александян.

— Вы оказались в числе подозреваемых. Если будете отделяваться шутками и вилать в показаниях...

— Ну, пошутил я с Головчанским насчет башки. Понимаешь, да?.. Честно, пошутил... Зачем мне его башка? Я добросовестно зарабатываю свои деньги, вместе с бригадой кручусь белкой в колесе...

— И три тысячи швыряете ни за понюшку табака? Не верю, дорогой товарищ, что можно с такой легкостью разбрасывать заработанное трудом.

Александян промолчал. По его напряженному лицу было заметно, что он ищет убедительный ответ и не может найти.

— Поймите, Хачик Геворкович, стечением обстоятельств вы попали в очень сложную ситуацию, — сделав ударение на слове «очень», снова заговорил Бирюков. — Ведь, если уголовному розыску известно о вашем конфликте с Головчанским, значит, есть свидетели этого конфликта...

— Кто?

— Это не имеет значения.

Александян, заметно нервничая, прикурил дорогую сигарету, раз за разом сделал несколько затяжек. Потом исподлобья посмотрел на Бирюкова и сердито бросил:

— Три тысячи — доля Головчанского. Понимаешь, да?..

— Рассказывайте по порядку.

— Чего рассказывать?.. Договор заключил Головчанский со мной на тридцать тысяч, из них пять запросил себе, на лапу. В пятницу, видишь, какой-то началь-

ник из областного Сельстроя приехал, урезал зарплату до двадцати пяти. Двадцать две тысячи надо выплатить рабочим. Остается всего три. Головчанский за них уцепился. Говорит: «Давай! Не отдашь — вообще рассчитаю по голым расценкам, без всяких премиальных. И ни один прокурор тебе не поможет, потому что прежний договор был завышен, незаконный». Я не баран, понимаю: по одним лишь расценкам, без премиальных, получится не больше восемнадцати тысяч. Еще четыре тысячи теряю... А у меня в бригаде Володя Сафарян и Асатур Хачатрян — каменщики шестого разряда, Миша Элоян — маляр-художник с высшим образованием, Рафик Вартанян — штукатур-плиточник по высшему разряду. Всем надо платить самую высокую тарифную ставку. Не смешная шутка получается: мне — бригадиру — на лимонад не остается. Понимаешь, да?..

— Проще говоря, вы с Головчанским по предварительному сговору украли из кассы ПМК деньги и разделили между собой похищенное...

— Почему украли?! Я законно у кассира по ведомости получил! Головчанский это подстроил! Для меня лучше потерять три тысячи, чем семь.

— Вот такие действия и квалифицируются как хищение, а не взятка.

— Почему не взятка?! Головчанский вымогал у меня деньги! Понимаешь, вымогал!..

— Не надо, Хачик Геворкович, оправдываться. Я не собираюсь читать вам популярную лекцию о разнице между хищением и взяткой. Неужели опыт прошлого вас еще не научил? Вы ведь уже побывали в суде. Каким образом удалось тогда доказать свою невиновность?

Алексанян нервно затянулся сигаретой. Выпустив густое облако дыма, хмыкнул, помолчал:

— Тот начальник ПМК — большой дурак. Шашлык уважал, коньяку море мог выпить — только наливай! За столом болтал о деле, магнитофон слушал. Я беду чуял... Поэтому, когда надо, не ту клавишу магнитофона нажимал. Следовательно магнитофонную запись послушал, судьи послушали. — всем стало понятно, какие условия навязывал мне начальник перед заключением договора.

— Какие же там были условия?

— Он сразу мне заявил: «Хочешь получить выгодную

работу — клади на бочку семь тысяч». Пришлось выложить из собственного кармана...

— Вот видите: там вы рассчитались из собственного кармана, а с Головчанским — из государственного...

— Какая разница?

— Большая. Разговор с Александром Васильевичем тоже на магнитофоне записан?

— Нет... Этот хитрый, собака, был. Один на один беседовал, без магнитофона.

В показаниях Алексаняна имелась доля несомненной истины: три тысячи сторублевыми купюрами перекочевали от Хачика к Головчанскому, конечно же, не без согласия последнего.

Выяснилась и причина, почему Головчанский не уехал в Новосибирск с вечерней электричкой. Оказывается, еще утром в пятницу он предупредил Алексаняна, чтобы тот принес деньги на вокзал. Алексанян обещал это сделать, но, когда узнал от бухгалтера, что прежний договор с ним расторгнут, решил деньги не отдавать и на вокзал не пошел. Видимо, не дождавшись до отправления электропоезда обещанных денег, Головчанский поставил чемодан в камеру хранения и заявился на дачу, чтобы «выяснить отношения» с бригадиром.

— Здесь вы и передали ему три тысячи? — спросил Бирюков Алексаняна.

— Здесь и передал.

— Свидетелей, понятно, не было?

— Головчанский не баран, чтобы при свидетелях такие куски брать.

— Сделку не «обмыли»?

— Предлагал он бутылку «Плиски» открыть. Только зачем мне это надо было, чтобы в лицо ему плюнуть, да?.. Собрал бригаду — ушел с дачи. Больше Головчанского не видел.

— Кстати, сколько бригада заработала на строительстве его дачного дворца?

Алексанян сплюнул:

— Дырку от калача заработали! Обещал полторы тысячи — теперь кушай с маслом то обещание.

Бирюкову оставалось сделать последнее, установить алиби Алексаняна, и он спросил:

— Где, Хачик Геворкович, провели ночь с пятницы на субботу?

— Где хотел, там провел... В гостинице, конечно, ночевал. Там мы живем, понимаешь, да?..

— Понимаю, — сказал Антон и попрощался.

Районная гостиница занимала двухэтажный небольшой особнячок. В пустующем вестибюле за полированным барьерчиком с табличкой «Дежурный администратор» седая старушка скучающе рассматривала иллюстрации в «Огоньке». Она обрадовалась неожиданному собеседнику и, когда Бирюков поинтересовался предыдущим ее дежурством, не задумываясь ответила, что дежурила всю пятницу до девяти часов субботнего утра, поскольку, мол, сегодня понедельник, а дежурят администраторы в гостинице по суткам через двое суток отгульных.

— Строители у вас живут? — спросил Антон.

— Из армянев которые?.. — уточнила старушка. — Это давние наши постояльцы. Считай, третий год с мартовской оттепели до зимних заморозков здесь проживают.

— Ну и как они?

— Смирные, трудовые ребята. Занимают пятиместную комнату, расплачиваются всегда за месяц вперед. Не хулиганят, спиртные напитки не распивают, подружек не приводят. Они зарабатывать в Сибирь приезжают. Чуть свет забрезжит — уходят на стройку, возвращаются потемну. Дармовых денег, сынок, государство платить не станет, а зарабатывают армяне шибко даже хорошо. По четыреста-пятьсот рубликов ежемесячно семьям отправляют, да еще сотни по две на пропитание здесь остается.

— Алексаняна знаете? — опять спросил Антон.

— Фамилии-то у них на один манер, несподручно запоминаются, а по именам да в лицо каждого знаю. Примелькались уже за три года.

— Хачиком его зовут.

— Здоровый молодой мужчина? Знаю Хачика, за старшего у них.

— Не помните, с пятницы на субботу он ночевал в гостинице?

Старушка наморщила узенький лобик и неторопливо принялась перечислять:

— Асатур допоздна беседовал со мной про семейные дела, после спать отправился. Володя ходил в кино, возвратился в гостиницу близко к одиннадцати. Рафик с Мишей, считай, до часу ночи за шахматами сиде-

ли. Хачик в пятницу вечером пришел с работы вместе со всеми, сердитым здорово был... Вскорости принарядился и... Нет, Хачик в гостинице в ту ночь не ночевал. Субботним утром раненько появился, в самый ливень.

«Что и требовалось доказать», — невесело подумал Бирюков, а вслух спросил:

— Где он загулял до утра?

— Такой же вот вопрос ему задала, а Хачик... — Старушка внезапно осеклась: — Ой, чего-то я путаю...

— Что именно?

— Склероз проклятый... Это в другой раз Хачик не ночевал в гостинице, а с пятницы на субботу здесь был, здесь!..

— Вы, пожалуйста, не обманывайте меня, — попросил Бирюков.

— Зачем мне тебя обманывать...

Старушка отвела глаза в сторону и приложила сухонькую ладонь к седому виску, словно хотела стыдливо прикрыться от взгляда Бирюкова. Пришлось Антону проявить дипломатические способности, и он все-таки узнал, что Хачик убедительно просил старушку никому не говорить об его отсутствии в ту ночь, а она вот — по старческой забывчивости — ляпнула правду и теперь опасается, как бы Хачик не сделал ей чего плохого.

— Трезвым пришел? — спросил Антон.

— Хачика, сынок, в жизнь не определишь, когда твезый, когда выпивши. Крепкий мужчина, такой ума не пропьет. — Старушка сокрушенно вздохнула: — Вот мой подвенечный супруг Григорий Ерофеич, земля ему пухом, противоположностью Хачику являлся. Глотнет, бывало, водочки на гривенник, а звону учинит на полный рубль. Ох, любил покуражиться в подпитом виде... Хачик — другая натура. Понятно, вспыльчивости в нем хоть отбавляй, но водочкой с пути его не собьешь...

— Так он и не сказал, где был в ту ночь?

— Нет, не сказал. Я-то, признаться, шибко и не допытывалась. Мужчина молодой — дело ясное...

— О нашем разговоре ему не рассказывайте.

— Упаси господи! Сам гляди, сынок, не проговорись Хачику, что проболталась перед тобой.

Размышляя, Бирюков вышел на тихую улочку. У ларька с вывеской «Прием стеклопосуды» невысокий старичок в железнодорожной фуражке выставял из рюкзака на узкий прилавок перед окном пустые бутыл-

ки. Антон пригляделся и узнал Максима Марковича Пятенкова. Подошел к нему и поздоровался. Пятенков показал на выстроенные рядком по прилавку бутылки:

— Пушнинку для сдачи принес...

Антон улыбнулся:

— Вроде как охотник, добычу сдаете?

— Разбрасывают люди стеклотару где попало, природе загрязняют — спасу нет. А зачем добру пропадать? Приходится и обществу пользу делать, и себе выгоду иметь. Для примера, прошелся сегодня по кооперативной местности — почти на пять рублей стекла набрал. Не каждый охотник при нынешней живности в лесу такую прибыль поймает.

— Что, Максим Маркович, в кооперативе нового?

— Нуль новостей. Люди продолжают точить ляды насчет Сан Силича, да угадать, от чего помер, не могут. Вот на нашей улице — это, значит, на Луговской, где я постоянно проживаю у сына, новость имеется. Иван Стрункин женку свою, Тоську, чуть насмерть не заколол столовой вилкой. Тоська теперь непонятно куда скрылась из дому, а Иван третий день подряд гудит напропалую, судьбу свою за бутылкой оплакивает.

— С чего он так?

— По моим наблюдениям, у Ивана с Тоськой — нашла коса на камень. Тоська — шустрая коза-дереза, а Иван — пентюх пентюхом. Работает проводником рефрижераторов. Так по-нашенски, по-железнодорожному, холодильные вагоны зовутся. И, представляешь, в последнее время завел такую моду: только-только зайвись домой из поездки, чекалдыкнет стакан сивухи и начинает Тоське мозги вправлять. Навроде удовольствие от такого грубого занятия получает. — Максим Маркович быстренько огляделся, словно хотел убедиться, не подслушивает ли кто. — К чему сей разговор веду, товарищ, так это к тому, что Иван Стрункин плакался вчера под пьяную руку мужикам с нашей улицы, будто Сан Силича Головчанского застал в своем собственном доме с блудницей Тоськой в ту самую ночь, когда, по моим подсчетам, Сан Силич помер...

Узнав от Пятенкова, что Тоська работает нормирующей в ПМК Сельстрой, Бирюков уточнил адрес Струнковых и попросил Максима Марковича, если он еще что-то услышит о Головчанском, сразу сообщить в милицию. Пятенков гордо приосанился:

— Немедля сообщу! Я человек наблюдательный.

6. ЗАГАДОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

Прежде чем подняться в свой кабинет на второй этаж, Антон зашел в дежурную часть — никаких сигналов о драке между супругами Стрункиными с улицы Луговской в милицию не поступало. После этого заглянул к старшему инспектору Голубеву и попросил его съездить на Луговскую, обстоятельно переговорить с Иваном Стрункиным.

— Если рассказанное Пятенковым подтвердится, любыми путями найди Тоську и в рамках допустимого выясни у нее подробности.

— Бу сделано, товарищ начальник! — молодецвато отчеканил Голубев. — Знаешь, Игнатьич, когда я разыскивал чемодан Головчанского, дежурный по вокзалу говорил мне, что в пятницу, уже после ухода вечерней электрички, вроде бы видел Александра Васильевича на перроне с какой-то молодой женщиной. Может, как раз это и была Тоська?

— Может быть.

— Имею светлую мысль! Сказать?.. Испугавшись, что Стрункин поднимет шум вплоть до райкома, Александр Васильевич собственноручно решил испить чашу с ядом...

— Давай не будем гадать.

— Ну а если я правым окажусь?..

— Благодарность в письменном виде объявлю, — улыбнулся Бирюков.

— Ловлю на слове! Сам-то что думаешь?

— Думаю не откладывая повидаться с женой Головчанского.

Голубев поморщился:

— Мрачная женщина, скажу тебе.

— Знаешь ее?

— Вчера чемодан опознавала. Как египетская мумия. А еще как-то видел Софью Георгиевну в универмаге. Покупала перстень с бриллиантиками за полторы тысячи, но такая постная физиономия была, вроде как у моей дражайшей супруги, когда я восьмирублевые сережки ей на день рождения подкинул.

Придя наконец в свой кабинет, Бирюков взял телефонный справочник. Нашел номер контрольно-семенной станции, где работала жена Головчанского, и позвонил. Ответила заведующая. Она сказала, что в связи с ост-

рым сердечным приступом после известия о смерти мужа Софья Георгиевна на работу не вышла и, вероятно, находится дома. Без того неважное настроение Бирюкова стало еще хуже — предстоящий разговор с больной женщиной ничего хорошего не сулил.

Головчанские жили в двухэтажном коттедже недалеко от железнодорожного вокзала. Наряду со строительством многоквартирных домов такие коттеджи в последнее время с чьей-то легкой руки стали расти в райцентре как грибы после теплого дождя, и селились в них большей частью руководители предприятий, финансировавших строительство.

Дверь открыл худенький загоревший мальчик в новой школьной форме. Поздоровавшись, он пристально оглядел милицейскую одежду Бирюкова, обернулся в коридор и по-взрослому громко сказал:

— Мама! К нам пришел товарищ из милиции. — После этого предложил Антону: — Проходите наверх. Мама там.

Из коридора на второй этаж вела устеленная ковровой дорожкой лестница с красивыми, отделанными под дуб перилами. На лестнице стояла Софья Георгиевна Головчанская. Ее нарядный желтый халат без пояса походил на парчовую ризу, украшенную замысловатой вышивкой, а продолговатое аскетическое лицо со скорбным взглядом было точь-в-точь как у монахини.

В просторной, обставленной импортной мебелью комнате Головчанская предложила Бирюкову сесть в кресло у низкого столика, заложеного журналами мод. Затем села сама с противоположной стороны. Дрогнувшим голосом проговорила:

— Можете рассказывать всю правду, какой бы горькой она ни оказалась. Я не настолько больная, чтобы избегать откровенного разговора.

Антон снял фуражку и положил ее к себе на колени.

— Признаться, рассчитываю на вашу откровенность, чтобы выяснить обстоятельства смерти Александра Васильевича.

Смуглое сухощавое лицо Головчанской болезненно покривилось:

— Утаивать мне совершенно нечего. Не могу понять, что за загадка случилась. В субботу Олег Туманов рассказал по телефону о смерти Саши, а в воскресенье утром принесли телеграмму... — Софья Георгиевна выдвинула из-под журнального столика небольшой ящик и

подала Бирюкову телеграфный бланк. — Это же телеграмма... с того света. Мистика какая-то, честное слово...

Антон прежде всего обратил внимание на телеграфные данные. Телеграмма номер 245 была отправлена из Николаевки Крымской области в субботу, в 18 часов 10 минут по московскому времени. В ней сообщалось: «Долетел благополучно целую Саша».

— Николаевка — это поселок на берегу моря. Кажется, в сорока километрах от Симферополя, как говорил Саша. Там есть пансионат «Солнечный», куда у Саши была путевка, — пояснила Головчанская. — И вот... по совершенно непонятной для меня причине Саша вместо Крыма оказался на даче Туманова...

— Попробуем это выяснить, — предложил Антон. — Что вам известно о Тумановых?

Головчанская опустила глаза, задумалась:

— Олег прекрасный человек. Саша постоянно восторгался им. Говорил, что такого золотого шофера трудно найти. Да и мне самой часто приходилось ездить с Олегом. Иногда даже неловко было обременять его, но Олег ни разу не высказал ни малейшего намека на неудовольствие. Бывало, извинюсь, а он только рукой махнет: «Пустяки!» Жену его, Надю, знаю меньше. Но и она, по-моему, очень милая женщина...

— Мог Александр Васильевич заночевать на даче Тумановых без их разрешения, если дверь домика, скажем, по каким-то причинам оказалась не заперта?

Софья Георгиевна едва заметно пожала худенькими плечами:

— Разумеется... Но зачем это? Проще прийти домой, чем тащиться с вокзала в кооператив.

— Допустим, что Александру Васильевичу идти домой не хотелось...

— Почему?

— Ну, скажем, он поругался с вами перед отъездом. Головчанская кинула на Антона короткий взгляд:

— Мы с Сашей никогда не ругались. И вообще не могу понять... почему Саша в пятницу вечером не уехал в Новосибирск, остался ночевать здесь.

— Сколько он взял с собою денег на дорогу?

— Не знаю. Саша никогда не отчитывался.

— В таком случае, сколько оставил вам?

— Точно не помню... Что-то около трехсот пятидесяти рублей.

— То есть все свои отпускные. На какие же средства он рассчитывал проводить отпуск?

— Не знаю.

— Может, со сберкнижки взял?

— Смешно сказать, но мы с Сашей не пользовались услугами сберкасс. — Софья Георгиевна как-то неестественно улыбнулась и опустила глаза. — Стыдно признаться, большинство вещей нами куплено в кредит и на деньги, занятые у родственников.

Ответ показался Антону неискренним, однако он не подал виду. Какое-то время Софья Георгиевна сидела молча, нахохлившись, словно замерзающая птица. Потом слово за словом разговорилась.

Биографии Софьи Георгиевны и Александра Васильевича оказались схожими. Выросли в крестьянских семьях. Закончили сельские школы, затем — институты. Она училась в сельскохозяйственном со специализацией ученого-агронома, он — в строительном. Правда, Александр Васильевич между школой и институтом отслужил в армии. Познакомились уже после ученья здесь, в райцентре. Быстро поженились. Через год родился сын — Руслан, который нынче начинает первый в своей жизни учебный год.

Упомянув о сыне, Софья Георгиевна достала из прошлого к халату кармана стеклянную пробирочку с нитроглицерином. На ее глазах навернулись слезы, и она дрогнувшей рукой судорожно бросила в рот маленькую белую таблетку.

Антон Бирюков не мог переносить женских слез и сейчас в душе желал одного, чтобы Головчанская не разрыдалась. Мало-помалу Софья Георгиевна пришла в себя. Она даже скривила посиневшие губы в вымученной улыбке, тихо вздохнула:

— Вот, собственно, и вся жизнь кончилась...

Бирюков мимолетно скользнул взглядом по ярким обложкам лежащих на столике журналов. Собираясь с мыслями, сделал затяжную паузу.

— Врачи установили, отчего умер Саша? — вдруг спросила Софья Георгиевна.

Антон раздумывал одно мгновение:

— От гранозана.

— Что?.. Не может быть...

Головчанская, словно удерживая рвущийся наружу крик, зажала ладонью рот. Бирюков посмотрел в ее расширившиеся, как от ужаса, глаза и заговорил:

— Понимаю, вам очень нелегко, но для раскрытия преступления, если оно в действительности имело место, дорог буквально каждый час. Поэтому я и пришел к вам, чтобы...

— Сашу отравили!!! — не дав договорить, истерично выкрикнула Софья Георгиевна.

Снизу по лестнице застучали частые детские шаги. Прибежав в комнату, мальчик испуганно прижался к матери и скороговоркой стал ее успокаивать:

— Мамочка, ну ты чего? Мам, ты ведь утром говорила по телефону, что с таким богатством мы не пропадем. Мамочка, ну ты чего?..

Головчанская ошеломленно уставилась на сына:

— Руслан!.. Во-первых, нехорошо подслушивать разговоры, во-вторых, не вмешивайся, когда говорят старшие! В-третьих, немедленно беги вниз и займись делом!

Насупившись, мальчик послушно вышел из комнаты. Головчанская закрыла лицо ладонями:

— Нелепость! Какая непростительная нелепость...

Бирюков сделал вид, что не придал словам мальчика серьезного значения:

— Не надо, Софья Георгиевна, кричать на ребенка. Дети есть дети...

Головчанская с трудом перевела дыхание:

— Руслан сказал правду... Я на самом деле в его присутствии грубо ответила по телефону одной женщине, которая фальшиво стала сочувствовать по поводу смерти Саши. Но это не означает, что я беспечно думаю о своем будущем... Клянусь, для меня богатство — не смысл жизни.

— Кто та женщина?

— Товаровед из райпо Анна Огнянникова... Притворщица бессовестная. Раньше распускала слухи, будто мы с Сашей живем не по средствам. Теперь же, как лисичка, сочувствие стала высказывать... — Головчанская широким рукавом халата вытерла глаза. — Возможно, вы захотите уточнить у нее содержание того неприятного разговора, поэтому прошу учесть... Огнянникова работала в Сельстрое секретарем-машинисткой. Когда Саша стал там начальником, он уволил ее. С той поры Анна и начала лить на нас всякую грязь.

— Чем секретарь-машинистка не угодила Александру Васильевичу?

— Не знаю. Никогда не совала нос в дела мужа.

— А как вообще Александр Васильевич относился к другим женщинам? Не увлекался ими?

Головчанская отвернулась от Бирюкова:

— Вопрос очень неприятный для меня, но... попробую ответить искренне... Начальник ПМК — это сумасшедшая должность. Саша столько душевных сил и энергии отдавал работе, что трудно представить, чтобы у него оставалось время еще и на увлечение женщинами... — Софья Георгиевна опять достала пробирочку с таблетками нитроглицерина, покрутила ее в тонких маникюренных пальцах и сунула обратно в карман. — Признаюсь, в последние годы мое здоровье стало отвратительным. Саше нелегко было со мною. Ведь есть же пословица: брат любит сестру богатую, а муж жену — здоровую. Как-то вполне серьезно предлагала даже завести ему любовницу. Нельзя, мол, так безжалостно сгорать на работе, надо хоть маленькую отдушину иметь. Саша тогда меня отчитал. Проще говоря, если у мужа и были какие-то увлечения, то мне о них неизвестно...

— Вы сказали, что Александра Васильевича отравили. Кто, по-вашему, мог это сделать?

Головчанская растерянно пожала плечами:

— Не сам же он отравился...

— Враги или завистники у него были? — снова спросил Бирюков.

— Саша умел с людьми ладить... Порою я даже ему выговаривала: «Ради чего ты стараешься всем угодить? Не красное солнышко — всех ведь не обогреешь». Он отшучивался: «Знаешь, как говорят одесситы? Живешь сам — давай жить другим...» Нет, врагов, мне кажется, у Саши не было. А завистники... Конечно, завистников полно... Все, как Огнянникова, почему-то считают, что мы живем не по средствам... Неверно это. Я уже вам говорила, что у нас нет ни копейки сбережений, а долгов — куча. Саша не любил копить деньги.

— Сколько он зарабатывал?

Софья Георгиевна вроде бы растерялась:

— Не знаю...

— Разве вас это не интересовало?

— Как сказать... Саша сам вел дела...

— Перед отпуском Александра Васильевича вы ничего странного в его поведении не замечали?

— Что я могла заметить?.. Перед отпуском он сут-

ками пропадал на стройках. Вдобавок, массу времени отнимало строительство собственной дачи...

— У вас прекрасный коттедж с приусадебным участком. Для чего еще дача понадобилась?

— Саша планировал перебраться в Новосибирск, хотел в областном управлении работать.

— Из Новосибирска сюда далекоовато на дачу ездить.

— Здесь можно было продать, а ближе к Новосибирску купить.

— С таким расчетом и строили?

— Да... — Софья Георгиевна несколько раз глубоко вздохнула. — Простите, мне очень тяжело...

— Может, врача вызвать?

— Врач сегодня был... Обычный стресс, это со временем пройдет...

Бирюков надел фуражку. Провожал его из дому хмурый Руслан. Когда вышли на крыльцо, мальчик недружелюбно попросил:

— Не ходите больше к нам. Не обижайте маму.

— Я хочу вам помочь, — как равному, ответил Антон. — С чего ты взял, что я обидел маму?

— Она при вас плакала. — Мальчик исподлобья уставился на Антона строгими темными глазами. — Не надо нам такой помощи.

Бирюкову вдруг захотелось приласкать этого не по возрасту серьезного, ни в чем не повинного человечка. Однако он всего лишь легонько сжал ладонями худенькие плечи мальчика:

— Не сердись на меня, Руслан. Будь настоящим мужчиной.

7. «ЗАЯВЛЕНИЕ» ИВАНА СТРУНКИНА

Луговская находилась на окраине райцентра, за железнодорожной линией. Короткая улочка, застроенная похожими друг на друга частными домами, зеленела травой. Усадьбу Струнковых Голубев отыскал без чьей-либо подсказки. Новый бревенчатый пятистенок с резными, в петушках наличниками и шиферной крышей, с уличной стороны был огорожен высоким штакетником. В палисаднике, под окнами дома, доцветали махровые маки.

Голубев прошел от калитки по дощатому тротуарчику к веранде, одним махом перешагнул три низких ступеньки и стукнул в дверь. Не дождавшись ответа, постучал сильнее.

— Ну, чего надо?.. — послышался из-за двери недовольный голос. — Хочешь зайти — заходи!

Слава открыл дверь. В небольшой кухне за верандой здоровенный, лет под сорок мужчина, расставив чуть не во весь стол могучие локти, прямо из кастрюли сосредоточенно хлебал щи. Рядом с кастрюлей стояли наполовину опорожненная бутылка водки и пустой граненый стакан. Тут же лежала разломленная пополам буханка хлеба.

— Я из уголовного розыска, — поздоровавшись, сказал Голубев.

Мужчина равнодушно продолжал работать ложкой. Слава повысил голос:

— Мне надо видеть Ивана Стрункина.

Только после этого мужчина нехотя положил ложку на стол. Мутноватые глаза его недобро блеснули:

— Ну, я Иван Стрункин. Забирать явился?..

— Нет, пришел поговорить.

— Бери стул, садись. Водку пить будешь?

— Спасибо, не пью.

— Во чудак ненормальный... Ну и не пей — мне больше достанется.

— По-моему, вам и так уже достаточно.

— Чего?.. Хочешь, по спору еще поллитряк уговорю и тары-бары с тобой буду вести хоть бы хны?.. — Стрункин, набычась, уставился нетрезвыми глазами на Голубева. — Родная жена в душу наплевала. Знаешь, как больно?..

Голубев сел на стул у буфета:

— Представляю. За тем и пришел, чтобы узнать, что у вас с женой произошло.

— Рога, паскудница, мне настроила, а я так ее боднул, что третий день неизвестно, где живет и чем питается.

— Избили?

— Не успел. Драпанула, как тренированная физкультурница. — Стрункин, туго соображая, наморщил лоб. — Небось хочешь объяснение с меня взять за рукоприкладство? Такогого не было. Из амбиции я натрепался мужикам, будто вилкой пырнул Тоську. Открыто сказать, намерение такое имел, но это еще не ос-

нование для привлечения к ответственности... Меня, друг милый, голой рукой не возьмешь! Я законы знаю...

— Хотелось бы уточнить подробности вашей ссоры, — миролюбиво сказал Слава.

— Подробностей я не видал. — Стрункин скрежетнул зубами, зажмурился и стукнул себя кулаком по лбу. — Всю жизнь стараюсь ради семьи, а Тоська с жиру забесилась, с начальником своим любовные шашни завела...

— С Головчанским?

— Ну а с кем больше?! Между прочим, мной уже составлено заявление прокурору. Хочешь, дам почитать?

— Давайте.

Стрункин протянул руку к буфету, выдвинул ящик и достал оттуда ученическую тетрадку. Подавая ее Голубеву, строго предупредил:

— Не вздумай порвать. Второй раз я так складно не напишу.

Слава перевернул тетрадную обложку и стал читать написанное, похоже, нетрезвой рукой:

«Уважаемый товарищ прокурор! Обращается к вам железнодорожный передовик труда Иван Тимофеевич Стрункин. Под такой фамилией и инициалами я числюсь в паспорте. Кто я на самом деле, сказать невозможно, потому что рождение мое состоялось в суровом 1941 году на временно оккупированной территории, вблизи г. Бреста, и родители мои погибли. Подобрали меня неизвестные люди и перекинули через линию фронта в детский дом-интернат. Здесь, в интернате, присвоили мне фамилию «Стрункин» ввиду того, что пальтишко мое было подпоясано струной от гитары. Инициалы же свои я получил от Ивана Тимофеевича — директора интерната. Год рождения определили врачи. Возможно, 1941-й они взяли с потолка, но дело не в этом, а в следующем. Моя жена Таисия Викторовна Стрункина, имея возраст на 7 лет моложе меня и работая нормировщицей в районной ПМК Сельстрой, вступила, так сказать, в незаконную — сами понимаете, в какую, — связь с начальником этой организации гр-ном Головчанским, инициалы которого не хочу писать, так как он их не заслуживает.

Дело было так. Ночью, в прошлую пятницу, точнее, рано утром в субботу, вернувшись домой из очередной служебной поездки, я застал Таисию с хахалем Голов-

чанским, и они долго не открывали мне дверь моего собственного дома. Когда дверь открылась, я увидал следующее: в доме накурено — хоть топор вешай; окно в спальне распахнуто настежь, хотя на улице полоскался проливной дождик; в кухне под столом — пустая бутылка типа «Плиска». Посмотрев такую картину, не надо быть папой римским, чтобы понять, что к чему.

На мое категорическое требование — объяснить возникшее недоразумение — Таисия начала выступать, как дошкольница. Само понятно, такое детское объяснение вполне взрослых поступков вызвало у меня негодование, заметив которое Таисия, во избежание неизбежного конфликта с последующим нанесением телесных повреждений, как была в летнем платье и домашних галошах на босу ногу, пулей вылетела в раскрытое окно и скрылась в неизвестном направлении. Интересно представить: а если бы такая комедия произошла в многоэтажке да еще, примерно, на девятом этаже?.. Дорого обошелся бы Таисии этот полет! Только одни галоши, по всей видимости, сохранили бы свою первоначальную форму.

Теперь, возможно, вас интересует, ради чего я вам пишу? Факт, дескать, состоялся. Ответ — в следующем:

1) прошу обязать милицию срочно найти скрывающуюся от заслуженного возмездия Таисию и, чтобы отбить у нее охотку к любовному озорству, посадить хотя бы на нару суток;

2) в целях профилактики пригласите к себе гр-на Головчанского и познакомьте его с Уголовным кодексом РСФСР. Пусть задумается над той злободневной проблемой, что Таисия не только моя жена, но и его подчиненная. А за принуждение к озорству подчиненной по службе женщины прокурор при желании вполне может припаять любому начальнику статью кодекса, где черным по белому определено лишение свободы на срок до трех лет. Интересно, как Головчанскому понравится такое кино?..

Ответ надеюсь получить от вас в сроки, которые указаны в статье «Работа с письмами трудящихся», напечатанной в журнале «Человек и закон», который я выписываю и прочитываю от корки до корки. Таким образом, кое в каких юридических вопросах кумекаю основательно. А если где-то пишу слова не так, как надо, то это вызвано тем, что свою производственную программу

на трудовой вахте мне приходится выполнять руками, а не головой. К сему Иван Тимофеевич Стрункин».

Едва Слава Голубев дочитал последнюю страницу «заявления», пристально наблюдавший за ним Стрункин спросил:

— Ну как?.. Хлестко написано?

— Да, — согласился Слава. — Одно непонятно: видели вы Головчанского в своем доме или нет?

Стрункин, протянув руку к тетрадке, обиделся:

— Дай сюда. Ни гвоздя ты не понял! Тут же ясно указано: окно в спальне было раскрытое. Задумайся, что из этого факта вытекает?.. Головчанский, опасаясь телесных повреждений, вместо двери выскочил через окно. Это ж козе понятно!

— С таким же успехом через окно могли выскочить Иванов, Сидоров, Петров...

— Примеры из грамматики насчет русских фамилий без тебя знаю, — мрачно отрубил Стрункин. — К моему заявлению, если хочешь знать, преамбула имеется...

Стараясь не задеть самолюбия Ивана Тимофеевича, Голубев принялся выяснять содержание «преамбулы». Стрункин потянулся было к бутылке, однако Слава остановил его — мол, серьезные дела надо решать по-серьезному, без выпивки. Иван Тимофеевич недолго похмурился, заткнул недопитую бутылку корочкой хлеба и, поглядывая на Голубева исподлобья, стал рассказывать.

До нынешнего лета Стрункины жили прекрасно. Растили сына, который после восьмилетки поступил в авиационный техникум, будет самолеты строить. Таисия была мировой хозяйкой, да вот те раз — споткнулась. В августе пришла с празднования Дня строителя навеселе и новенькие сапожки зимние принесла — якобы подарок от ПМК как передовой нормировщице. Стрункин сам в День железнодорожника, за неделю до Дня строителя, получил от своего предприятия именные наручные часы за семьдесят шесть рублей, поэтому в «показаниях» жены ничуть не усомнился. Все бы так и заглохло, если б на днях случайно не разговорился Иван Тимофеевич в бане с одним каменщиком из ПМК, который рассказал, что нынче праздник строителей «скомкали». Денежные премии, правда, выдали на торжественной части собрания, а что касается подарков, то ни одной душе Головчанский ничего не дал. Стрункин, придя домой из бани, сделал вид, будто ни о чем не

знает, и «так это, между прочим», заговорил с женой насчет сапожек. Жена «наострила ушки на макушке», но свои «первоначальные показания» повторила. Самую малость под конец добавила: дескать, Головчанский вручал ей подарок не на торжественной части, а после, так сказать, с глазу на глаз, в своем кабинете.

Лицо Стрункина побагровело:

— Тут я такой разнос Тоське устроил, что она из дому скрылась. У соседей заночевала.

— Разве так можно решать семейные конфликты? — спросил Голубев.

— А почему нельзя?.. — удивился Стрункин. — Мне рога приделывают, а я должен в ладошки хлопать? Одобряю, дескать, гражданочка, ваше недостойное поведение... Это ж самому тупому козлу понятно, за какие успехи начальники дарят своим подчиненным женщинам подарки втайне от других рабочих.

— И все-таки надо было разобраться мирным путем. Встретились бы с Головчанским, поговорили...

— Я так и хотел! Тоська на дыбы поднялась. Дескать, если сунешься к Головчанскому, как баба, разбираться, уйду совсем от тебя. Тут пожар и запылал... — Стрункин протянул руку к бутылке, но, перехватив осуждающий взгляд Голубева, взял со стола кусочек хлеба, понюхал его и положил на место. — Если нараспашку признаться, все бы так и заглохло. Утром мы с Тоськой мирно покалякали, когда она от соседей вернулась. Я строго-настрого заявил: «Увижу с Головчанским — голову сверну!» Ну ей бы понять, что мужик не шутки шутит. Так нет же!.. Полмесяца не прошло — домой хахаля заманила. Это ж обнаглеть надо!

Чем дольше разговаривал Голубев со Стрункиным, тем больше укреплялся в мысли, что «связь» Таисии с Головчанским — всего лишь предположение Ивана Тимофеевича, который упорно не хотел соглашаться ни с какими доводами, будто его жена могла раздобыть себе сапоги честным путем.

— Жалею, вещественные доказательства сгоряча уничтожил! — упрямо сказал Стрункин.

— Какие? — спросил Слава.

Иван Тимофеевич указательным пальцем правой руки загнул на левой руке мизинец:

— Бутылку с этикеткой типа «Плиска», где дорбуфетовский чернильный штамп имелся. Это раз. И чуть не полное блюдо желтых сигаретных чинариков. Это

два... — Стрункин загнул второй палец. — Ты можешь возразить, дескать, подобные доказательства могли находиться в доме раньше. Поясню... Лично я, кроме водки, других напитков не употребляю, а разнообразные бутылки от сырости не заводятся. Второе... Лично я с детства табаком не балуюсь. Тоська с сыном тоже этим не грешат. Откуда сигаретные чинарики взялись?..

— Вам разве не известно, что Головчанский в ночь с пятницы на субботу умер?

— Что-то такое Максим Пятенков заливал. Так он же, бутылочный сборщик, на каждом шагу врет как сивый мерин.

— Это правда, Иван Тимофеевич.

— Да ну?! — Стрункин непонимающе уставился на Голубева. Потом, словно до его сознания дошло наконец что-то страшное, с треском рванул исписанную тетрадку пополам и хрипло проговорил: — Со всей серьезностью заявляю, рукоприкладство к гражданину Головчанскому не применял.

Голубев показал на заткнутую хлебной корочкой бутылку:

— Кончать надо с этим делом.

— Допью остаток проклятой и закаюсь. — Веки Стрункина начали слезливо краснеть. Он как-то вдруг сник и жалобно попросил: — Будь другом, найди Тоську... Пусть возвращается домой. Слово даю, пальцем не трону. Люблю дуру, хоть и виновата она передо мной...

От Стрункина Слава Голубев на попутной машине завернул в ПМК Сельстрой. Нормировщицы находились в подчинении начальника отдела труда и заработной платы. Поэтому Слава прямиком зашел в кабинет Окунева. Тот принял внезапно появившегося сотрудника уголовного розыска настороженно — видимо, все еще переживал утренний крутой разговор со своим областным шефом. Славе показалось, что Иван Иванович трясется над каждым словом, опасаясь сказать малейшую неточность. О Стрункиной Окунев отозвался хорошо и как бы в подтверждение показал приказ по Сельстрою, подписанный размашистым автографом Головчанского:

— Видите, в День строителя Тосе вручили восемьдесят рублей премиальных.

— Подарками на празднике не награждали передовиков? — спросил Слава.

— Нет, решили ограничиться премиями.

— А Тося сказала мужу, что Головчанский лично вручил ей зимние сапоги.

Окунев несколько замялся:

— Беда с этой Тосей... Жаловалась мне, мол, похвасталась ради форса, а муж спустя несколько дней сцену ревности закатил. Я достаточно хорошо знаю Ивана Тимофеевича, работал он у нас в ПМК. Наивный, как ребенок, только в ревности границ не ведает. Конечно, и Тосю в этом плане оправдывать не стану — любит пококетничать. В то же время... приписывать ей Головчанского, как додумался Иван Тимофеевич, смешно.

— Стрункина не рассказывала, где взяла те злосчастные сапоги? — опять спросил Слава.

— У кого-то с рук купила на премиальные деньги. Вот только у кого — не знаю.

— Она сейчас на работе?

— С сегодняшнего дня в очередном отпуске.

Голубев присвистнул:

— Где ж теперь ее искать?

Окунев развел руками и с повышенным интересом стал рассматривать шариковую авторучку. Славе пришлось напомнить начальнику отдела труда и заработной платы, что разыскивает Стрункину вовсе не по личным делам. Лишь после этого Иван Иванович рассказал, что еще на прошлой неделе профсоюзная организация Сельстроя выделила Стрункиной бесплатную путевку на двенадцать дней в местный санаторий-профилакторий, где, возможно, Тося теперь и находится. Выказав такое предположение, Окунев робко обратился к Голубеву:

— Если можно, не говорите об этом Ивану Тимофеевичу, пока он не успокоится... Тося просила. Уверю, они скоро помирятся. Подобные ссоры у них и раньше случались...

Окруженный с трех сторон густым сосновым лесом районный санаторий-профилакторий располагался на высоком берегу реки, почти напротив кооператива «Иня», где так загадочно оборвалась жизнь Головчанского. Белокурую Тосю Стрункину Голубев отыскал в просторном холле, уставленном дорогой мебелью и декоративными цветами. В домашнем ситцевом платье Тося с книгой в руках сидела в мягком кресле и, беззвучно шевеля губами, сосредоточенно читала. По сравнению с мужем она выглядела настолько молодо, что не

хотелось верить, что ее сын уже учится в техникуме. Моложавость Тосе придавали и худенькая фигурка, и миловидное, без единой морщинки, лицо, и короткая стрижка.

Узнав, что имеет дело с инспектором уголовного розыска, Стрункина энергично принялась отрицать все и вся. Из ее торопливого рассказа выходило, что глупую историю с сапогами ревнивый до невозможности Иван Тимофеевич сочинил по собственной фантазии, чтобы хоть чем-то досадить ей, а уж насчет связи с Александром Васильевичем Головчанским — это вообще бред сумасшедшего.

Не отступилась она от сказанного даже после того, когда Голубев спросил о бутылке из-под «Плиски» и окурках. Не моргнув глазом, Тося ответила, что «вещественные доказательства», как их называл Стрункин, оставил в доме какой-то железнодорожник, который заходил в пятницу еще засветло. Говорил, вроде работает вместе с Иваном Тимофеевичем, а скорее всего просто негде мужику было выпить, вот и зашел в первый попавшийся дом. Ни имени, ни характерных примет «железнодорожника» не запомнила.

Наблюдая за тревожными Тосиными глазами и нервно перебирающими книжные страницы пальцами, Слава пришел к выводу, что Тося сочиняет небылицу. Из разговора с нею Голубеву удалось узнать, пожалуй, только один ценный факт. В пятницу вечером, уже после отправления новосибирской электрички, Тося «случайно» встретила Головчанского на перроне вокзала. Александр Васильевич был сильно расстроен и сказал, что забыл дома деньги. Поэтому пришлось отложить поездку до завтрашнего утра. Намеревался ли Головчанский зайти в кооператив «Иня», Стрункина не знала или не захотела Славе сказать.

8. РАЗНЫЕ ВЕРСИИ

Похороны Головчанского состоялись во вторник. Бiryков на них не пошел. Еще вчера, после разговора с Софьей Георгиевной, Антон сделал запрос в Управление внутренних дел Крымской области о загадочной телеграмме из Николаевки. Настроение было тягостное. Версия никак не выстраивалась до той стадии, когда по-

является хотя бы смутная, но все-таки перспектива приблизиться к разгадке криминальной тайны.

От размышлений оторвал следователь Лимакин:

— Вот что, Игнатьевич... Я официально попытался выяснить денежные запасы Головчанского. Представляешь, ни в одной из сберкасс райцентра Александр Васильевич денег не хранил. Тебе не кажется это странным?

— У тебя у самого-то есть сберкнижка? — вместо ответа спросил Бирюков.

— Не сравнивай меня и Головчанского, который за последние три года новейшую «Волгу» приобрел, котедж обставил импортными гарнитурами и персидскими коврами увесил, жене золотых и бриллиантовых украшений накупал да еще дачу вон какую завернул!.. Не мог же он несколько десятков тысяч прятать дома в чулке, правда?..

— Что правда, то правда — для такой суммы безразмерный чулок нужен, — согласился Антон. — Видимо, Александр Васильевич действительно, как рассказывала мне Софья Георгиевна, сразу пускал деньги в оборот. А поскольку все перечисленное тобою приобретено в последнее время, то напрашивается вывод: доходы Головчанского заметно возросли, как только он из кресла главного инженера пересел в кресло начальника Сельстроя.

— Я ведь знал его... Всегда вежливый, спокойный, представительный...

— Вот эти вежливость да представительность зачистую и позволяют казнокрадам охмурять доверчивых людей. Хорошо, Петя, мы жить стали, поэтому не сразу поймешь: честным трудом человек свое благосостояние строит или махинациями обогащается.

— Интересно, кто помешал Александяну забрать из пиджака Головчанского три тысячи?

— Трудно угадать... Мне только кажется, не Александян отравил Александра Васильевича. И вот почему... Хачик Геворкович не тот человек, который может подсыпать яд. Он резок, вспыльчив, нахален. Такие уж если разделяются с обидчиком, то не исподтишка.

— Почему же Хачик скрывает свое отсутствие в гостинице в ту ночь?

— Надо выяснить почему... Кстати, я не исключаю, что Головчанский погиб не из-за денег...

— Будем искать женщину?

— Придется, наверное, поработать и по этой версии. Голубев рассказывал тебе о Тосе Стрункиной?

— Рассказывал. Крутит, конечно, чего-то Тосю... Ну а какое впечатление произвела на тебя жена Головчанского?

— Похоже, избалованная... Смерть мужа для нее — трагедия, но завистницам не хочет этого показать, хохорится.

— Любопытно, давно закончила институт и всего-навсего старшей лаборанткой работает. На ее месте, помоему, десятиклассница справится.

— Она из той категории жен, что живут авторитетом руководящих мужей, а не своим собственным.

В кабинет вошел нахмуренный Слава Голубев.

— Что невесел? — спросил Антон.

— Был на похоронах Головчанского. — Слава присел у торца стола. — пышная церемония... Одних венков штук семьдесят. Руководство района присутствовало. Начальник отдела кадров Облсельстроя на черной «Волге» из Новосибирска приехал, с речью на кладбище выступил. Упомянул, что уже готовился приказ о назначении Александра Васильевича начальником одного из ведущих отделов областного управления, но вот, мол, безжалостная смерть вырвала из наших рядов...

— Серьезно? — спросил Бирюков.

— Да.

— Вот это предстоящее назначение, по всей вероятности, и разожгло у Головчанского жажду срочного обогащения. Давайте прикинем... Здесь Александр Васильевич был распорядителем кредитов. Сколько хотел, столько и накручивал по договорам наемным бригадам. Да еще с колхозов-совхозов «премиальные» выжимал. В областном управлении таких возможностей нет. Там твердый оклад. Ну, может быть, какие-то премиальные, если все управление успешно сработает. Так что Головчанский хотел переехать в Новосибирск с гарнитурами, коврами, машиной и дачей.

— Логично, — подтвердил следователь Лимакин.

— Олега Туманова на похоронах видел, — продолжил Слава. — Чего-то неладно с ним... Поговорил бы ты, Игнатъич, с Олегом по душам...

Бирюков сделал пометку в календаре, посмотрел на Голубева:

— Тося Стрункина меня заинтересовала. Был кто-то у нее в ту ночь. И не исключено, что Головчанский...

— Я такого же мнения! — воскликнул Слава.

Антон быстро заполнил повестку и протянул Голубеву:

— Пригласи, пожалуйста, завтра Стрункину ко мне. Туманова сам вызову.

Зазвонил телефон. Секретарь-машинистка из приемной подполковника Гладышева сказала, что в отдел только что поступила телеграмма из Николаевки Крымской области. Антон поднялся, чтобы сходить за ней, но Голубев, узнав, в чем дело, быстро проговорил:

— Сиди, я мигом сбегаю.

Буквально через минуту он вернулся, передал Бирюкову телеграфный бланк и удрученно сказал:

— Ну, братцы, дает прикурить Головчанский. В общем, тайна, покрытая мраком...

Из Николаевки сообщали: «Телеграмма № 245 подписана Головчанским А. В. указанием адреса отправителя — пансионат «Солнечный». Проверкой выявлено: отдыхающий такой фамилией пансионате не появлялся. Интерес представляет, что нашем почтовом отделении второй год употребляются телеграфные бланки белого цвета. Цвет бланка № 245 синий. Это дает основание предполагать: телеграмма отправлена не местным жителем. Оригинал № 245 изъят, отправлен вам авиа. Принимаем меры установлению отправителя. Результат сообщим дополнительно».

— О-о-ох, наемся мы с этим делом, — нараспев протянул Лимакин. — У Головчанского имелся билет до Симферополя на вечерний субботний рейс из Новосибирска. В Николаевку он должен был прибыть по московскому времени в тот же день. Насколько известно, утром в субботу Александр Васильевич был уже мертв, а телеграмма за его подписью из Николаевки все-таки отправлена...

— По всей вероятности, кто-то основательно спутал карты Головчанского, — перечитывая телеграмму, сказал Бирюков.

— А может, преступник или преступница уже в Крыму и пытается сбить нас с толку?

— Сомневаюсь. Это же явно на след выводит. Скорее всего Александр Васильевич имел намерение провести отпуск где-то в другом месте и почему-то хотел то, другое, место скрыть от жены.

— Может, из-за любовницы?

— Возможно.

— Но у него ведь билет был куплен до Симферополя и путевка в пансионат «Солнечный»...

— Это и меня в тупик ставит.

— Знаете, братцы, — заговорил Голубев, — я продолжаю вынашивать версию, что Головчанский сам отравился. Понял человек, что запутался в жизни, и...

Бирюков вздохнул:

— Очень, Слава, хочется, чтобы твоя версия подтвердилась. Сам запутался — сам ответил. Но чувствую, что свалилось на наши головы далеко не ordinарное преступление.

9. ПРОВОКАЦИЯ

День выдался таким теплым и солнечным, что даже не верилось в начало осени. За открытым окном кабинета в могучих старых соснах перекликались пичуги, а в кабинете Антон Бирюков вел трудный разговор с Олегом Тумановым, который с подозрительным упорством продолжал отстаивать честь своего бывшего шефа. От внимания Бирюкова не ускользнуло, что за прошедшие со дня смерти Головчанского четверо суток Туманов сильно изменился. Он, казалось, постарел, ссутулился. Усталые глаза смотрели отрешенно.

Потратив впустую более получаса, Бирюков повернул разговор по-иному:

— Олег, скажи откровенно: почему так упорно выгораживаешь Головчанского?

— Я не выгораживаю. Просто не хочу говорить того, в чем не уверен.

— В чем ты не уверен?

— Во многом.

— Неужели считаешь, что из твоих показаний мы немедленно станем делать выводы?

— Ничего я не считаю...

— Ну а в чем дело? Чего боишься?.. Поверь, я чувствую, что ты не откровенен со мной. Вот уже который раз задаю вопрос: «Что могло привести Головчанского на твою дачу?» Ты повторяешь одно и то же: «Не знаю», а сам глаза в сторону отводишь...

На щеках Туманова заходили желваки. Почти минутой он, похоже, боролся с собой и наконец, набравшись смелости, заговорил:

— Весной нынче, в мае, Александр Васильевич попросил у меня запасной ключ от дачи. На следующий день вернул. Потом опять попросил и... с концом. Сказал, что потерял.

— Жена твоя, кажется, тоже потеряла свой ключ? — уточнил Бирюков.

— Надина потеря нашлась. Карман у плаща оказался дырявым, ключ провалился за подкладку, — тихо ответил Туманов и, вроде бы спохватившись, добавил: — Дача, как говорит Надя, незакрытой оставалась на ночь, так что Александр Васильевич и без ключа мог туда попасть.

— Для чего ему весной ключ понадобился?

— Я не спрашивал.

— Олег, мы не дети. С кем Головчанский встречался на твоей даче?

Туманов посмотрел Бирюкову в глаза:

— Честно, не знаю.

— Согласись, не один же он там проводил время... И не с Софьей Георгиевной...

Туманов молчал.

— Какие отношения были у Головчанского с нормирующей Стрункиной?

— Самые обычные... Тося симпатичная, веселая женщина. Александр Васильевич иногда с нею шутил, но лично я ничего тайного в их отношениях не замечал. Краем уха слышал в ПМК разговор, будто Иван Тимофеевич из-за сапог приревновал Тосю. Так Головчанский к этим сапогам отношения не имеет. Тося при мне купила сапоги у Алексаняна. Не знаю, зачем она представление с ними разыграла.

— Алексанян еще и сапогами торгует?

— Он по нормальной цене продает. Женщины наши осаждают Хачика просьбами. На юге зимние сапоги купить проще, чем в Сибири...

Бирюков чуть задумался:

— Олег, в ПМК работала секретарем-машинисткой... Огнянникова, да?..

Туманов мгновенно изменился в лице:

— Ну, работала...

— За что Головчанский ее уволил?

— Александр Васильевич не увольнял Огнянникову. Он предложил Анне место инспектора отдела кадров. Анна отказалась и написала заявление по собственному желанию.

— Чем это было вызвано?

— Я попросил Александра Васильевича... — На губах Туманова мелькнула виноватая улыбка. — Анна Огнянникова — моя первая жена. Не хотелось постоянно видаться с ней на работе, когда она целыми днями сидела за машинкой в приемной начальника ПМК.

Олег провел ладонью по вспотевшему лбу и, не дожидаясь последующих вопросов, словно хотел отвести разговор от Головчанского, стал рассказывать о своей первой, неудавшейся женитьбе. Было это около семи лет назад. Сошлись они с Огнянниковой, когда ей только-только исполнилось восемнадцать лет, а Туманов уже успел отслужить на флоте. Почти два года прожили мирно, в ладу. Может, и дольше бы жили, если б Анна не отмочила номер. Однажды, в Первомай, когда Олег, работавший в ту пору электриком в ПМК, находился на дежурстве, она «сильно перепила в тесной компашке и на спор устроила стриптиз до купальничка». А кто-то из ребят в это время Анну сфотографировал. После такого «номера» Туманов не стал жить с Огнянниковой ни одного дня, хотя Анна горько раскаивалась. Через полгода Олег женился на Наде.

— Огнянникова не вмешивается в ваши семейные отношения? — спросил Антон.

— Чего ей вмешиваться? Детей у нас не было, алименты платить не надо. Развелись официально, без оскорблений.

— Как ее отчество?

— Леонидовна.

— Лет сколько?

— Теперь уже двадцать шестой год.

— В райпо товароведом работает?

— Ну...

Бирюков посмотрел в печальные глаза Туманова и внезапно спросил:

— Олег, что у тебя на душе? Не скрывай... По глазам вижу, что крепко переживаешь...

Туманов принялся рассматривать аккуратно подстриженные ногти. Через несколько секунд тихо проговорил:

— Меня кто-то провоцирует. На испуг берет, что ли...

— Да? Каким образом?

— Какая-то женщина звонила мне домой и сказала, что якобы Александра Васильевича отравила моя Надя.

— Припомни-ка, Олег, этот разговор...

— Припоминать почти нечего... Вечером зазвонил те-

лефон. Я ответил и слышу: «Олег, тебе известно, что твоя преподобная Надюша отравила Головчанского?» Я растерялся, спросил: «Кто это говорит?» — «Все в райцентре говорят». И трубку сразу положили.

— Голос звонившей не узнал?

— Показалось, будто Софья Георгиевна Головчанская, но, когда одумался, понял, что не она.

— Почему?

— Голос был нетрезвым... А у Софьи Георгиевны, как мне говорил Александр Васильевич, к спиртному аллергия...

— Она не ревновала мужа к твоей жене?

— Не было поводов...

— С женой говорил о звонке?

— Говорил. Ей, оказывается, уже дважды звонила пьяная женщина и даже угрожала, что, если Надя сама не расскажет следователям о преступлении, то это и без того станет известно кому следует...

— Может, Огнянникова решила свести с Надей счеты? Как-никак соперницы...

— Нет, голос Анны я сразу узнал бы. Да и не способна Анна на такое, она незлопамятная.

«Провокация» заинтересовала Бирюкова самым серьезным образом. Он долго беседовал с Тумановым, стараясь нащупать хотя бы тонюсенькую ниточку к разгадке провокационного звонка, но Туманов больше того, что уже сказал, ничего добавить не смог.

— Давай, Олег, договоримся: если еще какие-то провокации будут, немедленно сообщи мне. И пусть Надя, пожалуйста, ко мне зайдет. Договорились?..

Бирюков протянул на прощанье руку. Туманов вяло ответил на рукопожатие, наклонил голову и вышел из кабинета. Вскоре к Бирюкову заглянул Голубев:

— Игнатьич, Тося Стрункина здесь. Приглашать?

— Пригласи.

Голубев широко распахнул дверь. Антон мельком посмотрел на вошедшую Стрункину и не заметил на ее лице ни растерянности, ни испуга, ни настороженности, с которыми — в зависимости от характеров — обычно приходят вызванные повесткой свидетели. Бодренько сказав «здрасьте», Тося села на предложенный Бирюковым стул и как ни в чем не бывало кокетливо улыбнулась:

— Успокоился мой муженек, так что ни в какую прокуратуру подавать заявления не будет.

— Я пригласил вас по другому делу, — сказал Антон.

Тося удивленно моргнула:

— Что такое?

— Нас интересует причина смерти Головчанского...

— А я разве знаю, отчего Александр Васильевич умер? Очень крепкий, жизнерадостный мужчина был и вдруг... Наверное, инфаркт, да?..

— Его отравили.

Стрункина резко, словно ее толкнули в спину, подалась вперед:

— Ой, ужас! Кто?..

— Давайте вместе подумаем. Действительно, кто мог это сделать?

— Провалиться сквозь землю, не знаю! — Тося нервно сцепила тонкие пальчики. — Александр Васильевич настолько прекрасный человек был, что прямо прелесть! На подчиненных никогда голоса не повышал, всегда с улыбочкой. Если что не так, спокойно разберется, объяснит по-умному и шутиливо погрозит: смотри, мол, больше такого, лапушка, не делай. Это у Александра Васильевича любимое словечко было — «лапушка». Короче, от него все сельстроевские женщины без ума были.

— А он от женщин?..

— Ну, как вам это... — Тося смущенно опустила глаза. — С женщинами Александр Васильевич был очень внимателен, вежлив, любил пошутить, новый анекдот рассказать. Ой, сколько он анекдотов знал — нарочно не придумаешь!.. Но не приставал к женщинам, как некоторые наглые мужчины.

— Как, например, Алексанян? — быстро спросил Антон.

Стрункина вроде бы вздрогнула:

— А при чем тут Алексанян?

Бирюков улыбнулся:

— Для примера. Чего вы испугались?

Лицо Тоси зарозовело:

— Ну... Хачик, конечно, нахальный тип, но мы ведь разговариваем о Головчанском. Я понимаю, почему меня в угрозыск вызвали. Мой Иван Тимофеевич от ревности взбесился и всей улице сплетню разнес насчет Александра Васильевича. Не верьте Ивану... Конечно, я немного виновата. В железнодорожный праздник Иван часы в подарок на работе получил, ну а я как раз в День строителя на собственную премию купила сапоги и то-

же решила прихвастнуть, мол, лично начальник ПМК подарил за хорошую работу...

— Сколько заплатили Александяну за сапоги?

Тося растерянно посмотрела на молчаливо сидящего Голубева и опять повернулась к Бирюкову:

— Ой, вы все знаете, да?.. Ни копейки лишней Хачик с меня не взял. Копеечка в копеечку, как на штам-пике, заплатила. Ну а Иван Тимофеевич по ревности из мухи слона раздул.

— Последний ваш семейный конфликт произошел не из-за сапог, — сказал Бирюков. — Кто у вас в доме был в ту ночь?

Стрункина еще раз кинула испуганный взгляд на Голубева:

— Я товарищу рассказывала. Истинная правда, никого не было. Днем заходил какой-то любитель выпить. Сказал, друг Ивана Тимофеевича, но...

— Но это истинная неправда, — перебил Антон. — Хотите, скажу, кто от вас ушел через окно? Сказать?..

— Ой, не надо! Лучше я сама... — Тося принялась разглаживать на коленях платье. — Знаете, в общем, это... Хачик Александян приходил. Уже потемну непрошеным гостеньком заявился. Бутылку коньяка принес, ну и, понятно, давай, мол, сапожки обмоем, чтоб лучше носились. Я говорю: «Убирайся, нахалюга, немедленно!» А он: «Ха-ха! Не уберусь, пока бутылку не разопьем. Темно на улице, дорогу не найду, понимаешь, да?» — «Убирайся! — кричу. — Стрункин утром с работы вернется — тебе фонарей насветит, а мне голову ни за что свернет». Хачик — ноль внимания. Зубы скалит. Тогда я выскочила на веранду и комнатную дверь защелкой — хлоп! Он вроде надавил плечом — не тут-то было. Защелка у нас крепкая. Остался, наглец, в доме. Коньяк весь высосал и табачищем надымил, как паровоз. А я, истинная правда, всю ноченьку, как на иголках, на веранде просидела. Когда Иван утром забарабанил кулачищем по двери, Хачик без подсказки сообразил, что улепетывать через окно надо. — Тося умоляюще посмотрела на Бирюкова. — Не рассказывайте об этом Ивану. Он житья мне не даст, если про Хачика узнает. Это ж не уголовное дело, а семейное. Так ведь?..

— В семейные дела мы не вмешиваемся, — успокоил Антон и повернулся к Голубеву: — Слава, быстренько разыщи Александяна, уточни у него эти показания.

— Ой, да чего уточнять! — воскликнула Струнки-

на. — Если Хачик станет опираться, бесстыжие глаза его выпарапаю!

Когда Голубев вышел из кабинета, Бирюков снова спросил Струнkinу:

— На Головчанского в тот вечер Алексанян не жаловался?

— А чего шабашнику жаловаться, — быстро проговорила Тося. — Александр Васильевич хорошо к нему относился. Бывало, если по нормированию с наемной бригадой какая заминка получится, Головчанский тут как тут: «Не обижай, лапушка, Алексаняна. Хачик наша беда и выручка».

— Почему «беда»?

— Ну это у Александра Васильевича такая поговорка была.

— Вы, нормировщица, знали о том, что наемной бригаде платят по завышенным расценкам?

— Об этом все в ПМК знают, и нормировщики тут ни при чем. Нам как начальство прикажет, так и про-нормируем. А вообще, надо сказать, шабашники строят хорошо. У них днем с огнем на объектах брака не отыщешь, потому что за переделки им ни копейки не оплачивают. Вот и стараются, чтобы сразу все сделать добросовестно да премию за досрочный ввод объекта отхватить.

Постепенно Антон Бирюков перевел беседу к взаимоотношениям Головчанского с подчиненными. Стрункина оказалась из тех женщин, которые «знают» буквально все в обо всем имеют собственное мнение. На вопросы Тося отвечала быстро, почти не задумываясь. Судя по ее бойким ответам, в коллективе ПМК не было ни единого человека, кто хоть раз бы сказал о Головчанском плохое слово. Так же хорошо она охарактеризовала и Олега Туманова, много лет бессменно возившего Александра Васильевича на персональной машине.

— Вот в семейной жизни Олегу капитально не везет, — чуть передохнув, добавила Тося.

— Почему? — спросил Антон.

— Первый раз женился на Аннушке Огнянниковой. Она, конечно, очень красивая, но такая непостоянная, ну прямо ветер в голове. Потом Надю-медику взял. Эта женщина хорошая, но опять же — пятый год ребенка дождаться не могут. Теперь, правда, вроде намечается. Уж хоть бы повезло мужику, страсть сына Олег хочет.

— А как Огнянникова на это смотрит?

— А что ей смотреть? Огнянникова давным-давно про Олега забыла. За ней ухажеры табуном ходят.

— Не обиделась она, что пришлось уйти с должности секретаря-машинистки?

— Ой, да какая Аннушка машинистка! Кое-как двумя пальчиками клопов давила. Она ж продавщица по специальности. Помню, в хозяйственном магазине работала. Накрашенная, как артистка, сидит нога на ногу, только сигареты не хватает. Мне ведро оцинкованное надо было купить. Спрашиваю: «Сколько это ведроко стоит?» Аннушка в ответ, не поверите, скривила губки: «А фиг его знает...»

— Как же теперь товароведом работает?

— За красивую внешность какой-нибудь райповский начальничек пригрел. Красивым женщинам намного легче устроиться в жизни, чем таким, как я.

Бирюков улыбнулся:

— Что уж вы так приbedняетесь?

Тося кокетливо повела глазами:

— Конечно, и на меня некоторые мужчины засматриваются. Только я ведь не Огнянникова, которая первому, кто пальцем поманит, готова на шею броситься.

— Головчанский на вас не засматривался?

— Ой, не надо!.. Александр Васильевич, во-первых, был порядочным человеком, а во-вторых, даже если бы он что-то и поймел в уме насчет меня — ни за какие прелести не согласилась бы! В райцентре такие делишки незамеченными не остаются. Тут каждый друг у друга на виду. Не приведи господи, дошли бы разговорчики до Софьи Георгиевны. Знаете, какая она ревнивица? Ужас!.. Месяц назад мы с Александром Васильевичем в совхоз «Победитель» ездили, на строящийся комплекс. Олег Туманов то ли на рыбалку, то ли еще куда-то отпросился, ну и Александр Васильевич сам был за рулем, то есть вдвоем мы с ним туда и обратно съездили. На следующий день кто-то нашушукал Софье Георгиевне. Она позвонила мне на работу и так отчехвостила, будто я и вправду что-то нехорошее сделала. Иванушке моему вдобавок доложила об этой поездке, поэтому он и взъярился, как бодливый бык.

— Кто из знакомых видел вас вдвоем с Головчанским в машине?

— Мы ни от кого не прятались. Не на любовное ж свидание ездили, а по работе. Я и с мастерами, и с про-

рабами, и с главным инженером часто на объекты езжу — работа такая. И ни у кого из них жены не поднимают тарарам. А тут... С самим начальником ПМК рядом в машине десять километров проехала...

Зазвонил телефон. Подполковник Гладышев попросил Бирюкова срочно зайти к нему. Антон быстро закончил разговор со Стрункиной и предупредил Тосю, что, возможно, ее еще пригласят в уголовный розыск или в прокуратуру. Тося обиженно усмехнулась:

— Хоть сто раз приглашайте, я одно и то же говорить буду. Никаких секретных дел с Головчанским у меня не было.

10. НАМЕЧАЕТСЯ ПОСРЕДНИК

В кабинете начальника райотдела, кроме Гладышева, сидели следователь Лимакин и судмедэксперт Борис Медников.

— Какие новости? — сразу спросил Гладышев Бирюкова.

Антон неторопливо пересказал содержание своей беседы с Олегом Тумановым, затем — с Тосей Стрункиной. Подполковник насупил седые брови:

— Послушай теперь следователя. Петр сегодня громаднейшую работу проделал...

Лимакин машинально поправил лежащий на коленях портфель и стал рассказывать. По плану в этот день он наметил побывать в районных учреждениях, где имеют дело с гранозаном, чтобы выяснить, кто и в каком количестве брал там в последнее время этот сельскохозяйственный яд. Созвонившись с управлением сельского хозяйства, узнал, что в чистом виде гранозан имеется только на складе Райсельхозхимии. На районном элеваторе хранится около двадцати тонн семенной кукурузы, обработанной гранозаном, а в лаборатории контрольно-семенной станции есть небольшие пробные партии протравленных семян для определения их всхожести. И все.

Разумеется, первым делом Лимакин направился в Райсельхозхимию. При проверке там оказалось в наличии полторы тонны гранозана. Упакован он был в стандартные металлические банки с плотными крышками и хранился в закрытом на замок складе с соблю-

дением всех мер предосторожности. Лимакин попросил кладовщика — пожилого степенного мужчину на протезе — открыть одну из банок и увидел серовато-белый порошок, от которого исходил неприятный резкий запах. Закрывая банку, кладовщик объяснил, что в зависимости от наполнителя гранозан, кроме серовато-белого, бывает розового или желтоватого цвета. Затем показал Лимакину приходно-расходные журналы, откуда явствовало, что последний раз гранозан отпускался со склада в июле механизированному отряду Сельхозхимии для обработки семян озимой ржи по договору, заключенному с колхозом «Гранит», а наиболее массовый расход этого ядохимиката наблюдался в марте — апреле, когда обрабатывались семена зерновых перед весенним севом. Частным лицам, по уверению кладовщика, гранозан вообще ни разу не отпускался, поскольку это категорически запрещено.

Еще скупее сведения почерпнул Лимакин на элеваторе. Затаренные в мешки зерна семенной кукурузы здесь хранились, как говорится, под семью замками с соблюдением санитарных требований, и, по словам директора элеватора, «наскрести с них гранозана, чтобы кого-то отравить, просто-таки невозможно».

В контрольно-семенной станции Лимакину показали сшитые из полотна небольшие кулечки, в каждом из которых находилось не более килограмма протравленного зерна. Кулечки были плотно зашиты. На прикрепленных к ним бирках указывались названия хозяйств, откуда семена поступили на проверку. Разговорившись с заведующей станцией о Головчанской, Лимакин узнал довольно любопытное.

— Представляешь, Игнатьевич, — обращаясь к Бирюкову, сказал следователь, — вчера утром Софья Георгиевна приходила на работу оформлять отпуск и во всеуслышание заявила, что Александра Васильевича отравила Надя Туманова.

— Откуда у нее такие сведения? — спросил Бирюков.

— Не говорит.

— Ты встречался с ней?

— Конечно.

— Ну и что?..

— Знаешь, Софья Георгиевна какая-то оглушенная. За неполный час, как я приметил, три таблетки реланиума проглотила. — Лимакин бросил взгляд на суд-

медэксперта. — Мне кажется, Головчанская страх эти-
ми таблетками глушит...

Бирюков повернулся к Медникову:

— Она не отравится от такого «глушения»?

— Прежде чем отравится, уснет, — ответил суд-
медэксперт. — А сон, как известно, лучшее из ле-
карств.

— Да ей и не дадут отравиться, — снова заговорил
Лимакин. — Там полный дом родственников, следят
за каждым шагом. Честно говоря, пожалел, что зашел
туда. Надо бы, как положено, в прокуратуру пригласить,
а я поспешил, поскольку на работе Софьи Геор-
гиевны не было.

— Что она говорит о Наде Тумановой? — снова
спросил Антон.

— Сумбурную околесицу несет. То вроде сон кош-
марный вспоминает, то какой-то роковой телефонный
звонок, который якобы «открыл ей глаза». Любопытно,
на работе обвинила Надю Туманову, а в разговоре
со мною несколько раз повторила, что Тося Струнки-
на — любовница Головчанского. Потом себя стала об-
винять. Дескать, сама разрешила мужу завести любов-
ницу. Словом, мне показалось, что Софья Георгиевна
или невменяема после душевного потрясения, или симу-
лирует невменяемость.

— Назначь психиатрическую экспертизу.

— Говорил с прокурором. Семен Трофимович сове-
тует денек-два подождать. Может, это у нее под впе-
чатлением похорон.

— Как бы она за эти дни дровишек не нало-
мала.

— Родственникам наказал, чтобы не оставляли без
присмотра.

В разговор вмешался Борис Медников:

— С Надей Тумановой дело плохо, товарищи сы-
щики.

Бирюков удивленно обернулся к судмедэксперту:

— Что с ней?

— Обращалась в гинекологическое отделение, что-
бы прервать беременность. С чего бы это?..

— Серьезно?

— Вполне. На дежурство последнее время приходит
сама не своя, какая-то отрешенная. Вчера, кстати ска-
зать, в ординаторской цветок полила вместо воды
спиртом. Колбочка на подоконнике рядом с графином

для питья стояла. Можете себе представить такое? У меня аж сердце кольнуло.

Лимакин чуть улыбнулся:

— Спирту пожалел?

— Спирт — куда ни шло, человека жалко, — хмуро пробурчал Медников. — Пробовал потолковать с Надей откровенно — расплакалась и убежала.

— Не телефонная ли провокация на Тумановых так сильно подействовала?.. — высказал предположение Бирюков. — Когда порядочные люди сталкиваются с подлостью, они переживают очень болезненно.

Судмедэксперт вздохнул:

— Может быть, но... Зачем Тумановой прерывать беременность, если она хотела ребенка?

Подполковник Гладышев указательным пальцем резко потер насупленные брови. Будто сам себе задал вопрос:

— Кто же этот таинственный провокатор?..

— Головчанская, — быстро сказал следователь.

— Тебе-то она что-нибудь определенное сказала о Тумановой?

— Нет.

— Но ведь не с бухты-баракты выплыло столь серьезное обвинение... У кого какие соображения на этот счет?

Все промолчали.

— Нечего сказать? Что ж, придется подбросить вам дополнительные факты для размышлений... — Подполковник вынул из стола небольшой пакет с красной наклейкой «Авиа» и передал его Бирюкову. — Вот прислали из Николаевки подлинник телеграммы номер 245, которую умудрился, не выезжая из Сибири, отправить своей жене Александр Васильевич Головчанский.

Бирюков вытащил из пакета протокол выемки документов и два бланка телеграмм Министерства связи. Один из бланков, белого цвета, был совершенно чистым, другой — синий, заполнен размашистым мужским почерком с росписью Головчанского.

Подполковник быстро подал Антону еще один синий бланк, но незаполненный:

— Вот это из нашего узла связи — сравни...

Оба синих бланка — и заполненный, и чистый — были отпечатаны в Нижнем Тагиле типографией Свердловиздата. По выходным типографским данным они

в точности соответствовали друг другу. На белом бланке, взятом, как сообщалось в сопроводительном письме, для сравнения из Николаевского отделения связи, были оттиснуты выходные данные Медынской типографии.

Подождав, пока Бирюков и Лимакин поочередно ознакомились с документами, Гладышев спросил:

— Как вам этот фокус нравится?

— Не оригинальный, — ответил Бирюков. — Головчанский заранее планировал появиться в пансионе позднее срока, указанного в путевке, и, чтобы не вызвать у жены подозрений, через посредника опередил события.

— Кто этот посредник?

— Вероятно, кто-то с юга... Если рассуждать логически, то Александр Васильевич отправил написанную телеграмму в Николаевку почтой, обговорив с посредником в письме или по телефону число и время, когда ее следует передать на телеграф.

— Допустим. Однако письмо с телеграммой он должен был отправить не позже как за неделю, а отъезд из райцентра у него сорвался в самый последний момент, когда Хачик не принес на вокзал деньги. Возникает вопрос: что замышлял Головчанский? И почему у него в кармане оказался авиабилет, по которому он должен был прилететь в Симферополь и приехать из аэропорта в Николаевку именно в тот день и в то время, когда подана оттуда телеграмма?..

— Вот это пока загадка, Николай Сергеевич...

Дверь кабинета распахнулась. Появившийся на пороге Голубев громко проговорил:

— Прошу разрешения, товарищ подполковник!

— Не шуми, — ответил Гладышев. — Входи, докладывай.

Голубев тихонько прикрыл за собой дверь, сел рядом с Лимакиным и посмотрел на Антона Бирюкова:

— Алексанян полностью подтвердил показания Стрункиной. До него, кажется, дошло, в какую кашу влип. Поэтому уже не запирается. Дело было так. В пятницу, после конфликта с Головчанским, Хачик от расстройства решил гульнуть. Купил в вокзальном буфете бутылку «Плиски» и отправился к Анне Огнянниковой, с которой третий месяц дружит...

— Огнянникова — товаровед райпо? — уточнил Антон.

— Так точно. Анна Леонидовна. Ее дома не оказалось. Тогда Хачик вспомнил Тосю Стрункину. Та, покупая у него сапоги, «строила глазки». И потопал к ней. Дальше все, как Тося рассказывала...

— О Головчанском Хачик нового не сказал?

— Нажимает на то, что Александр Васильевич самым бессовестным образом вымогал деньги. Ну это понятно: старается групповое хищение по предварительному сговору перевернуть на вымогательство взятки, чтобы из воды сухим выйти. А вот насчет Крыма интересная новость есть. В Николаевке живет отец Хачика, Геворк Тигранович Алексанян. Работает завхозом в пансионате «Солнечный». В августе прошлого года Головчанский целый месяц у него дома отдыхал, а нынче в пансионат собирался.

Бирюков повернулся к подполковнику:

— Вот он, посредник!

Гладышев сразу повеселел:

— Да, вроде намечается... Надо немедленно послать телеграмму в Николаевский отдел милиции, чтобы побеседовали с Геворком Тиграновичем.

На столе подполковника проурчал телефон. Гладышев ответил и протянул трубку Медникову:

— Тебя, Борис, спрашивают. Из больницы.

Медников разговаривал не дольше минуты. По его отрывочным фразам Бирюков догадался: произошло что-то серьезное. Закончив разговор, судмедэксперт хмуро сообщил:

— «Скорая помощь» доставила в больницу Максима Марковича Пятенкова с острым отравлением.

— Старика, которому Головчанский оставил ключ от своей дачи? — удивился следователь Лимакин.

— Его... Подняли без сознания у ларька, где стеклопосуду принимают.

11. ОПЯТЬ ГРАНОЗАН

Пятенков лежал в одноместной палате. Укрытый до подбородка белой простыней, он походил на худенького подростка, и только морщинистое, небритое лицо выдавало возраст. Глаза старика были закрыты, а дыхание настолько слабое, что Антону Бирюкову, когда

он вместе с судмедэкспертом и следователем зашел в палату, показалось, будто Максим Маркович мертв.

Медников приподнял простыню и обхватил пальцами запястье старика, чтобы нащупать пульс. Старик открыл глаза и заплакал.

— Что с вами?.. — спросил Медников.

— Кажись, отравился, будь оно неладно...

— Чем?

— Коньячку малость глотнул из найденной бутылки.

— Где ее нашли?

— Недалеко от дачного кооператива, у дороги в кустах...

Медников позвал в палату дежурную медсестру. Стал о чем-то с ней шептаться. Медсестра утвердительно кивнула и вышла из палаты. Вернулась она с наполненным шприцем. Сделав Пятенкову укол, сразу ушла. Несколько минут Максим Маркович лежал с закрытыми глазами. Дыхание его стало глубже, небритое лицо порозовело. Он открыл повеселевшие глаза и даже чуть улыбнулся сухими, потрескавшимися губами.

...Прошлую ночь старик ночевал на даче у сына. Днем подрывачил в Ине пескаришек. Нажарил их полную сковородку, плотно пообедал и пошел по кооперативу искать брошенные дачниками пустые бутылки. День выдался «неурожайный» — за полтора часа Пятенков нашел всего полдесятка «пушников». От скуки понес и этот сбор в ларек.

Выйдя из кооператива на проселочную дорогу к райцентру, Максим Маркович свернул в реденький березник — авось запоздалый грибок подвернется — и под кустом увидел иностранную коньячную бутылку с завинчивающейся пробкой. Такие бутылки в ларьке не принимают, но старик поднял ее — сгодится для домашнего обихода. В бутылке на донышке, почти на целый палец, была коричневая жидкость. Подумав, что какой-то богатый отдыхающий не допил коньяк, Максим Маркович отвинтил пробку и двумя глотками, не дыша, приговорил остаток. После этого положил бутылку в рюкзак и зашагал к райцентру.

Стало как будто хорошо — коньячок теплом покатился по жилам, а потом во рту похолодало, вроде бы железа наелся. До ларька дошел без приключений, но пока ждал приемщицу, ушедшую за деньгами, ноги ста-

ли подкашиваться, в животе огнем загло. Максим Маркович зашел за угол ларька и, не будь дураком, сунул в рот два пальца. Когда стошнило, наступило облегчение, но ненадолго.

— Нутром почуял, дело керосиновое... — Пятенков умолк, отдышался и заговорил снова: — Думаю, надо быстрее скрестись до больницы, пока окончательно дуба не дал. Чуток прошелся — совсем ноги отказали, в кювет повело — завалился. Маленочек в пионерском галстуке подсунулся, лопочет: «Помочь вам, дедушка, подняться?» — «Беги, — говорю, — внучек, к докторам. Скажи, что железнодорожный пенсионер Максим Маркович Пятенков погибает, неизвестную отраву по нечаянности заглотнул». Только, значит, малой помчался — у меня мозги отключились...

— Где та бутылка, из которой пили? — спросил Бирюков.

— Дак в рюкзаке должна быть, а где рюкзак — не знаю. Когда медицинская помощь подкатила, я уже в беспамятстве находился.

— Симптомы типичны для отравления гранозаном, — шепнул Бирюкову Медников.

— Где его рюкзак может оказаться? — спросил Антон.

— Сейчас узнаю.

Медников вышел из палаты. Вскоре он вернулся со стареньким рюкзаком. Распутав узел завязки, Бирюков заглянул в мешок. Среди прочих стандартных бутылок выделялась темная бутылка из-под «Плиски» с жирным фиолетовым прямоугольником дорбуфетовского штампа на этикетке. Бирюков осторожно взял бутылку за горлышко и показал ее Пятенкову:

— Эта?..

— Эта, будь она проклята.

Антон отвернул пробку и почувствовал острый неприятный запах. Медников, приняхавшись, сказал:

— Гранозан.

Бирюков сразу завернул пробку, обратился к Пятенкову:

— Как же, Максим Маркович, вы так неосторожно выпили?

Старик всхлипнул:

— Дак вот считай, из-за своей наблюдательности опростоволосился... Аккурат из такой бутылешки меня угощал в пятницу Сан Силич Головчанский у себя

на даче. Приятный коньячок-то был, приглянулся мне. Потому на дармовщинку и позарился...

— Место, где нашли бутылку, помните?

— Помню, я человек наблюдательный... Значит, как от дачи Тумановых на дорогу к райцентру выйдешь, метров через сто, может, поболее... шиповник растет. За тем шиповником и валялась эта поганка... Там еще фарфоровая чашка разбитая валяется...

Через полчаса на проселочной дороге недалеко от кооператива «Иня» остановилась желтая машина милиции. Из нее вышли двое понятых, Антон Бирюков, следователь Лимакин и эксперт-криминалист Семенов. День уже клонился к концу. Над дачными домиками и тихой рекой, подковой огибающей кооперативный участок, синело безоблачное небо. От березок тянулись по траве длинные вечерние тени. Легкий ветерок печально лопотал в начинающих увядать листьях.

Шиповник оказалось найти не так уж сложно. От дачи Туманова до него было около двухсот метров, а от дороги — не больше пяти шагов. Под кустом Антон увидел осколки фарфоровой чайной чашки. Эксперт-криминалист щелкнул фотоаппаратом и стал собирать кусочки фарфора в полиэтиленовый пакет. Пока он выискивал в траве мельчайшие осколочки, Бирюков с Лимакиным внимательно осмотрели куст со всех сторон. В траве белел смятый в комочек небольшой листок подмокшей бумаги. Антон поднял его и осторожно развернул. Это оказался заверенный печатью рецепт на получение в аптеке таблеток реланиума, выписанный на имя Головчанской С. Г. Подошедший к Бирюкову следователь удивленно стал рассматривать находку. Антон подсказал:

— Обрати внимание — выписан в пятницу, то есть в последний день жизни Головчанского.

— Что из этого?

— Софья Георгиевна еще до смерти мужа пользовалась успокаивающими таблетками. Значит, уже тогда у нее шалили нервы.

Следователь задумался:

— Почему рецепт вместо аптеки попал сюда? Не попытка ли навести на ложный след?..

— Все может быть... — Бирюков помолчал. — У меня складывается мнение, будто Пятенков глотнул остатки из той бутылки, из которой отравился Головчанский. Помнишь, дорбуфетовский штамп на этикет-

ке? Если верить Туманову, Александр Васильевич именно в буфете покупал коньяк...

— Алексанян тоже покупал «Плиску» в вокзальном буфете. Нет ли здесь фокуса с подменой бутылок?

— Хачик у Стрункиной выпил купленную бутылку, а вот кто эту сюда бросил — вопрос. Ответим на него — найдем преступника.

— Ты, смотрю, полностью отрицаешь версию Голубева, что Головчанский отравился сам?

— Отрицаю. Кто-то был с Александром Васильевичем на даче Туманова. И этот «кто-то», заметая следы, унес отравленную бутылку с места преступления.

— Разве он дальше унести не мог?

— Думать над этим надо...

— Но рецепт зачем с бутылкой выбрасывать? Неосторожность или умысел? Может, его специально подбросили?

Бирюков показал пальцем на рецептный листок:

— Видишь, подмочен... Ливень был до субботнего утра. После ни дождинки не упало.

— А если Головчанский, допустим, разругался с женой и в пятницу, когда шел с вокзала в кооператив, по злости скомкал рецепт и выбросил?

— Александр Васильевич уезжал в отпуск. Зачем ему было увозить рецепт жены, по которому не получено лекарство? Потом... именно сюда бросили бутылку... Словом, Петя, спираль закручивается...

Следователь досадливо поморщился:

— Будем, Игнатьевич, ее раскручивать. Больше, помоему, здесь искать нечего. Надо писать протокол с по-
нятиями.

12. ЧАС ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ

Новый день принес новые заботы.

Невропатолог, выписавший Софье Георгиевне рецепт на реланиум, более трех лет лечил Головчанскую и относил ее к той категории пациентов, которые не столько болеют на самом деле, сколько внушают себе всевозможные болячки и при малейшем изменении настроения сломя голову бегут к врачу. Он вспомнил, что Головчанская была у него на приеме в прошлую пятницу, очень хвалила реланиум и попросила выписать

ей хотя бы одну упаковку. В понедельник утром она снова пришла и сказала, будто бы потеряла рецепт. Врач позвонил в аптеку. Головчанская действительно не получала там лекарство. Пришлось выписать рецепт заново. При этом врач заметил, что Софья Георгиевна находилась в депрессии, однако о смерти мужа ни словом не обмолвилась, а вот в предыдущие посещения она могла жаловаться по целому часу из-за каждого пу-
стыка.

Когда Антон Бирюков после разговора с невропатологом вернулся в отдел, подполковник Гладышев только-только начал экстренное совещание участковых инспекторов, собранных в оперативном порядке. Загадочная смерть Головчанского и пышно организованные похороны вызвали у жителей райцентра бурные пересуды. Поэтому начальник райотдела решил предупредить участковых, чтобы они тактично пресекали не в меру разбухающие сплетни и в то же время прислушивались, не мелькнет ли где в разговорах ниточка, ведущая к раскрытию преступления.

Извинившись за вынужденное опоздание, Бирюков сел на свое привычное место у стола подполковника. По мере того как инспекторы докладывали обстановку на участках, Антон убеждался в том, что наиболее широко распространился по райцентру слух, будто начальника ПМК Сельстрой отравили Тумановы. В одних разговорах «это сделал Олег из-за ревности», в других — «жена Олега, непонятно из-за чего». Такая обывательская «версия» логически объяснялась: труп Головчанского был обнаружен на даче Тумановых, отсюда и все шишки посыпались на них. Но Бирюкова очень беспокоил вопрос: не распространяет ли подобный слухок кто-то умышленно? Антон дотошно пытался выяснить у инспекторов, из какого источника вытекают суды-пересуды о Тумановых, но участковые только пожимали плечами. Все, с кем доводилось им беседовать, ссылались на то, что якобы слышали об этом или в магазинных очередях, или в райцентровских клубах перед началом киносеансов.

Гладышев еще раз уточнил инспекторам задачу и закончил совещание. Когда участковые вышли, он не-весело сообщил Бирюкову:

— Из управления звонили. Упрекают, что медленно ведем расследование.

— Пусть приедут, подскажут, каким образом уско-

рять, — с обидой ответил Антон. — С чего это вдруг управление стало упрекать нас в медлительности?

— Софья Георгиевна пожаловалась начальнику Облсельстроя, будто милиция и прокуратура бездельничают. Тот начальник обратился к нашему начальнику, ну и генерал, понятно, взял дело под свой контроль...

— Настораживает меня эта жалоба Софьи Георгиевны. Не она ли трезвонит во все колокола о Тумановых?

— Или у самой, как говорится, рыльце в пушку, или подзуживает ее кто-то, не пойму, — сказал Гладышев. — Следователь перед совещанием забегал. Химическая экспертиза показала, что коньяк в бутылке, найденной Пятенковым, отравлен гранозаном с наполнителем розового цвета, а на склад Райсельхозхимии, насколько выяснил Лимакин, уже более года поступает только серовато-белый порошок гранозана.

— Час от часу не легче, — усмехнулся Антон.

— Да... Поехал Петр сейчас в эту «Химию» выяснять, где розовый гранозан можно обнаружить. Голубев тебе помогает?..

— Поручил ему опросить подростков из кооператива. Может, они что-нибудь видели.

— Сам в ближайшее время чем думаешь заняться? Бирюков посмотрел на часы:

— Надя Туманова скоро должна подойти. Попробую обстоятельно с ней поговорить.

— С экспертом-криминалистом сегодня не виделся?

— Нет еще.

— Пусто у него. На бутылке, из которой чуть было не отравился Пятенков, кроме отпечатков пальцев старика, ничего нет. На осколках фарфоровой чашки — тоже. Вероятно, ливень их прополоскал. Единственное, что криминалист, проведя серию экспериментов, предполагает: чашка разбита не о землю, а обо что-то твердое, вроде как о деревянный пол. Хотя под столом на даче Тумановых и обнаружены крошки фарфора, но вполне может статься, что эта чашечка никакого отношения к бутылке не имеет. Просто выбросил кто-то осколки...

— Поблизости от того места, где мы их подобрали, ничего «вроде деревянного пола» нет. Битую же посуду, чтобы выбросить, как правило, далеко не уносят, — задумчиво сказал Антон. — Любопытно, Николай Сер-

геевич, почему Головчанский, выпив отравленный коньяк, скончался, а Пятенков остался жив? «Скорая помощь» его спасла, что ли?

— Разговаривал я об этом с Медниковым. Борис объяснил. Пятенков глотнул отравленного коньяка значительно меньше, чем Головчанский, и быстро сообразил сунуть пальцы в рот. Если бы старик не вызвал искусственно рвоту, завтра бы его уже, возможно, хоронили. Ну а к тому же Головчанскому неоткуда было вызывать «Скорую»...

Надя Туманова постучала в дверь кабинета начальника уголовного розыска точно в назначенное время. Перешагнув порог, она так оробела, что Бирюкову пришлось больше четверти часа вести разговор на отвлеченную тему, чтобы установить хотя бы мало-мальский контакт, при котором допрашиваемые не пытаются в каждом вопросе ведущего дознание разгадать скрытый подвох. Туманова шла на контакт неохотно. Отвечала тихим голосом, рассеянно. Симпатичное лицо ее казалось страшно усталым, а пальцы рук безостановочно, словно пересчитывая, скользили вверх-вниз по черным пуговицам на скромном сереньком жакете. Постепенно нервозность Тумановой как будто поутихла, однако, стоило только Антону заикнуться о Головчанском, Надя побледнела и с непонятным для Антона отчаянием выкрикнула:

— Не отравляла я его! Клянусь чем угодно, не отравляла!

— Разве я сказал, что вы отравительница? — спокойно спросил Бирюков. — Давайте выясним: почему Головчанский оказался у вас на даче и с кем он там ночевал?

Туманова растерянно посмотрела на Бирюкова:

— Я не могу этого сказать... Я не знаю...

— У вас была на даче фарфоровая чайная чашка?

— Кажется, была.

— Почему «кажется»? Была или нет?

— Ну, была.

— Куда она исчезла?

— Не знаю.

— Мы нашли осколки рядом с той бутылкой, из которой отравился Головчанский.

— Не отравляла я его! — опять с отчаянием повто-

рила Туманова и, уткнувшись лицом в ладони, заплакала.

Антон налил в стакан воды, подал Тумановой. Надя судорожно сделала несколько глотков, поставила стакан на стол. Всклипывая, достала из жакетного кармашка аккуратно сложенный платочек и стала вытирать слезы. Что-то подозрительное почувствовал Бирюков в Надином отчаянии. Вспомнился ее обморок. И сразу возник вопрос: «Не от испуга ли она тогда упала, увидев из окна, как мы с Олегом подъехали к дому?»

— Дело очень серьезное, — заговорил Антон. — Списать его в архив нам никто не позволит. Это значит, что так или иначе тайное станет явным. Поэтому, Надя, не скрывайте ничего и не пытайтесь лгать. Это бесполезно. Мы имеем привычку проверять показания, уточнять, анализировать...

Туманова взглянула на Антона и сразу опустила глаза. Чуть помолчав, еле слышно спросила:

— В чем меня обвиняете?

— Обвинять рано, вначале надо разобраться.

— В чем?

— Например, чего вы так сильно испугались, когда в субботу мы с Олегом подъехали к вашему дому?

— Я, по-моему, тогда уже говорила, что упала с табуретки...

— И от падения случился обморок?

— Да.

— Понятно. Но вот в тот раз вы говорили, что потеряли ключ и оставили дачу открытой. После якобы ключ нашелся. Это действительно так?

— Действительно... Карман у плаща прохудился.

— Почему, отправляясь в пятницу на дачу, вы надели плащ? День был прекрасный, теплый... Дождь только в субботу ночью начался, а вы уже с пятницы плащ надели.

Туманова скомкала в руках платочек, рассеянным взглядом уставилась в окно и неуверенно проговорила:

— Я беременна. Меня и в теплую погоду часто морозит.

— Понятно. Но карман плаща на самом деле прохудился?

— Если ключ за подкладку упал, конечно.

— А если мы сейчас это проверим?..

— Зачем?

— Я ведь вам уже сказал, что мы имеем привычку проверять показания.

— Не надо — я не в плаще была на даче, — еле слышно выдавила из себя Туманова и еще тише добавила: — Я не виновата, честное слово, не виновата...

«Неужели на нее так сильно подействовали провокационные звонки?» — подумал Антон и тут же спросил:

— Кто вас пугает по телефону?

— Головчанская.... Софья Георгиевна...

— Что она говорит?

— Что я отравила ее мужа... Мне лучше повеситься.. — Туманова опять уткнулась лицом в ладони и затряслась, словно в лихорадке. Бирюков снова предложил Наде стакан с водой, но она оттолкнула его руку. Вода плеснулась на пол. Вроде испугавшись внезапной резкости, Надя вдруг уставилась на Антона отрешенным взглядом и как будто сама себя спросила: — Разве может женщина отравить отца своего ребенка?..

— Что? — машинально вырвалось у Бирюкова.

— Я от Александра Васильевича беременна. — Лицо Тумановой стало пунцовым. Надя до побеления пальцев сжала платочек и, глядя на Антона умоляющими глазами, заторопилась: — Ради всего святого, помогите мне! Умоляю, помогите!..

«Помешалась она, что ли?» — с внезапной тревогой подумал Антон, но вслух проговорил:

— Не отчаивайтесь, Надя... Давайте разберемся спокойно...

— Вы не поверите мне! А потом, боже мой!.. Будет суд... Такое позорище!.. Клянусь, я виновата в одном: хотела иметь не детдомовского, а своего собственного ребенка. Поймите, своего!.. Это необъяснимо... Нет, вам ни за что меня не понять!..

— Надя, успокойтесь, — перебил Бирюков. — Расскажите все по порядку и подробно. Уверю, что пойму вас.

Туманова закрутила головой:

— Нет, нет!.. Я натворила такое, что вы или прощаете мои оправдания, или немедленно арестуете.

— Арест не шутка. Попробуем без него обойтись. Не паникуйте, рассказывайте только правду.

Туманова вытерла платочком покрасневшие глаза.

— Я всю правду вам расскажу...

Все началось с того, что в последний год Олег на-

стойчиво стал уговаривать Надю усыновить чужого ребенка. Они с Олегом даже съездили в новосибирский Дом малютки, но там, к несчастью, был карантин. О поездке узнал Александр Васильевич Головчанский и однажды, вроде в шутку, посоветовал Наде «обойтись без усыновления», мол, не все мужчины одинаковы. Надя искренне обиделась, однако Головчанский месяц спустя уже без всяких шуток настойчиво стал уговаривать ее «отдохнуть вдвоем на природе хотя бы один вечерок». И тут Наде стукнула в голову шальная мысль: «А что, если?.. Вдруг на самом деле появится ребеночек, да не какой-нибудь там детдомовский от неизвестных, сомнительных родителей, а своя собственная кровиночка. Конечно, Олегу ребенок все равно будет неродным, но ведь Олег-то никогда в жизни об этом не узнает».

...Головчанский сам вел машину. Они уехали от райцентра чуть ли не в Кемеровскую область. Остановились над обрывистым берегом Ини, в густой березовой роще...

Через полтора месяца Туманова почувствовала, что забеременела, и с радостью объявила об этом мужу. Тот сильно удивился, перестал с Надей разговаривать и целую неделю ходил злым. Надя испугалась, что Олег пронюхал о Головчанском. Но через неделю все наладилось. Олег попросил у Нади прощения за то, что так долго «трепал нервы». При этом ласково сказал: «Умница ты, Надюша. Вот и усыновлять не надо, свой теперь будет».

— Почему же Олег целую неделю ходил злым? — поинтересовался Бирюков, когда Туманова, вытирая вновь наворачнувшиеся слезы, умолкла.

— Не знаю, — всхлипнула Надя. — Наверное, вначале не поверил мне и обиделся. Олег вообще-то обидчивый, когда чувствует ложь.

— Последний раз давно виделись с Головчанским?

— Он на моих глазах умер...

Бирюкову стоило больших усилий, чтобы очень спокойно сказать:

— Вот теперь, Надя, если хотите, чтобы я вам помог, не утаивайте ни малейшей мелочи.

— Я и так не утаиваю...

В пятницу, когда Олег уехал на открытие охоты, Туманова пошла на дачу — надо было убрать кое-что из овощей. Сначала занялась помидорами. Потом выдер-

нула из грядки лук, увязала его для хранения на зиму в вязанку. Пока занималась этой работой да переносила овощи в погреб, заметно стемнело.

Предстоящая суббота была свободной от дежурства, и Надя осталась ночевать на даче, чтобы завтра с утра пораньше заняться засолкой помидоров. Поужинав на скорую руку, она уже собралась лечь спать, но тут внезапно появился Головчанский. Был он какой-то нервный, выставил на стол немного початую бутылку коньяка и предложил обмыть отпуск. Туманова пить отказалась, стала выпроваживать Александра Васильевича. Головчанский вначале отшучивался, но, когда понял, что его выставляют за дверь всерьез, зло спросил: «Хочешь, чтобы Олег узнал, чьего дитя будет растить?» — «Александр Васильевич, это ж подлость с вашей стороны!» — возмутилась Надя. «А сделать мужа рогоносцем — благородство?.. — Головчанский отвинтил с бутылки пробку, налил полную чашку коньяка, крупными глотками выпил и с пьяной угрозой сказал: — Решай, лапушка, или последняя ночь со мной, или завтра Олег все будет знать...»

«Последняя» ночь для Нади Тумановой была кошмарной. Головчанский жаловался на жену-мегеру, отнявшую у него все радости жизни, ругал хапугу Хачика Алексаняна за то, что тот перед самым отпуском натворил ему неприятностей по работе, а Надя слушала эти излияния, как в дурном сне. В ее мозгу лихорадочно билась одна и та же мысль: «Надо любыми путями уговорить Олега уехать из райцентра! Немедленно уехать куда угодно».

Вывел Надю из дремы Головчанский. Посмотрев на часы со светящимся циферблатом, Александр Васильевич поднялся и, одеваясь, сказал, что ему надо поспеть на вокзал к семичасовой утренней электричке. Надя спросила, который час. Было без пяти минут шесть. Она тоже оделась и стала ждать, когда наконец Головчанский уйдет. Но Александр Васильевич уходит не торопился. Он вдруг вспомнил, что позабыл вчера выкупить жене лекарство. Достал из кармана висящего на стуле пиджака рецепт и попросил Надю передать его Софье Георгиевне. «Вы с ума сошли, — прошептала Надя. — Мне стыдно вашей жене в глаза смотреть». — «А ты не смотри, лапушка. К тому же, стыд не дым, глаза не ест». Головчанский положил рецепт на кухонный столик, потер ладонями опухшее ли-

цо. Посмотрев на недопитую бутылку, усмехнулся: «Или я вчера был невменяем, или домовая пробку отвинтил». Надя не придавала этим словам значения, хотя точно помнила, что Головчанский вчера завинчивал пробку.

За окном шел дождь. «Как в такую погоду сухим к вокзалу добраться?» — будто сам себя спросил Головчанский. Потом налил чуть не полную чашку коньяка, завинтил бутылку пробкой, залпом выпил и, облокотившись на стол, задумался.

«Уходи, подлец, скорее уходи!» — мысленно умоляла Туманова. Однако Головчанский все сидел и сидел. Минут через десять его вроде бы стало подташнивать, но он, судя по лицу, мучительным усилием сдержал рвоту. Резко поднявшись, качнулся. Недолго постоял. Пошел было из кухни в комнату за пиджаком и вдруг повалился на стену. Прижавшись к стене плечом, уставился на Надю мутными расширенными глазами. Тяжело дыша, проговорил заплетающимся языком: «Лапушка... ты чего в бутылку... подсыпала?»... Это были последние слова Головчанского. Будто парализованный, он вроде бы хотел добраться до кровати, но едва только отшатнулся от стены — ничком рухнул на пол...

Дальнейшее Надя Туманова помнила смутно... Она долго искала ключ от двери, а тот, как обычно, оказался на гвоздике, вбитом в дверной косяк. Первое желание — вызвать «Скорую»! — сменилось мыслью: «А чем объяснить, что Головчанский оказался на даче?!» Она сунула бутылку в хозяйственную сумку. Скомкала и бросила туда рецепт. Схватила чашку, но та выскользнула из рук, упала и разбилась. Надя собрала осколки фарфора в сумку и, не закрыв дверь на замок, бросилась к райцентру.

Дождь лил как из ведра. В кооперативе не было видно ни души. Выбежав на проселочную дорогу, Туманова заметила густой куст шиповника и вытряхнула за ним содержимое сумки...

— Больше ничего не знаю, — тихо закончила Надя. — Когда в субботу вы с Олегом вышли из машины, у меня сердце чуть не остановилось. Решила — конец, арестовывать приехали...

«Вот уж действительно час от часу не легче», — подумал Антон. Надя казалась искренней до предела, но не верилось, что Головчанский, наливая коньяк из одной и той же бутылки, провел ночь без малейших при-

знаков отравления, а утром, опохмелившись, скончался чуть ли не моментально. Бирюков поинтересовался мнением Тумановой, однако та ничего определенного сказать не могла. Дверь дачи всю ночь находилась на замке. Окно в кухне вообще не открывается. Словом, складывалась пресловуто-детективная ситуация.

— Сколько у вас ключей от дачи? — спросил Антон.

— У меня... и у Олега... Был еще запасной, но затерялся, — тихо сказала Туманова.

— Может, Олег его кому-то отдал... Скажем, тот же Головчанский попросил...

— Зачем?

— Чтобы переночевать. Кстати, вы с Александром Васильевичем раньше на даче встречались?

Туманова испуганно расширила глаза:

— Нет, я не сумасшедшая. Честное-пречестное слово, всю правду рассказала. Не верите?

— Верю, но не могу понять: кто и как подменил бутылку?

— Никто ее не подменял. Посудите, если бы кто-то входил в кухню, то следы на полу остались бы... Дождь ведь проливной хлестал...

— Следов, значит, не было?

— Нет, я не заметила. И бутылка вроде та же самая, со штампом на наклейке... Точно на том же месте стояла...

— Но пробку-то с нее кто-то свернул. Хорошо помните, что Головчанский вечером закрывал бутылку?

— Помню... Меня арестуют?

— За что?

— Ну... Головчанский... при мне умер.

— Вы ведь говорите, что в его смерти не виноваты.

— А чем я это докажу?

Бирюков, раздумывая, побарабанил пальцами по столу:

— Доказывать придется нам...

13. СТРУНКИН ВНОСИТ ПОЯСНЕНИЕ

Слава Голубев сидел на краешке подоконника и сосредоточенно слушал Бирюкова, рассказывающего о только что состоявшемся разговоре с Надей Тумановой.

вой. Когда Антон закончил, Слава хлопнул ладонью по колену:

— И ты поверил в такую байку?

— В нашей работе, Славочка, прежде, чем поверить, надо проверить.

— Обязательно проверим! Не Олег ли Туманов на почве ревности свел счеты со своим любимым начальником, а?..

— Еще что-нибудь скажешь?

— Скажу. Надю из числа подозреваемых исключать нельзя. Вот почему... Головчанский был единственным свидетелем ее грехопадения, и она решила его ликвидировать. Только сорвалось у нее что-то. Видимо, рассчитывала, что Александр Васильевич, хлебнув отравы, со всех ног помчится на вокзал и по дороге свихнется, а он раньше богу душу отдал. Ну, как версия, а?

— Жаль, что у нас в отделе нет должности инспектора по версиям, — усмехнулся Антон. — Это было бы твое коронное место — прямо на ходу придумываешь... Ну а у самого-то что нового?

Голубев поскущел:

— Пока ноль без палочки. Всех пацанов из дачных домиков опросил — спали ночью, ничего не видели. Правда, один сказал, будто вечером в пятницу мальчишки с Заводской улицы жгли костер на берегу Ини, за кооперативом. Вроде хотели остаться на ночную рыбалку. Сейчас побегу на Заводскую, там у меня много друзей из подрастающего поколения.

Голубев соскользнул с подоконника и в дверях чуть не столкнулся с заглянувшим в кабинет высоким плечистым мужчиной.

— Иван Тимофеевич! — будто обрадовался Слава. — Здравствуйте!

— Здорово, — как давнему знакомому, ответил мужчина. — Где тут начальник угрозыска?

Голубев указал на Бирюкова:

— Вот этот молодой человек приятной наружности. Ко мне, Иван Тимофеевич, вопросы есть?

— Мне начальника надо.

— Тогда до свидания.

— Будь здоров. — Мужчина спокойно подошел к стулу, уселся и, кинув взгляд на дверь, за которой исчез Голубев, спросил Бирюкова: — Что за мальчуган?

— Старший инспектор по делам несовершеннолетних, — ответил Бирюков.

— Сам-то он совершеннолетний?

— Вполне. Два года на погранзаставе отслужил.

— Вон как... — Мужчина поднес ко рту кулак, кашлянул. — Стрункин моя фамилия. Зовут Иваном Тимофеевичем. Пришел внести пояснение. В общем, с Тоськой мы помирились, а поскольку гражданин Головчанский, как ходят слухи, помер, то у меня теперь к жинке претензий не будет.

— По-моему, и раньше у вас не было серьезных поводов, чтобы скандалы с ней учинять, — сказал Бирюков.

— Возможно, и так, — согласился Стрункин. — Тоська женщина озорная, но не блудливая. Головчанский мне покоя не давал. Это, авторитетно скажу, такой гусь, что и порядочную бабенку шутя мог с панталыку сбить.

— Знали его?

— Еще бы! До Олега Туманова я у Головчанского личным шофером был. Насмотрелся на любовные шашни, хотя он тогда еще главным инженером ПМК работал. А уж как начальником стал — пришлось мне по собственному желанию убираться. Бросил шоферить. На железную дорогу устроился, курсы рефрижераторщиков закончил. Теперь передовиком труда являюсь, а в ПМК до конца жизни баранку крутил бы без всякого почета.

— Может, Иван Тимофеевич, вы ошибались в Головчанском...

— Факты могу привести... Вот, значит, у Головчанского водилась такая порочная манера: как на объект поедет со смазливой сотрудницей, сам за руль садится. Мне, шоферу, вроде любезность делает. Отдохни, дескать, Тимофеич, от баранки. Хочешь — домой прогуляйся, хочешь — в гараже послесарничай, подсоби ребятам.

— С кем же из сотрудниц он ездил?

— А, считай, со всеми, какие лицом получше.

— Ну, Иван Тимофеевич, такого быть не может, — недоверчиво сказал Антон. — Если вы решили сделать пояснение, то говорите конкретно, а не общими фразами.

Стрункин кашлянул в кулак:

— Конкретно, машинистку Анну Огнянникову мно-

го раз возил. Дескать, на объекте чего-то отпечатать срочно требуется. А чего, спрашивается, без машинки Анна отпечатает?.. Не надо быть папой римским, чтобы понять, что к чему. Тут и козе понятно...

— Огнянникова тогда замужем была?

— За Олегом Тумановым. Олег электриком в ПМК работал, а она с Головчанским напропалую «печатала».

— Из-за чего Туманов и Огнянникова развелись?

— Анна нагишом сфотографировалась.

— Серьезно?

— Конкретный факт! Сам у Головчанского карточку видал. Бумаги как-то он из кармана стал вытаскивать, и карточка выпала. Я поднял — цирк! Анна — почти в одних туфельках на босу ногу, как гимнасточка...

— А жена Головчанского о похождениях мужа знала?

— Нет, Софье Георгиевне об этом известно не было. Она постоянно у меня допытывалась, что к чему, но я пояснений не давал. Невелико удовольствие — разлад в семью вносить. — Стрункин уперся широченными ладонями в колени. — Да, если правду сказать, и не нравилось мне ее поведение. Постоянно хворью маялась, а сама возьмет у врачей больничный и мигом Головчанскому звонит. Пришли, дескать, машину. Сразу мне команда поступает. Я подкатываю к дому, Софья Георгиевна выносит сидор с продуктами и — за райцентр, на берег речки, на весь день. Вечером приезжаю — сидорок пустой. Больная, называется! Меня самого как-то радикулит скрутил, так я не то что на речку — жевать не мог...

— Ну а если бы, скажем, Софья Георгиевна узнала об измене мужа?

— Она б ему кислотой глаза выжгла, — не задумываясь, ответил Стрункин.

— Знаете, от чего Головчанский умер?

— Тоська чего-то тарахтела с перепугу, когда ее из санатория в угрозыск выдернули, но я усомнился. Ради этого и пришел сюда. Чего моя супружница тут намолола?

Бирюков улыбнулся:

— Иван Тимофеевич, мы не имеем права разглашать следственные дела.

— Могу дать подписку о неразглашении.

— Ни к чему это. Ничего страшного ваша жена не сказала. Что вы беспокоитесь?

Стрункин смущенно потер колени:

— Особого беспокойства нет, но жинка моя может любого следователя в заблуждение завести. У нее, как это говорится, в голове — ветер, в ногах — дым. Тем более если Тоська находится под подозрением, то, авторитетно скажу, при такой версии неизбежна юридическая ошибка...

— Почему?

— Любовные шашни у Тоськи с Головчанским не состоялись. Если правду сказать, в августе прошлого года она засуетилась насчет поездки к морю. Я было согласился, но ребята из ПМК вовремя подсказали, что Головчанский в это самое время в Крым улетает. Тут я жинке и заявил: «Поезжай хоть к океану со своим начальником, но, когда вернешься, ноги выдерну, а спички вставлю и скажу на суде, что так и было». Она мой намек поняла и весь отпуск в Новосибирске, у родителей, прокантовалась... — Стрункин, склонив к плечу голову, посмотрел на Бирюкова, будто хотел убедиться, правильно ли его поняли, и продолжил: — Теперь другое пояснение внесу. Не для протокольной заковырки, а для понятия правды... Головчанский не мог рискнуть на запрещенные отношения с моей жинкой, потому как знал, что к подобным шуточкам я отношусь серьезно и под горячую руку вполне могу своему дублеру свернуть шею... Думаешь, почему он с Огнянниковой шуры-муры завел, когда Анна еще замужем за Олегом Тумановым находилась?.. Олег — парень тихий, в пузырь никогда не лезет. Вот Головчанский и распоясался.

— Вы только из-за этого не сработались с ним?

— Не только. У гражданина Головчанского были еще и уголовные замашки. Денег постоянно ему не хватало. Это уже другой конкретный факт.

— Расскажите, Иван Тимофеевич, об этом факте подробнее, — попросил Бирюков.

Стрункин кашлянул и с возмущением заговорил:

— Изобретателем, видишь ли, этот гражданин возмнил себя на посту главного инженера. Сообразит шутейную халтурку и — чик-чирик рацпредложение. На всякие новшества дурные ж деньги отпускаются организациям. А по закону главному инженеру за такие штучки-дрючки вознаграждение получать нельзя,

потому как он же, главный, и утверждает новаторство. Тут Головчанский и придумал под моим именем рационализировать. Первый раз всего десятку я получил. Понятно само собой, сразу «изобретателю» отдал. Вдругорядь — полста рубликов, а на третий заход — четыре сотни с лишним!.. Хочешь — верь, хочешь — нет, но у меня штаны затряслись. Я ж постоянно читаю журнал «Человек и закон», а там очень доходчиво разъясняют, какой срок и какого режима можно схлопотать за жульническое посредничество. Отдал гражданину Головчанскому денежки с глазу на глаз и заявление на стол положил. Прошу, дескать, уволить по собственному желанию, пока вместе с вами не влип в уголовщину. Он, понятно, струхнул. Стал половину дохода мне предлагать, только я не поддался на приманку.

— На том и расстались?

— На том. Ушел я из ПМК и не жалею.

— Как же такие дела Головчанскому с рук сходили? Ревизоры разве не проверяли его?

— Ревизоров Головчанский умел встречать. Ревизоры, они ж тоже люди: один коньячок уважает, другой — водочку. Вот кого он боялся как огня, так это начальника отдела труда и зарплаты Облсельстроя Глеба Гаврилыча Русакова. Ух, Глеб Гаврилыч — мужик принципиальный! Бывало, как появится в ПМК... Цирк! Все конторские будто угорелые носиться начинали, а Головчанский сразу уши прижимал. Ну и снимал с него Русаков стружку, аж пыль по сторонам летела. Конкретно говорил: «Саша, руководитель ты проворный, но если приписками да очковтирательством не бросишь заниматься, плохо кончишь!» И что?.. Думаешь, Головчанский после таких слов выводы сделал? Нисколько... Вот тебе факт опять же не для протокола. Тоська по секрету мне рассказывала, что нынче он заключил с шабашкиной бригадой договор на строительство дома, где вместо четырнадцати тысяч по расценкам отвалил шабашникам целых тридцать! При таком раскладе, как говорится, гражданин Головчанский самое малое пять тыщенок в собственный карман приспособил.

— Он и раньше такими делами занимался?

— Так я его в основном знаю, когда он главным инженером работал. При той должности лишь на рационализации да разных мелочевках можно было погреться. А договорами с шабашниками начальник ПМК

занимается. Вот Головчанский, как начальником стал, так и дорвался до богатой кормушки, где тысячами можно хапать. С одной зарплаты на широкую ногу не шагнешь, а блондинки тоже, как ни поверни, на расходы затрат требуют...

— Почему блондинки?

— Головчанский уважал блондинок.

Бирюков задумался:

— Иван Тимофеевич, а «шабашники» не могли свести с Головчанским счеты?

— Запросто могли! В такие бригады отпетый народ собирается. Там один Хачик Алексанян чего стоит...

После ухода Стрункина Антон неожиданно поймал себя на мысли, что из всех женщин, так или иначе причастных к Головчанскому, неопрошенной осталась, пожалуй, одна Анна Леонидовна Огнянникова — бывшая жена Олега Туманова. Бирюков придвинул к себе телефон и набрал номер продторга райпо. С разочарованием узнал, что товаровед Огнянникова с прошлой пятницы находится в очередном отпуске и как будто бы уехала отдыхать в Прибалтику. Положив трубку, Антон машинально перелистал телефонный справочник и в разделе квартирных телефонов в самом начале столбца фамилии, начинающихся с буквы О, нашел номер Огнянниковой А. Л., проживающей по улице Садовой. Без всякой надежды на успех Антон все-таки позвонил по этому номеру. Неожиданно приятный женский голос ему ответил:

— Слушаю.

— Анна Леонидовна?

— Да-а...

— Это начальник уголовного розыска Бирюков говорит. Надо срочно с вами встретиться.

Несколько секунд в трубке царило молчание. Потом вроде с усмешечкой послышалось:

— В милицию идти или сами ко мне придете?

— Лучше сам.

— Приходите...

14. ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

Огнянникова открыла дверь сразу, как только Бирюков надавил на кнопку звонка. Казалось, она с нетерпением ждала его прихода и встретила такой при-

ветливой улыбкой, что Антон невольно улыбнулся в ответ:

— Здравствуйте, Анна Леонидовна.

Тонкие брови Огнянниковой приподнялись, на левой щеке появилась симпатичная ямочка:

— Называйте просто Аней. Мне ведь всего около двадцати пяти. Зачем прежде времени стариться?

— Ну, здравствуйте, Аня, — весело сказал Бирюков. — Чтобы быть на равных, можете называть просто Антоном, поскольку мне всего около тридцати. Кстати, извините за беспокойство.

— Пустяки. Мужчины — не частые гости у меня, поэтому даже приятно. Проходите, пожалуйста, без церемоний.

Бирюков прошел в небольшую комнату с цветным телевизором и распластанной на полу мохнатой медвежьей шкурой. Остальное убранство комнаты составляли: полированный стол, возле него четыре мягких стула, уставленный посудой сервант, диван с ворсистым пледом, ковер в полстены — и все. Антон хотел сесть у стола, но Огнянникова, словно угадав его намерение, показала на диван:

— Садитесь сюда, здесь удобней.

Антон сел. Огнянникова тоже присела на диван поодаль, обхватила сцепленными в пальцах руками оголенные красивые колени и ожидающе посмотрела на Антона. Глаза у нее были удивительно ласковые, с зеленоватыми зрачками, а волнистые каштановые волосы так аккуратно уложены, как будто она только-только пришла из парикмахерской. Отлично сшитое кофейного цвета платье с яркой брошью, скалывающей глубокий вырез на груди, еще больше подчеркивало и без того эффектную фигуру.

«А она ничего...» — подумал Бирюков и сказал:

— Аня, я пришел поговорить о Головчанском.

На лице Огнянниковой появилось недоумение, глаза чуть прищурились:

— В связи с его смертью?

— К сожалению, да.

— Простите, я уже давно у Головчанского не работаю. Что я могу о нем сказать? Странно...

— Каким он был человеком... Какие у него были отношения с коллективом, с женщинами...

Огнянникова задумалась. Словно вспоминая давнее-предавнее, медленно заговорила:

— Человек как человек... Энергичный, пробивной. Для пользы дела мог соврать не моргнув глазом и мигом выкрутиться. Короче говоря, в начальники ПМК Головчанский выбился не в белых перчатках... В коллективе его любили — государственных денег для рабочих он не жалел, ну и себя, разумеется, не обижал в материальных вопросах. Ну а с женщинами... Женщины сами льнут к сильным и красивым мужчинам. Тех, кто угождал ему, Головчанский пригревал, от других — избавлялся.

— Почему вы уволились из ПМК?

— По собственному желанию начальства. — На щеке Огнянниковой от улыбки появилась ямочка и сразу исчезла. — А если серьезно сказать, то Александр Васильевич хотел меня в отдел кадров перевести, но я отказалась.

— Почему?

— А потому, что и в кадрах он не дал бы мне покоя.

— То есть?..

— Извините... — Огнянникова вдруг спохватилась. — С какой стати я должна давать Головчанскому характеристику? У него разве вышестоящего начальства нет? Почему решили с этим вопросом обратиться ко мне?

— Вам известно, где Головчанский умер? — сделав ударение на слове «где», вместо ответа спросил Антон.

— Слышала из сплетен, — тихо сказала Огнянникова и опять слегка улыбнулась. — Если бы стали расспрашивать об Олеге Туманове, я нисколько не удивилась бы. Как-никак женой его была. Но при чем я и Головчанский?

— Вы работали с Александром Васильевичем, знаете Олега. Кстати, какие отношения были между ними в ту пору?

— Хорошие. Олег — безропотный холуй.

«Туманов ушел от тебя, — подумал Антон. — Вот и говорит сейчас оскорбленное самолюбие».

Огнянникова словно угадала его мысли:

— Я не унижаю Олега, но его безмерное угодничество начальству возмущало меня до глубины души. Помню, Головчанский принялся за мной ухаживать, ну прямо в открытую. Пожаловалась Олегу: «Как ты такое переносишь? Заступись за жену». Олег усмехнулся: «Сама не давай поводов для ухаживаний».

— Из-за этого и жизнь с Олегом не сложилась? — будто ничего не зная, спросил Бирюков.

Огнянникова замялась и вдруг вскинула на Бирюкова глаза:

— Догадываюсь, разговор наш будет долгим. Давайте поговорим, не торопясь, за чашкой кофе?..

— Я, Аня, предпочитаю крепкий чай.

— Прекрасно! У меня есть цейлонский...

Вскоре они уже сидели за столом, прихлебывая из красивых фарфоровых чашек заваренный почти до черноты душистый напиток. Бирюков не торопился возобновлять прерванный разговор, зная, что в подобных случаях поспешность может насторожить и замкнуть человека, решившегося на откровенность.

— С Олегом у нас начались неприятности на втором году жизни из-за отсутствия детей, а разошлись мы с ним по моей вине, — наконец заговорила Огнянникова. — Перепила я однажды по молодости и неприличным способом выпортила бутылку шампанского. А один подонок при этом сфотографировал меня, ну... в пикантном купальнике. — Она невесело усмехнулась и, покраснев, опустила глаза. — Я откровенничаю, но не думайте, что мне легко рассказывать о своей глупости. Другому под смертным страхом не призналась бы в этом, но вам ведь нужна чистая правда, так?..

— Так, — подтвердил Антон.

— Рассказать о трагедии Олега Туманова?

— Расскажите.

— Олег физически здоровый мужчина. Служил на флоте, занимался плаванием. Однажды во время какого-то длительного заплыва, видимо, переохладился и подхватил двусторонний эпидимит. Болезнь эта сама по себе излечима, но при затяжном характере приводит к бесплодию. Такая вот беда на Олегову голову свалилась.

Лицо Огнянниковой не то от смущения, не то от крепкого чая порозовело. Глаза заблестели.

— Олег сам об этом рассказывал? — спросил Бирюков.

— Это нам с Олегом объяснил врач, к которому мы ездили в Новосибирск. В том, что у нас не появлялся ребенок, Олег стал упрекать меня. Я испугалась остаться на всю жизнь без детей и настояла, чтобы обоим съездить к врачу. Проверились — и стало ясно. Теперь представляете, какую трагедию пережил Олег, когда узнал, что его жена, теперешняя, вдруг забеременела?..

— Откуда вам известно, что Надя Туманова беременна?

Огнянникова снисходительно улыбулась:

— Разве в райцентре есть секреты?

— И все-таки, кто вам сказал?

— Нормировщица из ПМК Тося Стрункина. Видимо, чтобы подзавести меня, недавно при встрече выда-
ла новость: «Знаешь, Аннушка, Олег-то твой с Надень-
кой скоро собственной лялькой обзаведутся». — «Дай
им бог двойню», — засмеялась я, а про себя сразу по-
думала, что Надя на стороне ляльку словила. Когда же
по райцентру прошел слух, что Александр Васильевич
Головчанский умер на даче Тумановых, мне совсем ста-
ло ясно, кто папочка Надиного ребенка.

— Кто же это? — словно не понял Антон.

— Товарищ Головчанский.

— Вы так уверенно говорите, будто видели Надю
с Головчанским.

Огнянникова вспыхнула:

— Видеть их вместе я, конечно, не видела, но, по-
верьте, все было так, как говорю. Женщины, знаете,
в интимных делах проницательнее мужчин.

— И, по вашему мнению, Олег Туманов догадывал-
ся, что ребенок не его?

— Почему догадывался? Олег прекрасно это знал.
Ну, как, скажите, не знать, если врач прямо ему за-
явил: «Надеяться, молодой человек, не на что. Время
упущено, и никакая медицина вам уже не поможет.
Хотите иметь в семье ребенка — обращайтесь в Дом
малютки».

«Так вот почему Туманов, узнав о беременности же-
ны, целую неделю ходил злым», — подумал Антон и
спросил:

— Как же, в таком случае, Надя решилась?..

— По-моему, она ничего не знала. Олег скрывал
свою беду. Даже когда мы разводились, умолял меня
никому об этом не рассказывать... — Огнянникова, чуть
пригубив чашку с чаем, опустила глаза. — Признать-
ся, иногда на людях я позировала, мол, сама не захо-
тела с Олегом жить, но о его беде слова не сболтнула.
И Олег, к чести его сказать, сплетен обо мне не рас-
пространял. Если в райцентре про меня что-то дурное
и говорилось, так это женщины языки чесали. Они счи-
тают меня красавицей, ну и, вполне понятно, завиду-
ют... А чему, спрашивается, завидовать? Знаете, как

в песне поется: «Не родись красивой, а родись счастливой». Вот счастье-то мне и не светит.

— Да, с такими перелетными птицами, как Хачик Алексанян, семейное счастье построить нелегко, — будто к слову сказал Бирюков.

В глазах Огнянниковой мелькнуло неподдельное изумление:

— Вот действительно, злые языки страшнее пистолета. Уже Алексаняна приптели. Не скрою, нынче весной Хачик привез мне из Еревана сапоги и, как всякий нахал высшей категории, стал требовать за услугу любезности. Зачастил в гости, но каждый раз убирался отсюда несолоно хлебавши...

Антон все больше склонялся к тому, что Огнянникова не такая «отпетая» и легкомысленная женщина, какой ее представили супруги Стрункины. Разумеется, не каждое слово Анны Леонидовны следовало принимать на веру. В оценке фактов она могла допускать субъективность и несколько позировать. Но как бы там ни было, Огнянникова никого не поливала грязью, а спокойно говорила то, что думала, о чем, видимо, уже размышляла заранее. Характерно, что высказанное ею предположение насчет беременности Нади Тумановой соответствовало действительности. Отсюда напрашивался вывод: Анна Леонидовна не лишена наблюдательности и умеет мыслить логически. Стараясь убедиться в ее искренности, Антон спросил:

— Аня, вы кому-нибудь говорили, что Головчанские живут не по средствам?

Огнянникова усмехнулась:

— Меня абсолютно не интересуют чужие средства. Был как-то разговор с Софьей Георгиевной. Она похвасталась, что купили новенькую «Волгу», а я удивилась: «Откуда у вас такие сумасшедшие деньги?»

— В самом деле, откуда?

— Кто их знает. Когда я секретарила в ПМК, Софья Георгиевна не каждый день выдавала Головчанскому на папиросы, а теперь, видите, как роскошно зажили.

— Алексанян о Головчанском не рассказывал?

— Хвастался, что закадычный его друг.

— С женой Головчанский мирно жил?

— Меня это не интересовало. Знаю, что Софья Георгиевна ревнива до упоминания.

— А как человек, что она собой представляет?

— Из тех людей, о которых говорят: «Из грязи да в князи». Выросла в деревне, а делать ничего не умеет. Барыню изображает. Домработница, тетя Дуся, приходит, чтобы в квартире прибрать, белье выстирать и все такое. Олега Туманова в лакея превратила. То Олежек за молоком в магазин едет, то Руслана в садик да из садика везет. Теперь, наверное, в школу возил бы мальчика, если б Головчанский не умер.

Когда Бирюков перевел разговор к супругам Стрункиным, на щеке Огнянниковой появилась улыбчивая ямочка:

— Юморная пара... Тося безобидная болтушка, а Иван Тимофеевич законник. Он, наверное, даже спит в обнимку с журналом «Человек и закон». Простодушен, как не знаю кто.

— Не знаете, из-за чего Стрункин уволился из ПМК?

— Говорил, что надоело в лакеях быть у Головчанского, а на самом деле не знаю, из-за чего. — Огнянникова поскучилась. — Вот этот законник Иван Тимофеевич и развел нас с Тумановым. Сказал Олегу, будто видел у кого-то мою неприличную фотографию. Олег впервые в жизни взбунтовался.

— Он поверил Стрункину на слово?

— Олег доверчивый... К тому же в ПМК все знали, что Стрункин напраслину болтать не станет.

— Как Стрункин к вам относился?

— Плохо... Был уверен, что наши отношения с Головчанским значительно ближе, чем служебные. Только, честно скажу, ошибался Иван Тимофеевич.

Бирюков повертел в руках пустую чашку:

— Аня, кто, по вашему мнению, свел счеты с Головчанским?

Огнянникова шутливо загордилась руками:

— Избавьте, пожалуйста, меня от выводов. Я ведь из сплетен узнала о смерти Головчанского, а сплетни есть сплетни. Знаете, какая неприятность со мной приключилась... В пятницу днем я уехала в Новосибирск. Хотела провести отпуск в Прибалтике. Рейс самолета на Ригу вечерний. В аэропорту Толмачево подошла к кассе за билетом,хватила — кошелька нет. Или обронила нечаянно, или карманники вытащили — не знаю. Триста рублей как не бывало. Что делать?.. При-

шло всю ночь загорать в аэропортовском вокзале, а в субботу вернуться домой. Куда без денег уедешь? Пропал теперь отпуск. — Красивое лицо Огнянниковой стало печальным. Она, словно раздумывая, помолчала. — Интересно, когда я в воскресенье услышала в магазине о смерти Головчанского, пришла домой и позвонила Софье Георгиевне. Хотела выразить соболезнование. Ой, вы бы слышали, как она раскричалась... От стыда сгореть можно. Странная женщина...

15. В ДАЛЕКОЙ НИКОЛАЕВКЕ

Участковый инспектор милиции Сергей Акимович Порохов из всех времен года пуще всего не любил лето. И вовсе не потому, что не переносил крымскую жару, а совсем по другой причине. Как только начинался курортный сезон, в маленькую Николаевку, прилепившуюся на самой кромке Черноморского побережья, устремлялось такое несметное количество «дикарей», что ни в поселке, ни на пляже яблоку упасть было негде.

В противовес своей взрывной фамилии Сергей Акимович был на редкость не взрывным человеком. Перешагнув пятидесятилетие, он так раздался вишрь, что петли форменного пиджака едва-едва застегивались на пуговицы. Ходил медленно, с одышкой. Говорил, не повышая голоса, коротко. Прежде чем взяться за порученное дело, тяжело вздыхал, независимо от того, трудное или пустяковое предстояло сделать, долго раздумывал. Но уж, когда, обдумав задание, Порохов принимался за его выполнение, можно было гарантировать, как шутили в отделе, что «знак качества» обеспечен.

Вот как раз этот участковый без особых затруднений и отыскал на николаевской почте оригинал телеграммы номер 245, отправленной в Новосибирскую область. А через несколько дней Порохов снова был вызван к начальству и, вздохнув, принялся читать служебную телеграмму, подписанную подполковником Гладышевым, с просьбой установить личность завхоза пансионата «Солнечный» Геворка Тиграновича Алексаняна и выяснить его связи с Александром Васильевичем Головчанским, который в августе прошлого года у него

стыдыхал. Порохов дважды перечитал текст, посмотрел на начальника отдела и со вздохом сказал:

— Да знаю я Геворка Тиграновича.

— Ну и как он? — спросил начальник.

— Хороший мужик... Участник войны... Орденоносец...

— Что его может связывать с этим... Головчанским?

— Надо поговорить...

— Только, Акимыч, основательно поговори. Подумай, как лучше сделать, чтобы все тонкости выяснить.

— Подумаю.

Порохов неторопливо положил телеграмму в старенькую трофейную планшетку и вышел из отдела. На улице огляделся, постоял. До пансионата «Солнечный» надо было идти добрых два километра, а дом Геворка Тиграновича находился на самом берегу моря недалеко от поселкового базарчика. Участковый посмотрел на часы — рабочий день кончился. «Ни к чему топать до «Солнечного». Дома поговорю с Алексаняном», — подумал Сергей Акимович и вразвалочку зашагал по поселку.

Небольшой кирпичный домик Алексаняна вместе с летней пристройкой утопал в зелени сада. За низким забором старая черноволосая армянка собирала в плетеную корзину переспевшие сливы. Участковый остановился у калитки. Передохнул и поздоровался:

— Здравствуйте, Сильвия Оганесовна.

Старуха обернулась на голос, близоруко сощурила глаза.

— Сергей Акимович?.. — И обрадовалась: — Заходи, дорогой гость, заходи!

— Хозяин с работы не вернулся? — открывая калитку, спросил Порохов.

— Скоро вернется, скоро! Почему редким гостем стал, Сергей Акимович? Почему не проводишь пожилых людей?

Порохов, стараясь укрыться от солнца, прошел в увитую виноградной лозой беседку, сел в тени. Положил на скамейку рядом с собою форменную фуражку, вытер большущим носовым платком потное лицо и лишь после этого ответил:

— Дела покоя не дают, Сильвия Оганесовна.

Старуха села возле участкового:

— Ох, мужчины, мужчины... Геворк тоже в делах и

в делах. Третий год пенсию получает. Говорю, зачем нам деньги? Сиди дома, работай в саду. Не слушает. В пансионат на работу ходит, нервничает там...

— Приезжих гостей в этом году нет? — задал пробный вопрос участковый.

— Нет, Сергей Акимович, пока нет.

— Скучно вдвоем?

— Скучно! И не вдвоем — одна целыми днями...

— Никто не обещает приехать?

— Прошлогодний гость обещается, но пока нет.

— Это кто?

— Нашего Хачика друг-товарищ из Сибири. Погреться хочет на солнце.

— Хачик опять там?

— Опять там, опять там. Большие деньги зарабатывает. Говорю, зачем тебе деньги? Работай в Николаевке. Не слушает. Каждую весну улетает в Сибирь.

— Гость один обещается?

— Прошлом лето с женщиной приезжал. В этом году не знаю, с кем придет.

— Хороший человек?

— Очень хороший, очень. — Старуха многозначительно подняла указательный палец. — Большой начальник!.. Красивый мужчина, с женщиной ласковый был, нас с Геворком, как родных, уважал.

— Женщина кто, жена?

— Не знаю, Сергей Акимович, не знаю. Если жена, то первый год живут. На втором году мужа так уже не радуются женам, как Саша радовался.

— Сашей его зовут?

— Сашей, Сашей... Александром Васильевичем...

— А женщину?..

— Женщину... Любушкой называл. Красивая молодая женщина, веселая.

— Богато гости жили?

— Богато! В Симферополь, в Ялту, в Евпаторию на такси катались. Рассказывали, в театры там ходили, в дорогих ресторанах кушали. А почему не кушать? У большого начальника — большие деньги...

Хлопнула калитка. В ограду вошел седой, похожий на состарившегося борца мужчина в светлом костюме с тремя рядами орденских колодок на пиджаке. Он подошел к беседке и угрожающе нахмурился:

— Кто моей Сильвии сердце разбивает?.. Ты, участковый? Думаешь, дорогой, если на десять лет моложе

старого Геворка, то Сильвия тебя полюбит?.. — И захотал, протянул участковому крепкую смуглую руку. — Здравствуй, дорогой Сергей Акимович! Почему так долго не приходил проводить стариков? Зазнался?..

— Здравствуй, Геворк Тигранович, — отвечая на рукопожатие, сказал участковый. — Ты все такой же. Годы тебя не старят.

Алексанян сел рядом с Пороховым. Повернулся к жене, подмигнул:

— Надо угощать гостя, а?..

— Надо, надо, — согласилась та и засеменила из беседки к дому.

Участковый вздохнул:

— Как жизнь, Геворк Тигранович?

— Говорят, как зебра, Сергей Акимович, бело-черными полосками. Последний сезон в пансионате дорабатываю. Ухожу на отдых. Устал, понимаешь, заведовать хозяйством. Одно надо, другое надо, третье надо! Бросаю все. За садом начну ухаживать, фрукты на рынок понесу.

— Не усидишь ведь в саду.

— Усижу, дорогой! — Алексанян сверкнул в улыбке белыми зубами. — Говори прямо, Сергей Акимович, по делу пришел или захотелось душевно поговорить со стариками, стакан домашнего вина выпить?

Порохов носовым платком промокнул лоб:

— Мимо проходил... Вижу, Сильвия Оганесовна сливы собирает. Передохнуть присел. О прошлогоднем госте разговорились...

— О госте? О каком госте?

— Об Александре Васильевиче Головчанском.

— Э-э-э! Хороший человек, веселый! Скоро опять придет.

— Слышал, он уже у тебя...

— Где такой слух поймал?

— Да, говорят, телеграмму он из Николаевки жене отбил, что долетел сюда благополучно.

Алексанян поднес к губам палец:

— По секрету: телеграмму я отправил... Понимаешь, Саша меня попросил, письмо прислал. В том письме была вложена готовая телеграмма...

Участковый опять приложил платок ко лбу. Равнодушно сказал:

— Обманиваешь, Геворк Тигранович.

— Сергей Акимович! — воскликнул Алексанян. —

Зачем порядочному человеку обманывать старого друга?.. Я принесу тебе конверт с письмом!

— Неси.

Алексанян поднялся со скамейки, вышел из беседки и скоро вернулся с распечатанным почтовым конвертом. Подавая его участковому, обиженно сказал:

— Читай, если на слово не веришь...

Участковый вздохнул, неторопливо вытащил из конверта небольшой исписанный листок.

«Родной Геворк Тигранович! Путевку в пансионат раздобыл, но приеду на недельку позднее. К этому письму прилагаю написанную телеграмму. Отнеси, пожалуйста, ее в Николаевке на почту вечером 1 сентября, в субботу. Не спутай число и время — вечером! Это надо сделать, чтобы не беспокоились домашние, так как мне обязательно надо на несколько дней вместо Крыма заглянуть в другое место. Будь другом, выполни мою просьбу, не подведи. В долгу не останусь. Приеду опять с Лапушкой. Она тоже низко кланяется вам с Сильвией Оганесовной».

Письмо было подписано размашистым длинным росчерком, начинавшимся буквами «Гол...»

Порохов пристально оглядел листок со всех сторон, словно хотел обнаружить на нем что-то тайное. Посмотрев на Алексаняна, спросил:

— «Лапушка» кто?

— Жена.

— Какая она из себя?

— Приезжала светлая, уехала загоревшая.

— Волосы, глаза какие?

— Красивые волосы, белые. Глаза?.. Глаза, дорогой, не рассмотрел. Вечерами встречались, после работы. Гости, понимаешь, во времянке жили. — Алексанян показал на летнюю пристройку. — Хорошо жили. Саша говорил, что это жена. Зачем мне глаза ее было рассматривать?

— Гусар он, твой гость, — нахмуренно проговорил участковый. — Когда с женами отдыхать едут, домой «успокоительных» телеграмм не отбивают. Как «Лапушку» зовут?

— Лапушкой.

— Нет у русских такого имени. Может, Любушкой?..

Алексанян тряхнул седыми кудрями:

— Лапушкой Саша ее называл, больше никак. А Любушкой моя Сильвия называла...

— Как ты с ним познакомился, Геворк Тигранович?

— Хачик, когда весной улетал в Сибирь, сказал, что его начальник летом приедет. Пожалуйста! Знае́ь армянский обычай — встречай гостя как родного... — Александян придвинулся к участковому, понизил голос: — Плохое случилось, Сергей Акимович? Не скрывай от старого друга.

— Ищут твоего гостя. Пропал он.

— Что ты, дорогой, говори-и-ишь?.. — тревожно округлив глаза, шепотом протянул Александян. — Куда пропал? Когда?..

— В том и вопрос. Хачик давно его знает?

— Три лета у Александра Васильевича работает. Рассказывал, очень хороший начальник, душевный. Ох, Хачик, мудрец Хачик... Думаешь, мой сын с плохим человеком подружился?..

— Человек сам по себе может быть и неплохим — гусарство к добру не приводит.

— Что теперь делать?

— Позовем понятых. — Участковый вложил письмо в конверт. — Оформим вот это протоколом, и я заберу. После официально запишем твои показания.

— От своих слов, Сергей Акимович, не откажусь. Зачем звать понятых? Зачем писать протокол?

— Порядок такой, Геворк Тигранович...

16. НА МЕРТВОЙ ТОЧКЕ

Каждое уголовное дело имеет свои особенности. Вместе с тем в преимущественном большинстве преступлений есть что-то общее, позволяющее работникам следствия оттолкнуться от сходной точки и, сравнивая аналогии, уверенно выходить на след преступника. Смерть Головчанского была затянута такой плотной завесой, что многодневные усилия розыска почти ни к чему не приводили. В том, что это не самоубийство, а именно преступление, Антон Бирюков не сомневался. Сложился у Антона и определенный круг подозреваемых. Однако, как показывали факты, Головчанский настолько запутался в любовных похождениях и служебных махинациях, что трудно было сделать вывод, кому Александр Васильевич насолил больше всего.

Именно об этом и шел в кабинете начальника рай-

отдела разговор между подполковником Гладышевым и Антоном Бирюковым. Наибольшие подозрения падали на Олега и Надю Тумановых, отношения которых с Головчанским переплелись так крепко, что мотивов для сведения счетов у них было предостаточно. Настораживало в такой версии лишь одно: почему Тумановы это сделали на своей даче?..

— Может, как раз в том и заключается их «козырь»? — спросил подполковник.

— Нет, Николай Сергеевич, — ответил Бирюков. — На такую рискованную «игру» могли отважиться авантюристы по складу характера. Ни Олег, ни Надя на авантюристов не похожи. Да и не вижу я, в таком случае, необходимости для Нади признаваться, что отец ожидаемого ею ребенка — Головчанский. Ведь со смертью Александра Васильевича все концы обрубались... Олег, по-моему, тоже не способен на месть.

— А не мог он, допустим, угрозой заставить жену расправиться со своим соперником?..

Бирюков побарабанил пальцами по столу:

— В этом случае вообще нет необходимости для Нади признаваться в проступке. Наоборот, она должна скрывать измену самым тщательным образом.

— Д-да... — Подполковник задумался. — Как, на твой взгляд, Софья Георгиевна Головчанская?

— Женщина нервная и во многом загадочная. Сильно ревновала мужа, но в беседе со мною старалась это скрыть. О Тумановых отзывалась прекрасно, а через несколько дней стала их обвинять...

— Может, кто-то надоумил. Или, скажем, из распланированных по райцентру сплетен услышала...

— Сплетен действительно много, — согласился Антон. — У меня такое впечатление, будто умышленно их раздувают. Порою думаю, не сама ли Софья Георгиевна это делает?..

— В ее оправдание что можешь сказать?

— Потерять мужа для Софьи Георгиевны означало потерять обеспеченную жизнь. Расчет на то, как она заявила по телефону Огнянниковой, что «с таким богатством не пропадет», — штука сомнительная...

— Ревность, знаешь, не считается ни с какими доводами рассудка.

— В состоянии аффекта, Николай Сергеевич, некоторые ревнивые люди способны наделать больших бед. Однако в данном случае не аффектом пахнет.

Здесь, похоже, спланированное преступление, потому и концы к его разгадке так трудно найти.

— Спланировать могли только Тумановы.

Бирюков не успел ответить. Внезапно появившийся возбужденный Слава Голубев прямо от порога выпалил:

— Головчанского отравила женщина!

— Волга впадает в Каспийское море, — улыбнулся Антон.

Подполковник тоже не сдержал улыбки:

— Так и перепугать можно. Докладывай спокойно...

Слава присел на стул. Оказывается, ему удалось отыскать мальчишек с улицы Заводской, которые с пятницы на субботу оставались на ночную рыбалку неподалеку от кооператива «Иня». С вечера они наловили пескарей, поставили удочки-закидушки и разожгли костер. В полночь стал накрапывать дождь, а потом разразился настоящий ливень. Примерно час мальчишки храбро сидели у костра, но когда огонь стал гаснуть от усиливающегося ливня, сообразили, что в дачном кооперативе есть недостроенные домики, где под крышей можно переждать непогоду, и всей гурьбой стриганули наперегонки к кооперативу. Когда они подбегали к даче Тумановых, оттуда крадучись вышла женщина в черном платье или плаще — мальчишки не разглядели. Вроде бы замкнув ключом дверь и обувшись на крыльце, она под проливным дождем побежала к райцентру.

Мальчишки укрылись в недостроенном домике и стали наблюдать за дачей Тумановых. К их удивлению, под утро из дачи выскочила еще одна, вроде как перепуганная, женщина в чем-то белом, с сумкой в правой руке. Она тоже побежала к дороге, ведущей в райцентр. Это не только еще сильнее заинтриговало мальчишек, но и перепугало их. Подростки решили, что надо, пока не поздно, уносить ноги подобру-поздорову.

Подполковник Гладышев повернулся к Бирюкову:

— Женщина в черном, женщина в белом... как у Коллинза. Что скажешь, начальник розыска?

— Что я могу сказать... — Антон недолго помолчал. — Если подростки не сочиняют, то мне теперь понятно, почему в кухне Тумановых не осталось следов. Женщина, выходит, разулась на крыльце...

— С одежды вода могла капать, — возразил подполковник.

— Над крыльцом Тумановых есть надежный карниз, помните?.. Разумеется, прежде, чем открыть дверь и войти в кухню, женщина долго стояла под этим карнизом, прислушиваясь: спят ли находящиеся в даче? Вода за это время обтекла, а если какие-то капли и капнули на пол, то Надя Туманова могла не обратить на них внимания. И еще одна деталь... Туманова говорит, что она дверь дачи ключом не закрывала. Это как будто подтверждают и подростки. Мол, вторая женщина сразу побежала к дороге. А вот первая — вроде бы закрыла. Значит, у нее был ключ...

— Тот, что Олег отдал Головчанскому?

— Возможно, тот.

Подполковник задумался:

— Неужели Софья Георгиевна выудила из кармана Александра Васильевича ключик и выследила своего непутевого супруга... Теперь прикинем другую версию. — Гладышев шелкнул пальцами. — Ответ мне: в черном или в белом была Надя Туманова?

— То есть первой или второй она вышла из дачи?

— Да. Ты, вероятно, сошлешься на то, что Надя очень убедительно рассказала о симптомах отравления Головчанского. Я возражу: будучи медсестрой, она может быть прекрасно осведомлена о том, как действует гранозан. А поскольку знала, какой порошок насыпала в коньяк, то заранее предвидела эти самые симптомы...

— Нет, в защиту Нади я приведу другое, — сказал Антон. — Надя точно указала место, куда бросила коньячную бутылку и осколки разбившейся чашки. Если она ушла с дачи первой, то откуда ей знать, что вторая женщина, ночевавшая с Головчанским, унесла вещественные доказательства?

— Логично. Значит, Софья Георгиевна была в черном?

— Утверждать, что именно Софья Георгиевна, не могу.

Подполковник закрыл глаза, поморщился:

— Опять мы застряли на мертвой точке.

— Может, Тося Стрункина?.. — робко намекнул Голубев.

— Стрункину, по-моему, надо вообще исключить из числа подозреваемых, — сказал Бирюков. — Складывается у меня недоброе предчувствие, что сотворила преступление женщина, которую мы еще не знаем.

— А эта, бывшая машинистка... Огнянникова как? — спросил подполковник.

— Красивая... и... для двадцатипятилетнего возраста очень даже не глупая женщина. Умеет показать себя с выгодной стороны, прекрасно собою владеет. Ни разу не вспылила, не увильнула от ответа, хотя некоторые вопросы были шекотливые...

— Об отношениях с Головчанским что говорит?

— Уверяет, что никаких отношений с Александром Васильевичем не поддерживала. И в это можно поверить. Последнее время к ней зачастил Хачик Алексанян, который понапрасну обувь топтать не станет.

— Не Хачик ли замутил воду? — снова вклинился Голубев. — Сегодня на улице встретились. Остановил меня как задушевный друг. Спрашивает: «Правда, что Александра Васильевича отравила жена Туманова?» — «Кто вам такое сказал?» — «Женщины в ПМК говорят». Ну я, понятно, посоветовал меньше слушать сплетни да готовиться к ответственности за хищение государственных денежных средств...

— Отделу БХСС уже дано задание разобраться с этим хищением самым серьезным образом, чтобы навсегда отучить Алексаняна заниматься подобными делами, — сказал подполковник Гладышев. Он хотел еще что-то добавить, но в кабинет вошел следователь Лимакин. Форменный пиджак и брюки следователя были серыми от пыли.

— Где так вымазался? — выпалил Слава Голубев.

— По району колесил, розовый гранозан искал.

— Нашел?

— Сейчас, отдышусь...

Рассказанное следователем никого не обрадовало.

Кладовщик Райсельхозхимии оказался памятьливым. Когда Лимакин завел с ним разговор насчет розового гранозана, он вспомнил, что в начале марта на склад поступало несколько банок с таким гранозаном. Все их забрал молоденький агроном. «Почти мальчишечка, наверно, первый год после института. Долго сомневался: гранозан, не гранозан? Даже этикеткам на банках не верил, потому как ядохимикат для него показался необычного цвета. Но вот из какого хозяйства этот агроном, кладовщик, сколько ни старался, так и не вспомнил. Лимакин внимательно проверил журнал выдачи ядохимикатов — цвет выдаваемого гранозана там не указывался, а в первой декаде марта этот препарат

получали более десяти хозяйств. Пришлось Лимакину переписать их и прямо со склада Райсельхозхимии на попутной машине уехать в ближайший колхоз «Гранит». Потом следователь объехал на попутках еще три хозяйства и только в совхозе «Победитель», где рабочие ПМК Сельстрой заканчивают строительство животноводческого комплекса, наконец-то отыскал «молоденького агронома». Поначалу агроном ни о каком гранозане говорить не хотел, но, когда Лимакин предупредил, что по поводу небрежного обращения в совхозе с ядохимикатами будет возбуждено уголовное дело и ему, агроному, придется нести судебную ответственность, чистосердечно признался, что еще в марте месяце «примерно с поллитровую баночку» розового гранозана у него выпросил Александр Васильевич Головчанский...

Из кабинета начальника райотдела Антон Бирюков вышел вместе с Голубевым и Лимакиным. Все трое зашли в кабинет Бирюкова. Молча сели. Настроение у всех было тягостное. Слава Голубев предложил:

— Надо немедленно задерживать Софью Георгиевну по подозрению, и она признается...

— Ох, какой ты быстрый, — усмехнулся Антон. — Задержание — не забава. Давай думать: к кому от Головчанского мог попасть розовый гранозан?

— Ясно к кому — жене! Софья Георгиевна агроном по образованию, знает, для каких целей эта ядовитая штука применяется. У Головчанских есть дачный участок. Второй год его обрабатывают. Решили гранозанчиком протравить овощные семена, чтобы урожай побольше вырастить. Правильно я мыслю?..

— Правильно, — согласился Бирюков. — Поэтому посмотри-ка в кооперативе, у кого овощи хорошо растут. Поинтересуйся, каким способом это достигнуто. Понял меня, мыслитель?

— Так точно!

Лимакин достал из кармана пачку сигарет, хотел было закурить, но передумал. Устало заговорил:

— Из «Победителя» звонил прокурору. Семен Трофимович получил взбучку от вышестоящего начальства. Софья Георгиевна уже и в областную прокуратуру нажаловалась. Не понимаю, чего она хочет добиться своими жалобами?

— Ничего не хочет, — с огорчением сказал Бирюков. — Обычная обывательская запальчивость. Софье

Георгиевне ведь неизвестно, какой грязный клубок заплел ее муж. В ее понятии так: скончался Александр Васильевич на даче Тумановых — Тумановы убийцы. А прокуратура и уголовный розыск непонятно кого ищут.

— Но, согласись, улики против Нади и Олега очень серьезные. Может, и вправду мы прошлогодний снег ищем?..

Бирюков щелкнул шариковой авторучкой, принялся обводить на перекидном календаре число.

— Не знаю, Петя... Может, действительно в дебри лезем понапрасну, но что хочешь со мной делай, не могу я представить Тумановых в роли убийц. На мой взгляд, это тот самый случай, когда порядочные люди, не являющиеся, по существу, преступниками в полном смысле этого слова, втягиваются в роковую орбиту откровенным подонком.

— Считаешь, Головчанский их втянул?

— Да.

— Семен Трофимович мне сказал, что Облсельстрой прислал в прокуратуру прекрасную характеристику на Головчанского.

— Что в Облсельстрое знают о Головчанском как о человеке? Он для них — начальник ПМК. А о начальниках судят цифровыми категориями: выполнил план на столько-то процентов, экономия средств такая-то, производительность труда ежегодно растет, новая техника внедряется. А то, что Александр Васильевич, еще будучи главным инженером, «химичил» с рацпредложениями, а став начальником ПМК, начал брать тысячами из государственной кассы, как из собственного кармана, — это Облсельстрою неизвестно.

— Ты возненавидел Головчанского?

— Нет, Петя. Головчанский — потерпевший. Наша задача — найти его убийцу и посадить на скамью подсудимых. Но вот в чем дело... Чем больше я узнаю об Александре Васильевиче, тем больше склоняюсь к мысли, что основным преступником является сам потерпевший...

Зазвонил телефон. Бирюков ответил. После короткого разговора положил трубку и посмотрел на Лимакина:

— Олег Туманов хочет говорить со мной с глазу на глаз. Сейчас придет...

Со времени последней встречи с Бирюковым Туманов изменился еще больше. Добродушное, чуть продолговатое лицо Олега стало теперь вытянутым, скуластым, а под воспаленными до красноты глазами чернели такие плотные круги, словно Олег не спал несколько суток подряд. Он неуверенно уселся на стул прямо перед столом Антона и вдруг заявил:

— В общем, пришел с повинной... Я отравил Головчанского.

— Ты что городишь, Олег?! — сорвалось у Антона.

— Уже неделю не сплю. Если сейчас не арестуете, повешусь или сойду с ума. Не могу больше...

— Посмотри мне в глаза...

Туманов нехотя поднял взгляд и уставился на Антона замутненными расширенными зрачками.

— Ты пьян, Олег?

— Всего полстакана водки для храбрости...

Бирюков нахмурился:

— С пьяными разговоров не веду.

На лице Туманова появилась виноватая улыбка:

— Разве с полстакана опьянеешь? У меня трезвая голова. Прошу, арестуйте. Честное слово, не могу больше...

— Рассказывай, что надумал.

Туманов опустил голову и глуховатым голосом заговорил. Бирюков сосредоточился. Довольно быстро он понял, что Олег слово в слово, будто зазубренный урок, пересказывает показания своей жены. Только все это излагалось как бы в другом ракурсе, с точки зрения его, Олега. Больше того, Туманов даже не утаил, как ездил с Огнянниковой в Новосибирск к врачу и как тот объявил ему «приговор». Все в показаниях Олега было логично до самого последнего момента, когда он якобы заподозрил, что Головчанский намеренно, до отправления электрички, выпроваживает его с вокзала на охоту. Дойдя до этого места, Туманов мельком взглянул на Антона и опять потупился:

— В общем, на охоту я не ездил. Дальше все — как Надя вам рассказывала.

— Выходит, ты с Надиных слов говоришь? — быстро спросил Антон.

— Почему с Надиных?.. — Туманов тревожно насторожился. — Я откровенно говорю.

— Откуда, Олег, тебе известно, о чем мне Надя рассказывала?

На щеках Туманова заходили желваки:

— Она во всем мне призналась.

— Как после этого ты к ней относишься?

— Как прежде. Надя не виновата, что у нас не было детей.

— Почему же хотел ее отравить?

— Я не ее... — Туманов растерялся. — Я только Александра Васильевича хотел, по ревности...

— Но ведь Надя тоже могла выпить с Головчанским отравленного коньяка...

— Она, как стала беременной, совершенно не пьет. Мы очень долго ждали ребенка, — обреченно проговорил Туманов.

— А дождавшись, ты решил все угробить?

— Ревность...

— Ну и чем же ты отравил Головчанского?

Нервно сжимая ладони, Туманов долго молчал. Заговорил он лишь после того, когда Бирюков повторил вопрос.

— Порошок такой есть для протравки семян. Нынче весной Александр Васильевич у агронома в совхозе «Победитель» пол-литровую стеклянную банку насыпал, чтобы на дачном участке овощи лучше росли. Мне немного дал этого порошка, рассказал, как его применять, и предупредил, что это сильный яд. В пятницу я и вспомнил об этом яде...

Внимательно слушая Туманова, Бирюков невольно отметил, что в показаниях Олега есть несомненная доля истины. Тут же возникла досада. Антон пока не мог понять отчего: то ли оттого, что ошибся в первоначальных выводах об Олеге, то ли из-за того, что Олег своей «явкой с повинной» перечеркивал вроде бы наметившуюся другую версию. Появилось желание немедленно запротоколировать показания, однако внутренний голос сразу возразил: «Не пори горячку! Предъявить обвинение никогда не поздно. Иди от обратного — постарайся уличить Туманова в неискренности». И Антон спросил:

— Какого цвета был ядовитый порошок?

— Розового, — быстро ответил Туманов.

— Давно стал ревновать Надю?

— В пятницу такая мысль появилась.

— Что ж ты берег тот порошок с весны до осени?

Туманов долго думал. Наконец сказал:

— В машине он у меня, в бумагу завернутый, лежал.

— А как же семена? Не обрабатывал этим порош-
ком весной?

— Нет... Побоялся отраву в почву внести...

— И как ты подсыпал порошок в коньяк? Расскажи
подробно.

Туманов вялым движением руки поправил спутанные
волосы:

— Тихо открыл ключом дверь, вошел в кухню. От-
вернул пробку с бутылки, ну и... понятно, как.

— Обратно пробку завернул?

— Ну. Все, как было, сделал и тихо вышел.

«А Надя сказала, что пробка была не завинчена», —
мгновенно отметил про себя Бирюков и, словно между
прочим, уточнил:

— Хорошо помнишь, что завернул?

— Конечно.

— Дождь сильный был?

— Ночью?

— Да, когда ты в кухню входил.

— Проливной, как из ведра.

— Разувався на крыльце?

Туманов скривил в усмешке губы:

— Не хватало еще разуваться — не в чужую ведь
дачу входил, да и не до этого мне было...

«Лжет, откровенно лжет», — даже как-то обрадо-
вался Бирюков и сказал:

— Олег, ты присутствовал при осмотре места про-
исшествия. Следов-то в кухне не было. Ты что, Хрис-
тос, чтобы, не касаясь ногами пола, ходить?

— Как это не было?! — На лице Туманова появи-
лось удивление. — По всему крыльцу и...

— Правильно, — согласился Антон. — Те следы мы
видели — это ты заходил на дачу перед тем, как при-
ехать в милицию. Но у кухонного стола было чистенько.
Почему, спрашивается, если на улице дождь лил как
из ведра?..

— Наверно, высохли, — неуверенно сказал Туманов.

— Вода может высохнуть — грязь останется.

— Думаете, обманываю?.. — растерянно спросил Ту-
манов. — Тогда ни за что не найдете преступника.
Я преступник. Правда я!..

Внезапная догадка осенила Бирюкова. Антон вышел из-за стола, сел рядом с Тумановым и спросил:

— Хочешь, Олег, скажу, почему ты надумал взять вину на себя?.. — Туманов промолчал, и Антон вынужден был сразу ответить: — Ты испугался, что в убийстве Головчанского следователь обвинит Надю. Не так?..

Лицо Туманова побагровело.

— А чем Надя докажет свою невиновность? — резко выпалил он и тотчас вроде бы растерялся. — Я не могу! Честно, не могу! Устал от звонков Софьи Георгиевны. Она все-все знает. И о моей беде, и о Наде, и обо всем, обо всем!..

— Откуда Софье Георгиевне это «все-все» известно?

— У нее спросите!

— Спрошу. Но скажи откровенно: кто, кроме тебя и Огнянниковой, знал о твоей, как ты говоришь, «беде»?

Туманов внезапно сник:

— Не знаю... Может, Анна разболтала. Лично я даже Наде не говорил, оттого Надя и... пошла на поводу у Головчанского.

— Что за человек Огнянникова, Олег?

— Поговорите с ней — узнаете.

— Уже говорил. Производит хорошее впечатление.

— Это Анна умеет — произвести впечатление.

— Почему она замуж не выходит? — спросил Антон. — Такие женщины обычно не засиживаются.

— Для Анны замужество — нож острый.

— Почему?

— Скучно ей с мужем. Анна и в работе такая: долго на одном месте не может. Начинала ресторанной официанткой, потом курсы продавцов закончила, проработала в магазине с полгода — бросила, в ПМК машинисткой устроилась, теперь вот, правда, в райпо на товароведской должности подзадержалась.

— Олег, не с Огнянниковой ли встречался Головчанский на твоей даче?

— Да не знаю я, — упрямо ответил Туманов. — Может, и с ней. Но только, по-моему, у Анны без Головчанского поклонников хватает. Каждый год к разным морям в отпуск ездит. Прямо нюхом находит богатых мужиков.

— Головчанский тоже был не из бедных...

Туманов пожал плечами:

— Не знаю... Возможно, что-то и было между ними, когда Анна секретарем-машинисткой в ПМК работала, но с той поры много воды утекло.

— А отомстить вам с Надей Огнянникова не могла?

— За что?

— Ты ведь ее первым мужем был. Вдруг заговорило оскорбленное самолюбие...

— Нет, — Туманов вяло махнул рукой. — Анна здорово за меня не держалась. Да и не злопамятная она. Вспыхнет, а через минуту уже ластится.

— Насчет сплетен Огнянникова как?..

— Поболтать любит.

— Кто ее сфотографировал?

— Дурак какой-то... Сам я, честно признаться, той фотографии не видел. Стрункин Иван Тимофеевич мне сказал.

— И ты поверил на слово?

— Ну, как сказать... Я Анну спросил — она в лице изменилась. Выходит, знала, что есть такая карточка. Когда Анна не виновата, на нее хоть трактором наезжай — не отступит ни на шаг.

— Ну а в какой компании это случилось?

— Не знаю, не разбирался. — Туманов вдруг отодвинулся от Бирюкова и с недоумением спросил: — Чего на Огнянникову разговор повернули?.. Я с повинной пришел, про мою вину и допрашивайте.

Бирюков поднялся, сел на свое место за столом:

— Знаешь, Олег, в чем ты виноват?.. В том, что отдал ключ от дачи Головчанскому. Неужели не понимал, что не для хорошего дела понадобилась Александру Васильевичу чужая дача?

— Так... начальник же попросил, не какой-нибудь шаромыга, — тихо проговорил Туманов.

— Вот этот начальник и втянул вас с Надей в такую грязь, от которой вам долго надо отмываться. — Антон поглядел в усталые глаза Туманова. — Иди, Олег, домой и ложись спать. У тебя скулы подвело.

— Не могу я спать, — сказал Туманов.

— Прими снотворное, успокойся. Твоя «явка с повинной» на языке юристов самооговором именуется.

— На суде наша тайна с Надей станет известна всему району. Такой позор...

— Постараемся, чтобы судебный процесс был закрытым.

— В райцентре тайну не закроешь. Здесь все как на ладошке.

— Придется вам с Надей уехать отсюда, если судьи не установят вашей вины.

— Да мне легче в колонию! Ведь не расстреляют же меня за убийство на почве ревности?..

— Иди, Олег, домой, иди...

Туманов упрямо не хотел уходить из кабинета, и Бирюкову самым серьезным образом пришлось доказывать упрямцу его невиновность. Когда в конце концов за Олегом все-таки закрылась дверь, Антон устало откинулся на спинку стула. В напряженном мозгу назойливо билось одно и то же: «Софья Георгиевна?.. Огнянникова?.. А если Надя Туманова?..» Ответа пока не было.

Бирюков взялся за телефон и набрал квартирный номер Головчанских. После нескольких продолжительных гудков в трубке послышался слабый, похоже, заплаканный женский голос.

— Софья Георгиевна?.. — спросил Антон.

— Нет, это сестра Сони.

— Мне бы Софью Георгиевну на минутку.

— Ее только что «Скорая» увезла в больницу.

18. ИЗ КРАЙНОСТИ В КРАЙНОСТЬ

Районная больница находилась на окраине райцентра, в сосновом бору. Собственно, это был целый больничный городок с двухэтажными лечебными корпусами и подсобными помещениями. В приемном покое Антон Бирюков узнал, что Головчанская госпитализирована в терапевтическое отделение, и прошел на территорию городка. По дорожкам между цветниками прогуливались выздоравливающие больные. У хирургического корпуса, в небольшой беседке, свежевыбритый старичок в полосатой больничной пижаме тайком покурил сигарету. Антон узнал Пятенкова, остановился и спросил:

— Как жизнь, Максим Маркович?

Пятенков, словно испугавшись, подошвой тапочка мигом придавил окурок:

— Жизнь — на все сто! Выкарабкался, елки-моталки, с того света! Доктора пока не позволяют курить и принимать густую пищу. Куриным отваром потчуют. Но в том отваре все необходимые организму витамины

имеются, кроме спирта. Так что, как говаривал мой покойный папаша, живы будем — не помрем.

— Больше не пейте всякую гадость.

— Что ты! Теперь стану вдвое наблюдательней. Обжегшись на коньяке, буду дуть и на водку... Тыфу, оказия! Хотел сказать «на воду»...

Бирюков шутливо погрозил старику пальцем и пошел дальше. Прежде чем встретиться с Головчанской, он переговорил с лечащим врачом. Состояние Софьи Георгиевны, по мнению врача, было вполне удовлетворительным, и никаких препятствий для беседы с нею не имелось.

— Правда, ведет Головчанская себя несколько странно, — сказал врач. — То вдруг чуть не до истерики доходит, то впадает в протрацию.

— Чем это объяснить? — спросил Бирюков.

— Основная причина, конечно, заключается в смерти мужа. Психическая травма очень серьезная. Вдобавок неуравновешенный, вспыльчивый характер. Временами Софья Георгиевна похожа на капризного ребенка, привыкшего, чтобы любое желание выполнялось как по мановению волшебной палочки. Сегодня, едва доставили в палату, потребовала успокаивающий укол. Медсестра, обрабатывая шприц, чуть замешкалась. Софья Георгиевна разбушевалась до истерики.

— Посоветуйте, как с ней лучше говорить?

— Как сочтете нужным. Психически Головчанская совершенно здорова, а крайности в настроении носят чисто показную видимость. Это, мягко говоря, от невоспитанности.

— Зачем же ее положили в больницу?

— Родственники устали. Попросили устроить в стационар — подлечить нервную систему. Я сейчас приглашу Софью Георгиевну сюда. Здесь и поговорите.

Врач вышел из кабинета, а через несколько минут вошла Софья Георгиевна. В больничном халате, перетянутом пояском, она походила на исхудавшую девочку-подростка, но осунувшееся, с глубокими морщинами у глаз лицо безжалостно выдавало возраст. В первое мгновение Головчанская не то замешкалась, не то растерялась, однако быстро совладала с собой и грубовато спросила:

— Даже в больнице не даете покоя?

— Софья Георгиевна, нам нужно поговорить спокой-

но, — будто не заметив грубости, сказал Бирюков. — Садитесь, пожалуйста.

— Я не стану с вами разговаривать.

— Почему?

— Потому что жаловалась на вас областному начальству, и вы теперь будете мстить.

Антон улыбнулся:

— Это совсем детский аргумент. Не капризничайте. Садитесь, поговорим как взрослые люди.

Головчанская, хотя и с неохотой, но все-таки села. Сейчас она совершенно не походила на сдержанную, рассудительную женщину, какой была при первой встрече с Бирюковым.

— Чем вызваны ваши жалобы? — спросил Антон.

— Почему до сих пор не арестованы убийцы моего мужа? — вопросом на вопрос ответила Головчанская.

— Кто они?

Софья Георгиевна театрально всплеснула руками:

— Вы слепые, глухие?.. Весь райцентр говорит о Тумановых, а у вас уши ватой заткнуты!

— Мы не собираем сплетни.

— Потому что вы бездельники! Привыкли ни за что не отвечать.

— О нашей деятельности, Софья Георгиевна, судить не вам. Если на то пошло, то ваша ревность дает основание...

— Подозревать в смерти Саши меня?

— Да, вас.

Лицо Головчанской стало мертвенно-бледным.

— Вы обалдели?.. — сквозь зубы процедила она и выкрикнула: — Это месть за мою жалобу! Месты!!!

— Это предположение, — спокойно возразил Бирюков. — Вы ведь ревновали мужа. Скажите, не так?..

— Бред! Идиотский бред!

— Допустим. Но кто дал вам право шантажировать по телефону Тумановых?

— Они сами мне признались. Олег даже сказал, что пойдет сегодня в уголовный розыск или в прокуратуру с повинной.

— Он приходил, но я не принял его «повинную».

Головчанская сжала худенькие кулачки:

— Хотите спасти Тумановых? Они, наверное, вам взятку дали? Ваш номер не пройдет! Я напишу Генеральному прокурору!

Бирюков нахмурился:

— Не кричите так громко. И не надо, Софья Георгиевна, пугать прокурором. Олег не виноват в смерти вашего мужа. Александра Васильевича отравила женщина.

— Надя Туманова! — опять выкрикнула Головчанская.

— От кого получили такую информацию?

— Я не стану перед вами отчитываться.

— Скажите мне правду, и тогда мы быстрее найдем действительного убийцу.

— Не скажу!

— Напрасно. От того, что вы будете строчить жалобы, раскрытие преступления не ускорится.

— Приедет из Новосибирска или из Москвы опытный следователь и ускорит.

— Он задаст вам те же вопросы, которые пытаюсь выяснить я.

— Ему расскажу. — Головчанская скептически усмехнулась. — А то, видите ли, заявляется ко мне домой следователь прокуратуры... Мальчишка с проницательными глазами. Но вопросики подкидывает заковыристые: где я была в ту ночь, когда отравили Сашу? Знала ли, что Саша не уехал в Новосибирск?.. Да будет вам известно, ничего я не знала! И знать не хочу! Вот так вот...

— Что в этих вопросах обидного?

— Ничего!

— Вот и я так думаю... — Бирюков чуть помолчал. — Понимаю, Софья Георгиевна, вашу трагедию. Но нельзя терять над собою контроль, нельзя забывать о собственном ребенке. Руслан наверняка слышал ваши телефонные звонки к Тумановым, догадывается, что вокруг смерти отца накручивается какой-то клубок. Зачем вы это нагнетаете?

— Что, по-вашему, я должна сказать Руслану? Как объяснить, отчего умер его отец?

— В таком возрасте еще рано объяснять детям столь серьезные вещи. «У папы отказало сердце» — и все.

— Но это же ложь!

— Ребенку иногда полезно солгать, только надо уметь это сделать... — Не дождавшись от Головчанской ни слова, Антон продолжил: — Руслан нынче начал ходить в школу. По райцентру, как известно, распространились самые нелепые слухи. Где гарантия, что они не донесутся до школы и соклассники не спросят у Руслана, что

с его отцом?.. Вы подготовили сына к достойному ответу? Задумались над тем, кто вырастет из вашего ребенка: порядочный, добрый человек или с детства озлобившийся на всех и вся неудачник?..

— Со временем Руслан сам во всем разберется, — тускло проговорила Головчанская.

— Ошибаетесь.

— Не надо морализировать и поучать. Я не глупее вас. — Софья Георгиевна зябко поежилась, сунула худенькие руки в рукава халата. — Неужели серьезно хотите обвинить в отравлении мужа?..

— Обвинен будет действительный убийца, — уклончиво ответил Бирюков.

— Почему же намекнули о подозрении?

— От подозрения до обвинения — дистанция огромного размера. Я хотел сказать, что нельзя всю беду сваливать на Тумановых. Дело значительно сложнее, чем вам кажется. Тумановы виновны, скромно скажем, в «мелочах», которые привели к тому, что Александр Васильевич оказался на их даче, — и только.

Софья Георгиевна натянуто покривила губы:

— Неужели уголовному розыску до сих пор неизвестно, от кого Надя ожидает ребенка?

— Нам очень многое известно, — опять уклонился от прямого ответа Антон. — Это Огнянникова вас так настроила?

— О том, что у Олега никогда не будет своих детей, я знала давно, но не могла себе представить, что Надя способна спутаться с моим мужем.

— Почему непременно с вашим?

— А с чьим же?! — возмутилась Головчанская. — Кто на даче у Тумановых умер, если не мой муж?..

— Вы видели его там с Надей?

— Представьте, видела!

— Когда?

Лицо Софьи Георгиевны нервно вспыхнуло:

— Не ловите на слове... В запальчивости сорвалось...

Бирюков хотел было строго предостеречь собеседницу от повторения подобной «запальчивости», но, увидев, как Головчанская разом сникла, не стал этого делать. От повышенной возбужденности Софьи Георгиевны в считанные секунды не осталось и следа. Она буквально на глазах впала в сильнейшую протрацию. Казалось, окружающее совершенно ее не интересует. Отчего это произошло — угадать было невозможно.

В пустующем коридоре райотдела Бирюков увидел только что вышедшего из кабинета начальника паспортного стола Славу Голубева. Не дав Антону открыть рта, Слава заговорил:

— Блестящая новость! Из Николаевки пришли любопытные документы. В августе прошлого года Головчанский отдыхал у отца Хачика Алексаняна с белокурой «Лапушкой». Собирался с нею и нынче приехать, но... Короче, подполковник дал срочное задание: отправить в Крым для опознания фотографии Тоси Стрункиной и Нади Тумановой. Они цветом волос вроде бы похожи на прошлогоднюю «Лапушку» и обе в августе прошлого года были в отпусках, уезжали из райцентра.

— Цвет волос теперь — не проблема для женщин, — сказал Бирюков.

— Так точно, Игнатьич! Я для интереса отыскал паспортную фотографию Софьи Георгиевны Головчанской, думал, увижу жгучую брюнетку, а она там — прекрасенькая блондиночка. — Слава подал Антону одну из фотографий. — Вот, полюбуйся...

Антон внимательно посмотрел на фотоснимок — Головчанская была сфотографирована в парике.

— Считаю, тоже надо послать, — сказал Голубев.

— Обязательно надо, — подтвердил Бирюков. — И вот еще что... Пошли-ка, Славочка, фото Анны Леонидовны Огнянниковой. Так, на всякий случай. Она, по словам Олега Туманова, каждое лето к разным морям ездит. В кооперативе не был?

— Подполковник приказал photographиями заняться. Протоколы на опознание подготовлю и побегу проверять урожайность овощных культур в дачном секторе частников.

19. ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ

Над дачным кооперативом «Иня» синело безоблачное небо. Сентябрь уже начал золотить листья березок, но солнце еще грело так, что Слава Голубев в одной рубашке с засученными рукавами не чувствовал осени. Зажав под мышкой папку с бланками протоколов, он бродил по тропинкам между дачными теремками. Возле некоторых участков останавливался. Будто от нечего делать, рассматривал пожелтевшие шапки подсолнухов

или дозревающие на грядках огромные тыквы и шел дальше.

Дачники, пользуясь установившейся погодой, как муравьи, копошились на своих участках. В основном это были пенсионеры и дети. Начав обход с противоположного от дачи Головчанского края кооператива, Голубев постепенно пробрался по дачному лабиринту к недостроенному двухэтажному терему, вроде как осиротевшему без хозяина. На участке Головчанских зеленели несколько маленьких грядок. Одна из них выделялась лопушистой свекольной ботвой. Слава отметил, что на других участках свекла росла не так буйно, и перешел к даче Тумановых. Здесь свекольник тоже тянулся из земли во всю мощь. У недостроенной дачки, наискосок от Тумановых, где в роковую для Головчанского ночь укрывались от дождя мальчишки, свекольная ботва была наполовину ниже, а вот у домика, что находился напротив Головчанских, широкая грядка дыбилась свекольником прямо как в джунглях. Рядом с грядкой на опрокинутом на бок табурете сидела дородная пожилая женщина в новеньком черном халате и перебирала крупные луковицы. У ее ног на корточках ковырялся в земле розовощекий малыш.

Голубев подошел к ним и облокотился на штакетник. Вроде из чистого любопытства спросил:

— Хороший лучок, а?..

— Ничего, зимой с голоду не умрем, если соль будет, — не отрываясь от дела, иронично откликнулась женщина.

— Это точно! — подхватил Слава. — Вот еще, говорят, на Руси было время, когда семь лет кряду мак не рождался, а с голоду тоже не умирали.

Женщина с интересом посмотрела на бойкого собеседника. Тыльной стороной ладони поправила выбившуюся из-под платка седую прядь волос и усмехнулась:

— Чо, на закуску хочешь луковицу выпросить?

Слава расплылся в улыбке:

— Нет, я не закусываю. Я отдыхаю.

— Ну-ну...

— И свекла у вас со сказочную репку, которую дед с бабкой вытянуть не могли. — Голубев кивнул на соседнюю дачку. — А вон у тех хозяев, как говорится, на корню зачахла...

— Корнеед у нас тут свеклу губит. В прошлом году почти совсем не выросла, а ноне перед посадкой поддер-

жала семена месяц в ядохимикате, так они хорошо силу взяли и поперла свеколка в рост как на дрожжах, — охотно разговорилась женщина.

— Гранозанчик применяли?

— Не знаю, милок, как та отравка называется. Розовый такой порошок, вроде бы маслянистый чуток. Для человеческой жизни опасный, а овощу, видишь, на пользу идет.

— В магазине купили?

— Такой яд в магазинах не продают. — Женщина показала рукой на дачу Головчанских. — Софья Георгиевна, спасибо ей, выручила.

— Вы знаете Софью Георгиевну?

— Еще бы мне не знать! Русланчик их, считай, на моих руках вырос.

Голубев показал кончик языка заинтересованно поднявшему голову малышу.

— А это чей такой славный карапуз?

— Это собственный внучек Славик.

— О-о! Тезка мой. Хорошим человеком вырастет!

— Если в родителей удастся...

Через несколько минут Голубев узнал, что зовут женщину Евдокией Федоровной, фамилия Демина, что ей уже шестьдесят и живет она вдвоем со стариком, который пятый год как на пенсии. Головчанских знает давно. До нынешнего года была у них нянкой и домработницей, за что Головчанские платили каждый месяц по пятьдесят рублей. И Александр Васильевич и Софья Георгиевна полностью доверяли Евдокии Федоровне. Когда Русланчику исполнилось четыре годика, родители два раза оставляли его с Евдокией Федоровной на целый месяц. Сами уезжали к морю отдыхать. Вернее, к морю ездил Александр Васильевич, а Софья Георгиевна — в санаторий. Последний год Евдокия Федоровна стала нянчиться со своим внуком Славиком, и Головчанские очень жалели, что потеряли добросовестную помощницу.

Голубев поинтересовался, как Головчанские жили между собой. Не ссорились? Евдокия Федоровна вздохнула:

— А чо им, милок, было ссориться. Александр Васильевич зарабатывал хорошо, а когда в доме достаток, считай, ссориться не из-за чего. Иной раз, бывало, и подуются друг на дружку, зато после ласковой между собой становились. Знаешь, как в пословице: милые бра-

нятся — только тешатся. Софья Георгиевна здоровьем слаба. Больше все с книжечкой в руках на диване лежала, но Александр Васильевич ее не обижал.

— А она его? — спросил Слава.

— Иной раз недовольство высказывала: почему, мол, с работы поздно являешься? Так это понятно — больные жены всегда здоровых мужей ревнуют. — Евдокия Федоровна покосилась на дачу Тумановых. — Надо ж такому сокрушительному несчастью случиться... Ой, не приведи господь самому лютому врагу такое горюшко. Я, признаться, в свидетелях чуть не очутилась, когда прокуроры да следователи в кооператив понаехали. Старик Пятенков принялся было мне новость сообщать, а милицкий товарищ — тут как тут!.. Ладно, отбойрилась, мол, хата моя с краю — ничего не знаю, а то по судам бы, наверное, затаскали. Ой, ой, ой, что ж это получилось...

— И правда, как могло такое случиться?.. — сожалеючи спросил Голубев.

— Ума не приложу, милок. В пятницу вечером видала Александра Васильевича на его даче. Здоровый, бодрый был. Стронителям своим за какую-то, видать, оплошку хвоста накрутил. Те даже обиделись, работу бросили... Потом со стариком Пятенковым на крылечке долго сидел, о чем-то беседовал... Между нами, думаю, не выпивоха ли Максим Маркович подсуропил Александру Васильевичу чего ядовитого?.. Сам-то, слыхала, на днях хлебнул какой-то отравы и теперь в больнице на лечении отлеживается.

— Вы, тетя Дуся, с пятницы на субботу здесь, на даче, ночевали? — совсем по-домашнему обратился к Деминой Слава.

— Нет, милок. Погода к вечеру стала портиться, и я домой, в райцентр, ушла. В субботу, когда дождик поутих, только-только сюда заявила — милиция нагрянула...

— А вообще, тетя Дуся, в пятницу вечером много дачников было в кооперативе?

— Приближающаяся непогода в тот вечер отпугнула людей. Из моих соседей, считай, одна Надя Туманова на грядках ковырялась, помидоры да лук убирала.

Слава глянул на черный халат Евдокии Федоровны и скороговоркой опять спросил:

— Тетя Дуся, а в чем Надя одета была?

— Кажись, в медицинском старом халатике. Она всегда его тут надевает.

— А в черной одежде не видели в тот вечер женщину?

Демина трубочкой свела поблекшие губы:

— Я сама в черном хожу. Чего, милоч, одежда-то заинтересовала?..

Голубев, будто не услышав вопроса, кивнул в сторону недостроенной соседней дачки:

— А это чей терем-теремок?

— Огнянниковой Ани. В прошлом году еще начала строить, да нелегко одинокой женщине такое дело поднимать. У меня старик и с топором, и с молотком управляется, однако ж здорово намаялись, пока под крышу дачку подвели. — Демина принялась очищать с рук засохшую землю. — Помешались умом люди ныне на дачках. Пенсионерам, понятно, одно удовольствие здесь ковыряться, а кто работает на производстве, тем туго приходится. Вечерами, второпях сюда прибегают. Вот та же Огнянникова охотку сорвала, теперь покупателя ищет.

— Поэтому и за овощами не ухаживает?

— Говорю, милоч, корнеед тут овощи уничтожает. Весной-то предлагала Ане подержать свекольные семена в порошке. Отказалась, мол, как бы не отравиться такими овощами. Видать, побоялась, что порошок мне Софья Георгиевна дала, с которой у Ани дружбы нет.

— Почему они не дружат?

— Трудно их понять... Софья Георгиевна как-то жаловалась, будто Огнянникова про них нехорошие слухи распускает, мол, не по карману живут. Я спросила Аню: «Что ты, голубушка, обижаешь Головчанских?» Вот, мол, такие и такие слухи ходят... Аня засмеялась: «Не в слухах, тетя Дусь, дело. Ревнует Софья Георгиевна своего Сашеньку ко мне, а между нами говоря, он мне нишечко не нужен. Что уж я, богом обиженная, что ли, чтобы с женатиком связываться? Мне, если надо, холостые женихи найдутся». Оно и правда. Аня красивая женщина, простецкая. Мы и знакомы-то всего ничего, дачки вот рядом, а она как родня. Детишек любит. То конфет дорогих Славику принесет, то фруктов лакомых достанет. И хотя бы копеечку с нас взяла! Станешь расплачиваться — ни в какую не берет.

— Может, Софья Георгиевна не зря ревновала?..

— В таком деле трудно разобраться. Лично я не за-

мечала, чтобы Александр Васильевич ухаживал за Огнянниковой. Аня, понятно, внешностью сильно привлекательная, молодая, не чета Софье Георгиевне. Да и веселая, с улыбочкой всегда. А чо ей?.. Одним словом, незамужняя. Головушка ни о ком не болит...

— Тетя Дуся, у вас того порошка, розового, не осталось? — сменил тему Голубев.

— Чуток для будущей весны оставила.

— Можно посмотреть? Надо тоже к весне раздобыть, чтобы свеклу вырастить такую, как у вас.

Демина поднялась с табурета. Устало потеряла поясницу и пошла в дачный домик. Голубев без приглашения направился следом. В крохотной дачке одна из стен была сплошь занята деревянными полками. На полках рядами стояли трехлитровые стеклянные банки, видимо, приготовленные для разных солений на зиму. Евдокия Федоровна протянула руку к самой верхней полке и на ощупь стала шарить в уголке. Через несколько секунд она с недоумением повернулась к Голубеву:

— Не могу нащупать... Посмотри сам, милок. С весны там лежит завернутый в газету целлофановый паке-тик. На газетке крупно написано «ЯД», чтобы никто не трогал.

Голубев мигом подставил табурет и заглянул на полку — там сиротливо валялась на боку бутылка из-под «пепси-колы».

— Пусто здесь, тетя Дуся, — сказал Слава.

— Не иначе, Пятенков Максим Маркович забрал, — расстроено проговорила Евдокия Федоровна. — Пустые бутылки я туда складываю. Сын с женой, как приезжают из Новосибирска, то лимонад, то еще какие напитки привозят, а бутылки-то назад не забирают. Всю полку ими заложили. На прошлой неделе попросила Пятенкова, чтоб унес в ларек. Максиму Марковичу словно господь-бог послал выручку. Полный рюкзак нагрузил. Помню, еще предупредила: «Смотри, Маркович, семенную протраву там не трожь...» Неужто позарился пьянчужка старый?..

— Может, из домашних кто взял? — высказал предположение Голубев.

— Всем наказывала, чтоб не трогали. Да и ни к чему домашним отраву трогать...

— Кроме вашей семьи, кто знал, что порошок там лежит?

— И Софья Георгиевна знала, и Аня Огнянникова...

Так ведь Аня отказалась, а Софья Георгиевна совсем недавно говорила, что, если надо, еще мне может дать этой протравы...

Голубев подставил табурет к небольшому столику.

— Я вообще-то, тетя Дуся, в милиции работаю. Сейчас мы с вами кое-что запишем, — открывая папку, сказал он.

— Ой, милоч, а чо писать?! — испугалась Евдокия Федоровна. — На словах всю правду обсказала.

— Слово, говорят, к делу не пришьешь.

Оформление протокола заняло в общей сложности не более получаса. Голубев уже хотел по привычке отметить галочкой места, где Евдокии Федоровне следует расписаться, как вдруг почти интуитивно почувствовал, что Демина чего-то мнется. Словно и сказать ей что-то хочется, и в то же время вроде боится, как бы не наговорить на свою голову лишнего. Заметив это, Слава ободряюще улыбнулся:

— Вы, тетя Дуся, ничего не скрывайте, я лишнего не напишу.

Демина мельком глянула в окно, за которым у грядки ковырял землю розовощекий Славик, скрестила на груди руки и, набравшись смелости, сказала:

— Ну, коли так, то могу сообщить, что в ту самую ночь, когда умер Александр Васильевич Головчанский, у меня из дачи пропал старый черный халат. — Евдокия Федоровна показала на вешалку у двери. — Постоянно здесь висел, для огородной работы держала. А в субботу утром разбилась, не могла найти. Пришлось новый покупать...

— Замок взломали? — спросил Слава.

— Нет, милоч. И замочек в двери целый, и ключ в условленном месте, под карнизом, лежал.

— Кто из соседей знает, где вы ключ храните?

— Мы от соседей не прячемся. И Софья Георгиевна, и Аня Огнянникова, и даже Александр Васильевич в наше отсутствие, когда надо, в дачку заглядывали. То инструмент какой возьмут, то стакан, то ножик. И всегда возвращали. Один лишь негодный халат кому-то понадобился...

— Это любопытный фактик. Непременно отразим его в протоколе.

— Отрази, милоч, коли любопытно...

Дальнейшие события развернулись так, что Голубеву пришлось не только записывать показания, но и при-

влекать понятых. Обдумывая очередной вопрос, Слава посмотрел через окно на своего малолетнего тезку и вдруг заметил, что малыш ковыряет землю длинным двухбородчатым ключом. Голубев кивнул в сторону мальчика:

— У внука не от вашей дачи ключ?

— Нет, — ответила Демина. — Тот ключик, с каким внук играет, я в субботу утром, перед приездом милиции, на дороге нашла. Поспрашивала соседей — никто не терял.

— Где нашли? — уточнил Слава.

— Как к даче Тумановых подходить, в грязи валялся.

— Не Тумановых ли это ключик?

— У них, милоч, не спрашивала. Последнее время ни Надя, ни Олег в кооперативе не появляются.

Голубев, не откладывая дело в долгий ящик, торопливо записал показания Евдокии Федоровны и закрыл папку.

Розовощекий Славик упорно не хотел отдавать «игрушку». Вручил он Голубеву ключ только после того, как Слава из чистого листа бумаги соорудил малышу кораблик.

В присутствии понятых Голубев вставил ключ в замочную скважину дачи Тумановых, легко повернул его на один оборот, и дверь бесшумно открылась.

— Вот это, товарищи, нам и нужно было проверить, — оборачиваясь к растерянной Евдокии Федоровне и к женщинам-понятым, сказал Голубев. — Теперь оформим наш эксперимент документально.

Понятые разом заговорили. Маленькая, похожая на колобок старушка всплеснула пухлыми ручонками:

— Ох, подумать страшно, что стало твориться в нашем кооперативе! Вчера, бабоньки, стала я помидоры обирать — халат черный нашла. Поношенный, однакошь надевать еще можно. А в кармане халата, не поверите... — старушка понизила голос, — пакет прозрачный и кусок мокрой газеты. А на той газете написано «ЯД»...

Голубев повернулся к Деминой:

— Пойдемте, тетя Дуся, посмотрим, не ваш ли халатик?..

Демина сразу узнала свой халат. Подтвердила она и то, что именно в этом целлофановом пакете, внутри которого сохранились остатки розового порошка, и в

этом клочке газеты была завернута протрава для семян.

Голубев принялся набрасывать схему места, где старушка обнаружила загадочную находку. Размышляя, он про себя отметил, что «женщина в черном» от дачи Тумановых держала путь к райцентру и, отойдя на приличное расстояние, прямо от дороги перебросила через невысокий заборчик, видимо, ставший ей ненужным халат.

Перед тем как расстаться с Деминой, Голубев один на один с тетей Дусей долго пытался выяснить: кто из соседей мог это сделать? Евдокия Федоровна тяжело вздыхала, разводила руками, пожимала плечами и ничего определенного сказать не смогла.

20. КАЖДОМУ — СВОЕ...

Дело Хачика Алексаняна было выделено в отдельное производство, и хотя первоначальным сбором материалов по нему занимался не уголовный розыск, а сотрудники отдела БХСС, Антон Бирюков постоянно интересовался ходом расследования. Интерес этот был вовсе не праздный. Чем глубже исследовал Бирюков личность потерпевшего, тем больше выявлялось откровенных противоречий. В пику показаниям Ивана Тимофеевича Стрункина все опрашиваемые сотрудники ПМК, словно сговорившись, хвалили Головчанского. По их мнению выходило, что, став начальником, Александр Васильевич ни разу никого ни словом не обидел, ни в зарплатке не ущемил. Даже напористый, прямолинейный Стрункин при повторном разговоре с Бирюковым вынужден был признать: «Не обижая себя, гражданин Головчанский и других в материальном плане не обижал». Признав это, Иван Тимофеевич многозначительно хмыкнул: «Если бы не «враг народа», то Головчанский весь Сельстрой в трубу выпустил бы». Антон заинтересовался. Оказалось, «врагом народа» строители прозвали главного бухгалтера ПМК, который, как Змей Горыныч, трясся над каждой копеечкой и даже законную зарплату выдавал со скрипом.

Бирюков в этот же день встретился с главбухом. «Враг народа» оказался примерно сорокалетним мужчиной с добродушным грустным лицом и глубокими за-

лысынами в заметно поредевшей шевелюре. Поначалу он, как и другие сотрудники ПМК, принялся расхваливать бывшего начальника, но, когда Антон намекнул на неуважительное отношение строителей лично к нему, главбух, осекся. Поправив сатиновые нарукавники, обидчиво проговорил:

— Каждому — свое... Щедрому — овации, скаредному — презрение.

— Чем объяснить скаредность? — спросил Антон.

— Должностной инструкцией... — Главбух невесело усмехнулся и посмотрел на Антона добродушными синими глазами. — Но если говорить правду, то — вынужденными обстоятельствами. В наших делах с Головчанским имелся нюанс, известный только ему да мне. Теперь, когда Александр Васильевич умер, могу выдать секрет, раньше ни за что бы не сказал. Почему? Объясню позднее... — Главбух достал из книжного шкафа переплетенную в картонные корочки толстую подшивку бухгалтерских документов. Раскрыл ее перед Бирюковым, перелистнул с десятков расходных ордеров и, указывая на них пальцем, попросил: — Обратите, пожалуйста, внимание на подписи распорядителя кредитов...

Бирюков внимательно стал рассматривать документы. Размашистый росчерк Головчанского на всех ордерах был одинаковым. Разница заключалась лишь в том, что на одних подпись была сделана синей пастой, на других — черной.

Видимо, заметив, что Антон пытается сличить подписи, главбух заговорил:

— Подделку не ищите. Это подлинные автографы Александра Васильевича. Но, обратите внимание, сделаны они разным цветом. По синей росписи я обязан был выплатить деньги немедленно, а по черной — задержать выплату до той поры, когда Головчанский или позвонит мне, или сам зайдет в бухгалтерию с получателем и прикажет устно или наложит вторую визу. Обговорив наедине со мною это условие, Александр Васильевич чуть не с первого дня своего начальствования в ПМК сделал меня своеобразным козлом отпущения в финансовых вопросах.

— Зачем такое Головчанскому понадобилось?

— Чтобы подчеркнуть в глазах подчиненных свою значимость и доброту. Этаким, понимаете ли, великодушным фарсом. Дескать, в любое время готов вас озолотить, да вот бухгалтер козни строит.

— Вероятно, для задержки выплат были какие-то основания? — спросил Бирюков.

— Никаких. Просто Александр Васильевич моими руками мелочно мстил неугодным ему людям, а те, просто-фили, восторгались его щедростью. И до сей поры заблуждаются. Пожалуй, единственный человек быстро раскусил Александра Васильевича — это Иван Тимофеевич Стрункин, бывший его личный шофер.

— Ну а выдачу зарплаты задерживали?

— Задерживал. И опять же по указанию Головчанского. Надо, например, Александру Васильевичу переговорить с кем-то из начальников участков, прорабов, мастеров или из рабочих — он передает мне списочек. И упаси бог выдать им деньги до того, пока Головчанский с ними не переговорит! А наемной бригаде Алексаняна, опять же к примеру сказать, вообще категорически запрещалось выдавать хоть копейчку в отсутствие Головчанского... — Главбух несколько замаялся. — Теперь в ПМК пошли открытые разговорчики, будто Алексанян делился деньгами с Головчанским. Если это правда, ручаюсь, инициатива «дележа» исходила от Головчанского. Уж очень роскошно он зажил в последние три года, когда в нашем районе Хачик появился.

— Не помните, как последний раз Алексанян получал деньги?

— Прекрасно помню. Это был необычный случай. Александр Васильевич позвонил и сказал со злостью: «Рассчитай Хачика быстренько, без волокиты. У меня к нему претензий нет». И, знаете, почему?.. Начальник отдела труда и зарплаты Облсельстроя товарищ Русаков в тот день так пропесочил Головчанского за его безмерную любовь к наемным бригадам, что Александру Васильевичу стало не до Хачика.

— Какие претензии были раньше у Головчанского к Алексаняну?

— Надуманные. Например, в прошлом году после сдачи в эксплуатацию клуба в Березовке Александр Васильевич больше недели мариновал выдачу зарплаты Хачику, мотивируя тем, что на объекте, хотя он и принят комиссией, остались недоделки и наемная бригада обязана их устранить. После я спросил главного инженера об этих недоделках. Главный усмехнулся: «Два электровыключателя надо было заменить — пять минут работы». Вот вам наглядный нюанс...

— И вы с таким «нюансом» мирились?

— А куда деваться?.. Поначалу пробовал доказать Александру Васильевичу, что так у нас дело не пойдет. Он спокойненько предложил написать заявление на увольнение по собственному желанию. Дескать, не нравится такой порядок, ищите место по своему вкусу... — Синие глаза главбуха сделались печальными. — Сунул-ся я в одну организацию, в другую, в третью — и везде получил от ворот поворот. Видать, руководители созвонились с Головчанским — тот не поскупился меня охарактеризовать так, что не только в главные бухгалтера, но и сторожем-то вроде брать сомнительно... А у меня семья, детишек трое, дочь студентка.

— Вы могли обратиться в Облсельстрой, — возразил Бирюков.

Главбух безнадежно махнул рукой:

— В высших инстанциях Головчанский был почетным человеком, руководителем, способным выполнить любое задание. А кто я?.. Цифиркин, бумажная душа. Конечно, в областном управлении ко мне тоже относятся уважительно. Дело свое знаю, финансовую дисциплину блюду. Но, ес-и бы возник вопрос: Головчанский или главный бухгалтер? — предпочли бы оставить на своем месте Головчанского. Бухгалтера подобрать проще, чем начальника.

— По вашим рассуждениям выходит, что у нас здесь, в райцентре, даже на самодура и то управы не найти?..

— Александр Васильевич самодуром не был. Он никому не хамил и никого не унижал. Он вежливенько ставил в такие условия, когда вроде бы и не привязан, как в народе говорят, а визжишь. И не одного меня таким способом подмял. Возьмите, например, начальника отдела труда и зарплаты ПМК Окунева. Ивану Ивановичу самый малый пустяк до пенсии осталось. А кому не хочется уйти на отдых по-хорошему? Головчанский воспользовался этим и в последние годы стал из Окунева веревочки вить: сколько скажет наемной бригаде насчитать по договору, столько Иван Иванович и насчитает... Характеры у нас с Окуневым такие — не можем за себя постоять, смелости не хватает взбунтоваться...

Откровенность главного бухгалтера еще больше укрепила у Антона мысль, что Головчанский был неплохим психологом. Он тонко подмечал слабые стороны подчиненных и использовал их в своих целях на полную катушку.

У входа в райотдел под густым черемуховым кустом, ссутулясь на скамейке, сосредоточенно курил Хачик Алексанян. Он увидел Бирюкова, поднялся и возмущенно заговорил:

— БХСС, понимаешь, товарищ Бирюков, затаскал бригаду допросами! Работать некогда...

— Не надо было нарушать закон, — строго сказал Бирюков.

— Я не нарушал! Вымогательством Головчанский занимался!

— Не сваливайте все на Головчанского. Вас никто не принуждал подписывать завышенный договор и тем более делиться с Головчанским деньгами.

— Он сам предложил тридцать тысяч по зарплате! И условие поставил: пять — ему. Сказал: «Не хочешь, не согласен — ищи в другом месте работу».

— Значит, вы добровольно согласились на групповое хищение.

— Почему добровольно?!

— Потому, что у нас в районе, кроме Сельстроя, есть другие организации, где всегда можно найти строительную работу на законных основаниях.

— Некогда было искать! Если бы я не согласился, Головчанский в тот же день нанял бы другого.

— Вот другой, а не вы, и отвечал бы теперь. Пойдемте ко мне в кабинет — надо кое-что выяснить...

Алексанян мгновенно изменился, словно его ошеломили неожиданным вопросом. В кабинете, едва усевшись на стул, он снова попытался завести разговор о вымогательстве Головчанского, но Антон сразу перебил:

— Хачик Геворкович, не оправдывайтесь. Ситуация настолько простая, что вам придется нести ответственность за хищение по всей строгости закона. Расскажите лучше о своих отношениях с Огнянниковой. Знаете Анну Леонидовну?

Алексанян уставился на Бирюкова крупными черными глазами, как будто хотел убедиться: не разыгрывают ли его? Антон повторил вопрос. Хачик пожал плечами:

— Знаю, конечно, Анюту. Какие отношения?.. Хорошие отношения. Она согласилась выйти за меня замуж. Только, понимаешь, не хочет жить у моих родителей в Николаевке. В большой город хочет, в Ереван.

— Чем Николаевка не нравится Огнянниковой? Анна Леонидовна была там?

— Нет, не была. Я рассказал. Анюта говорит, надое-
ло в деревне жить, поехали в город. Теперь мне забота
— покупать квартиру в Ереване.

«Это что еще за трюк? Почему Огнянникова напрочь
отрекалась от Алексаняна, а он как ни в чем не бывало
говорит о женитьбе?» — мелькнула у Бирюкова мысль,
однако раздумывать было некогда, и Антон быстро
спросил:

— Давно начали обговаривать с Огнянниковой со-
вместные планы на жизнь?

— Второй месяц говорим.

— Жениться собрались на одной, а ночевать ходите
к другой?

— К кому я хожу?!

— К Тосе Стрункиной...

Несколько секунд Алексанян растерянно смотрел Би-
рюкову в глаза, но, по всей вероятности, так и не сооб-
разив, каким образом лучше выкрутиться из щепетиль-
ного положения, заторопился:

— Слушай, товарищ Бирюков, слушай, это шутка
была!..

— Вы слишком много «шутите»...

— Не хотел я у Тоси ночевать! Выпить коньяк хотел,
поговорить... Немножко пошутил с Тосей — она, дурная,
дверь с обратной стороны закрыла. Мне через трубу ухо-
дить оставалось, через трубу?!

Антон попросил рассказать все по порядку. Хачик
стукнул себя кулаком в грудь и, сверкая черными гла-
зами, повторил то, что уже рассказывал Голубеву.

— Вы потому и пошли к Стрункиной, что Огняннико-
вой в пятницу вечером дома не было? — уточнил Би-
рюков.

— Потому и пошел!

— Где же Огнянникова находилась в тот вечер?

— Говорит, в Новосибирске. Хотела в отпуск уле-
теть, а ее, понимаешь, обворовали в аэропорту... — За-
метив на лице Бирюкова недоверчивую улыбку, Алекса-
нян вспыхнул: — Правду говорю!

Бирюков посерьезнел:

— Не верю, Хачик Геворкович.

— Почему не веришь?

— Вот почему... Вы собираетесь жениться на Огнян-
никовой, а она, ни слова вам не сказав, решила улететь
в отпуск...

— Капризная женщина!

— И вы хотите такую взять в жены?

— Красивые женщины все капризные.

Ответ был явно неубедительным, и Антон Бирюков сделал вывод, что Алексанян, несмотря на темпераментный, вспыльчивый характер, тугодум. Чтобы узнать у него правду, надо было вести беседу в темпе, не давая Хачику больших пауз для размышлений. И Антон заговорил:

— Всякому капризу, Хачик Геворкович, предшествует какая-то причина. Согласны?

— Понятно, согласен!

— Что явилось поводом для «каприза» Огнянниковой?

Алексанян мучительно наморщил лоб. Бирюков сразу поторопился:

— Не придумывайте, говорите искренне.

— Зачем придумывать? Я виноват. Грубо разговаривал с Анютой: почему не хочешь жить в Николаевке?! Там настоящий Крым! Там море под окном! Старики хорошие. Тебе чего еще надо?! Зачем Ереван — шумный город?..

Задавая вопрос за вопросом, Бирюков выяснил, что «грубый» разговор между Алексаняном и Огнянниковой произошел почти три недели назад и что в пятницу Алексанян шел с бутылкой коньяка к Анне Леонидовне мириться, но мир, как известно, не состоялся.

— Теперь помирились? — спросил Антон.

— Даже заявление в загс подали! — Хачик жалобно посмотрел на Антона. — Помоги, товарищ Бирюков, из грязи выбраться...

— В таких делах я не помощник. Все будет по закону, сотрудники ОБХСС разберутся. Меня же интересует смерть Головчанского. Огнянникова о нем рассказывала?

— Говорила, что плохой человек. Советовала больше с ним не связываться. Я сказал, последний договор отработаю и больше в Сибирь не приеду.

— Когда такой разговор состоялся?

— Еще до того, как поругались с Анютой.

— Головчанский знал о вашем намерении жениться на Огнянниковой?

— Говорил ему, что увезу из Сибири на юг красивую женщину. Он захохотал, сказал, жалеть после стану, Анюта — капризная красавица и... как это... легкомыс-

ленная. Я тоже посмеялся: не получится жизнь — разойдемся, как в Черном море корабли.

— Огнянникова о вашем разговоре с Головчанским знала?

— Зачем ей знать мужской разговор.

— Когда она из Новосибирска вернулась?

— Не спрашивал. Утром в субботу дома не было. Когда бежал от Стрункиной, промок до нитки. Хотел у Анюты просушиться, чтобы в гостиницу мокрым не приходиться. Звонил, звонил — дверь не открылась. До меня тоже кто-то не мог в квартиру Анюты попасть.

— Кто? — живо заинтересовался Антон.

— Не спрашивал. На лестничной площадке перед дверью мокрые следы остались.

— Мужские или женские?

— Я, понимаешь, не следователь, чтобы разбираться, кто там, по лестнице, ходил.

21. ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ

Дни летели настолько стремительно, что Антон Бирюков порою забывал перелистывать настольный календарь. Сбор информации и допросы, анализ свидетельских показаний и другие неотложные дела безжалостно глотали время, но преступление, будто заколдованное, продолжало оставаться нераскрытым.

Постепенно улеглись в райцентре страсти, поутихли обывательские суды-пересуды. После разговора с Бирюковым в больнице успокоилась Софья Георгиевна Головчанская. Она, казалось, поняла несостоятельность своих жалоб: стала покладистой с обслуживающим медицинским персоналом, подолгу ласкала Руслана, который приходил к ней каждый вечер.

Надя и Олег Тумановы оформили на работе отпуска и почти не показывались из дому. Когда же Бирюков или следователь Лимакин вызывали их для необходимых уточнений по ходу расследования, приходили обязательно вместе и ждали друг дружку возле милиции или прокуратуры. Они, похоже, смирились со своей горькой долей и ждали одного: скорей бы все это кончилось.

Беседовал Антон Бирюков и с Огнянниковой. Анна Леонидовна кокетничала и старалась всячески проде-

монстрировать свои женские достоинства, упорно доказывала, что в последние годы совершенно не поддерживала отношений с Головчанским. Но вот о Хачике Александрияне она вдруг резко изменила мнение и, когда Антон намекнул на поданное в загс заявление, ничуть не смутившись, подтвердила, что да, намерена выйти за Хачика замуж, если он раздобудет квартиру в Ереване или в другом приличном городе, пусть даже в Новосибирске.

— Чем Николаевка вам не нравится? — спросил Бирюков. — Все-таки Крым не Сибирь.

— А мне все равно, что Крым, что Нарым, давайте — Крым, — весело сказала Огнянникова и быстро посерьезнела. — Не ужиться мне со стариками Хачика. Могут вообще на порог не пустить.

— Вы разве знаете их?

— С какой стати? Просто я — сибирячка, могу не найти общего языка с людьми, прожившими всю жизнь на юге. Чего доброго, еще фруктами заставят на базаре торговать.

— Ну а как же с Хачиком? Прошлый раз, помнится, вы о нем и слушать не хотели. Почему отрицали какую-то ни было связь с Александром?

Огнянникова капризно выгнула тонкие брови:

— Поругалась я с ним тогда. Хотела даже в отпуск тайком уехать, чтобы он тут попереживал. Несчастье назад вернуло. Хачик после этого и принялся обхаживать пуше прежнего. Подумала, подумала и решила, что ловить уже нечего. Поклонников уйма, но как только о серьезных намерениях заговоришь, все в сторону... Лучше уж хоть что-то, чем совсем ничего.

— Когда вы из Новосибирска вернулись в райцентр?

— В субботу днем, когда дождик полностью перестал.

— На электричке приехали?

— Да. И в Новосибирск на электричке уезжала.

— Билеты не сохранились?

— С какой стати их хранить? Не в командировку ездила, чтобы перед бухгалтерией отчитываться. — Огнянникова чуть улыбнулась. — Сознаться, обратно «зайцем» прикатила. Денег-то ни копейки не осталось, все отпускные пропали.

— Как же теперь живете?

— Со сберкнижки сняла. — Лицо Огнянниковой внезапно посерьезнело. — Догадываюсь, хотите меня в чем-

то обвинить. Если в смерти Головчанского, то прямо скажу: пустой номер...

«Или она талантливая артистка, или в той информации, что собрана о ней, много предвзятого», — подумал Бирюков и тоже с самым серьезным видом сказал:

— Наоборот, Аня, хочу доказать ваше алиби.

— Ох, как страшно! Я ведь русским языком сказала: в ночь с пятницы на субботу, когда отравили Головчанского, была в Толмачевском аэропорту.

— Вот как раз это я и пытаюсь доказать, но... кроме ваших слов, доказательств нет. Кто может подтвердить, что вы всю ночь с пятницы на субботу пробыли в аэропорту?

— Не знаю, кто. — Огнянникова впервые за время разговора вроде бы смутилась. — Там ни одного знакомого лица не было.

— В электричке — тоже?

— Может, меня кто и видел из знакомых, а я — никого. Если бы знакомые попались, я на билет бы у них заняла.

— Видите, какая ситуация получается...

— У вас есть доказательства, что я там не была?

— Нет.

— Вот вам и «видите»...

— Один — один, как говорят спортивные комментаторы. — Бирюков улыбнулся и вдруг спросил: — Аня, признайтесь, версию о Тумановых вы подсказали Софье Георгиевне?

— Разве это версия?.. Это сплетня... Не говорила я Головчанской.

— Откуда же Софья Георгиевна знает об Олеге дословно все, что вы рассказывали мне?

— Об этом лучше у нее самой спросить...

Неожиданно щелкнул динамик селектора, и раздался громкий голос подполковника Гладышева:

— Антон Игнатьевич, прошу ко мне на оперативное совещание.

— Иду, Николай Сергеевич, — ответил Бирюков и краем глаза заметил, как лицо Огнянниковой нервно передернулось, словно Анна Леонидовна испугалась внезапного селекторного голоса.

В небольшой приемной начальника райотдела пожарной участковый инспектор Дубков сосредоточенно из-

учал приколотый канцелярскими кнопками к стене лист с расписанием авиарейсов из Новосибирска. Пожав ему руку, Антон спросил:

— Куда, Владимир Евгеньевич, лететь собрался?

— Сестра из Москвы погостить прилетела. Смотрю, каким рейсом удобнее ее назад отправить, — ответил Дубков. — Встречая, осечку дал. Получил телеграмму: «Прилечу в субботу рейсом 175». Глянул в расписание — прибытие этого рейса в Новосибирск в два часа пятьдесят минут. Сел накануне вечером в электричку и покатил встречать гостью. И только когда появился в аэропорт Толмачево, сообразил, что время-то не местное, а московское. «Вот, — думаю, — шляпа! Это ж на полных четыре часа разница». Пришлось всю ноченьку по аэропортовскому вокзалу слоняться...

— Давно это было?

— С пятницы на субботу, когда у нас тут неприятность с Головчанским произошла.

Бирюкова словно уколол:

— Владимир Евгеньевич, товароведа продторга Анну Огнянникову знаешь?

— Ну, как не знать. На Садовой живет, а это мой участок.

— В ту ночь видел ее в аэропорту?

Дубков призадумался:

— Нет. Разве она была там?

— Утверждает, что вечерним рейсом хотела улететь в Ригу, но то ли обронила, то ли вытащили у нее кошелек с деньгами, и она до утра «прозагорала» в вокзале.

— Сочиняет. На Ригу объявляли продажу билетов под утро. Я от скуки поглазел у кассы. Пассажиров набралось совсем мало, и уж такую приметную красавицу, как Огнянникова, я не мог просмотреть.

Бирюков, нахмуясь, подошел к расписанию. На Ригу значилось три рейса. Все три самолета, имея промежуточные посадки в разных городах, отправлялись из Новосибирска одновременно: в три часа тридцать минут по московскому времени, что соответствовало семи часам тридцати минутам местного.

«О каком же вечернем рейсе Анечка мне заливала? Что привело ее в аэропорт в пятницу вечером, если рижские самолеты улетают утром?» — быстро подумал Антон и взял участкового инспектора за руку:

— Идем-ка, Владимир Евгеньевич, на оперативку.

Твоя осечка, кажется, полноценным выстрелом обрабатывается.

Оперативно-следственная группа была уже в сборе. Все сидели с невеселыми лицами, и даже всегда жизнерадостный Слава Голубев на этот раз рассеянно смотрел в окно. Взглянув на Бирюкова, он нетерпеливо спросил:

— Что-то новенькое есть?..

— Говоря языком гадалок, нечаянный интерес получил, пока шел от своего кабинета сюда. — Антон подмигнул Дубкову. — Расскажи, Владимир Евгеньевич, этим скучным людям, как осечку дал с самолетом.

Дубков по-уставному лаконично пересказал только что рассказанное в приемной Антону. Сразу за ним Бирюков доложил оперативникам о состоявшемся разговоре с Огнянниковой. Подполковник Гладышев заметно повеселел и обратился к Дубкову:

— Уверен, что в ту ночь Огнянниковой не было в аэропорту?

— Так точно, уверен.

— Хорошо в лицо ее знаешь?

— Ну, как не знать. Пять лет живет на моем участке. К тому же очень приметная блондинка.

— Стоп, Владимир Евгеньевич, — нахмурясь, проговорил Бирюков. — У Огнянниковой теперь волосы каштанового цвета.

— Значит, перекрасилась, — спокойно сказал участковый.

— Может быть, потому и не узнал в аэропорту?

— Никак нет. Огнянникову узнаю в любом случае, даже если она перекрасится в серо-буро-малиновый цвет с крапинками.

— Что о ней можешь сказать? — спросил Гладышев.

Дубков чуть подумал:

— Веселая молодая женщина. Живет скромно, аморальных поступков не допускает, шумных компаний не водит.

— С Головчанским ее не видел?

— Нет. По моему мнению, Аня в Новосибирске развлекается. Часто туда ездит по выходным дням.

Гладышев повернулся к Бирюкову:

— Возможно, Огнянникова придумала аэропорт, чтобы скрыть любовную интрижку?

— Почему, в таком случае, она возвратилась домой в субботу? — возразил Антон.

— Допустим, встреча с любимым не состоялась...

— Все, конечно, может быть, но в том, что насчет аэропорта Огнянникова солгала, теперь я не сомневаюсь.

Голубев, будто нетерпеливый ученик, высоко поднял руку:

— Товарищ подполковник, предлагаю версию...

— Подожди, инспектор по версиям, — остановил его Бирюков. — После совещания пройдишь по парикмахерским и постарайся выяснить, когда Огнянникова перекрасила волосы. — Антон повернулся к молчаливо слушающему прокурору. — Семен Трофимович, давайте проверим, снимала ли Огнянникова со своей сберкнижки деньги.

— Что это даст?

— Узнаем, действительно ли у Анны Леонидовны пропал кошелек с отпускными.

Прокурор глянул на Лимакина:

— Пиши официальный запрос в сберкассу.

— Разрешите быть свободным? — спросил участковый Дубков.

— Посиди пока с нами, Владимир Евгеньевич, послушай. Вдруг придется проводить очную ставку с Огнянниковой, — ответил ему Бирюков.

С официальным запросом в сберкассу отправили Славу Голубева. Когда тот вышел из кабинета, подполковник Гладышев сказал:

— Кажется, товарищи, дело начинает шевелиться, а то последние дни такое затишье наступило, как перед бурей. — И посмотрел на Бирюкова. — Допустим, уличишь ты Огнянникову, что она не была в аэропорту, дальше что?..

— Дальше — по ходу дела. Важно Анне Леонидовне доказать, что ложь у нас не проходит. Если это удастся, она вынуждена будет говорить правду, хотя, быть может, правда для нее и неприятной окажется.

— Не напутаешь с ней? Откровенно говоря, я не вижу мотивов подозревать Огнянникову в отравлении Головчанского. Если между ними что-то и было, то давно быльем поросло.

Бирюков вздохнул:

— Я вовсе не утверждаю, что именно Огнянникова отравила Головчанского, но, знаете, Николай Сергеевич, она, по-моему, закрутила клубок сплетен, распутав который можно выйти на преступника.

Следователь Лимакин посмотрел на часы:

— Сегодня вторично вызвал на допрос Евдокию Федоровну Демину, скоро должна подойти в прокуратуру. Чувствую, недоговаривает бабуся, что-то скрывает, но никакими путями не могу вызвать на откровенность.

— Попробуй, Петя, усилить акцент на Огнянникову, — подсказал Антон. — Мне думается, что именно через Демину, которая была нянькой Руслана и домработницей Головчанских, Огнянникова ухитрилась проинформировать Софью Георгиевну о Тумановых. И очень бы важно узнать, когда эту информацию Софья Георгиевна получила, до смерти мужа или после.

— Уже пытался это выяснить. Евдокия Федоровна упорно твердит, что ничегошеньки о Тумановых не знает. Хочу теперь сделать упор на порошок гранозана и унесенный с дачи халат. Это же понятно, что «сработал» кто-то из хорошо знакомых, если... не она сама.

— У самой Евдокии Федоровны вроде бы нет мотивов...

— Но почему она так упорно молчит? Ни о Софье Георгиевне, ни об Огнянниковой — ни слова. Создается впечатление, будто ее или уговорили молчать, или скорее всего запугали...

В кабинет вошла секретарь-машинистка. Подавая подполковнику большой конверт, тихо сказала:

— Срочное. — И вышла.

— Из Николаевки. Похоже, протоколы опознания... — вскрывая конверт, сдержанно проговорил Гладышев. Он вытащил из конверта сложенные пополам стандартные бланки, быстро прочитал сопроводительное письмо, выбрал один из протоколов и показал его присутствующим. — Вот она, «Лапушка», с которой Головчанский в прошлом году отдыхал у родителей Александя...

На фотографии, приклеенной к протоколу и заверенной круглой печатью, улыбалась белокурая Анна Леонидовна Огнянникова.

22. «ЛАПУШКА»

В районной сберкассе посетителей было мало. У окошечка с надписью «Контролер» стояли в очереди несколько человек, да какой-то сгорбленный старичок

любопытно глазел на женщину-кассира, видимо, отсчитывающую ему деньги. Голубев мельком окинул взглядом клиентов и вошел в кабинет заведующего. Пожилой мужчина в застегнутой на все пуговицы косоворотке внимательно прочитал подписанный прокурором запрос. Исподлобья, поверх очков, посмотрел на Голубева и спросил:

— Срочно нужны эти сведения?

— Прямо сейчас, — ответил Слава.

— Присядьте на минутку.

Заведующий вышел из кабинета. Вернулся он сравнительно быстро. Сказал:

— Анна Леонидовна Огнянникова последний раз снимала деньги со своего счета полгода назад, а последний взнос в сумме семьсот рублей сделан ею не так давно, первого сентября.

«На третьи сутки после смерти Головчанского», — мигом подумал Голубев и попросил заведующего:

— Пожалуйста, официальную справочку черкните.

Через несколько минут со справкой в кармане Голубев размахисто зашагал из сберкассы в райотдел. На Садовой улице он внезапно почти лицом к лицу встретился с Огнянниковой. Та, перекинув через руку белый плащ и с дорожным чемоданом в другой руке, торопливо шла в сторону железнодорожного вокзала. Слава замешкался всего на какую-то секунду.

— Анна Леонидовна! — обрадованно воскликнул он. — А я вас разыскиваю!

Огнянникова словно запнулась. Голубев с ходу принялся сочинять:

— Я из уголовного розыска... Начальник мой хочет какую-то мелочь уточнить. Послал меня к вам на квартиру, а я, чужак, в райцентре заблудился, вместо Садовой на Комсомольской улице ваш дом ищу...

— Извините, опаздываю на электричку, — недовольно проговорила Огнянникова.

— В Новосибирск?

— В Прибалтику, отдохнуть.

— Ух, как далеко! Это ж вы не скоро вернетесь. Начальник с меня три шкуры спустит, если не переговорит с вами до отъезда. — Слава глянул на часы. — До отправления электропоезда еще тьма времени! А у начальника всех разговоров на пять минут. Уважьте, не откажитесь зайти в милицию, тут ведь рядом. Я чемоданчик помогу нести...

Огнянникова нерешительно замялась. Она стала доказывать Голубеву, что всего полтора часа назад беседовала с Бирюковым и что никаких вопросов у того к ней не осталось, но Голубев уже перехватил чемодан:

— Не беспокойтесь, Анна Леонидовна! Мы на служебной машине подвезем вас от милиции к вокзалу.

К начальнику райотдела Голубев заявился в тот момент, когда участники оперативно-следственной группы собрались расходиться. Слава быстро прочитал вслух справку сберкассы, передал ее прокурору и доложил о внезапной встрече с Огнянниковой.

— Это похоже на бегство, — резко сказал Гладышев. — Где оставил Анну Леонидовну?

— У дежурного, товарищ подполковник. Предупредил, что вот-вот ее пригласит Бирюков.

Гладышев посмотрел на следователя Лимакина:

— Не лучше ли сюда пригласить?..

— Не надо, Николай Сергеевич, — ответил тот. — Слишком нас много. Пусть Антон Игнатьевич доводит с ней дело до конца. Дайте ему все документы из Николаевки.

— Правильно, — поддержал следователя прокурор и протянул Антону справку сберкассы. — Возьми и это для предъявления доказательств. — И сразу повернулся к Лимакину. — А ты, Петр, как можно скорее начинай допрос Деминой. Если что-то узнаешь новое, немедленно звони Бирюкову. Оперативно обменивайтесь между собою информацией.

Бирюков, укладывая в конверт документы, посмотрел на притихшего инспектора Дубкова:

— Пойдем со мной, Владимир Евгеньевич, начнем вместе разговор с Анной Леонидовной.

Огнянникова вошла в кабинет к Бирюкову в сопровождении Голубева. Слава нес ее чемодан. Увидев участкового, она обрадовалась:

— Здравствуйте, Владимир Евгеньевич!

— Здравствуй, Аня, — невозмутимо ответил Дубков.

Антон предложил Огнянниковой сесть и спросил Голубева:

— Не забыл о парикмахерской?

— Никак нет. — Слава поставил чемодан на пол. — Сей момент бегу подстригаться.

— Результат сразу мне по телефону.

— Бу сделано!

Голубев вышел из кабинета. Бирюков посмотрел на Дубкова, затем перевел взгляд на Огнянникову:

— Насколько понял из обмена приветствиями, вы знаете друг друга?

— Знаем, — сказал Дубков.

— Это наш участковый, — подтвердила Огнянникова.

Бирюков встретился с ней взглядом и спросил:

— Анна Леонидовна, в ночь с пятницы на субботу видели в аэропорту Владимира Евгеньевича?

Огнянникова недоуменно покосилась на Дубкова:

— Не помню что-то...

— Постарайтесь вспомнить.

— По-моему, видела, а может... нет.

— Пожалуйста, поточнее.

— Кажется, видела.

— Как он был одет?

— Ну, это... — Огнянникова, словно ученица, ждущая подсказки, глянула на Дубкова. — Кажется, вот так же, как сегодня, в форме...

Дубков укоризненно качнул головой:

— Не угадала, Аня. Я в штатском костюме был и тебя в ту ночь в аэропортовском вокзале не видел.

На лице Огнянниковой появилось недоумение:

— Ну, как же?.. Вы всегда в форме ходите...

— В форме я в райцентре хожу, а в Новосибирск по-штатски нарядился.

— Владимир Евгеньевич, миленький... — ошеломленно проговорила Огнянникова. — Вы, наверное, не узнали меня из-за того, что волосы перекрасила.

Дубков обиженно насупился:

— Я, Аня, двадцать лет в милиции работаю. Привык даже в личное время внимательность проявлять.

— Спасибо, Владимир Евгеньевич, — поблагодарил участкового Антон. — Можешь быть свободным.

После ухода Дубкова Огнянникову будто подменили. Заложив ногу на ногу, отчего высоко оголилось красивое загоревшее колено, она с прищуром уставилась на Антона:

— Специально подговорили Владимира Евгеньевича, чтобы взял меня на пушку? Подстроили и радуетесь?..

Бирюков выдержал взгляд:

— Запрещенных способов, Анна Леонидовна, не применяем. Конечно, это чистая случайность, что именно в

ночь с пятницы на субботу Дубков оказался в аэропорту Толмачево. Но дальше в нашем разговоре подобных случайностей не будет. Станем говорить только на основе документов. Скажите, почему вы уехали в аэропорт к вечеру, если все рейсы на Ригу отправляются в семь тридцать утра по местному времени?

— Не знала расписания, потому и уехала. В прошлом году были вечерние рейсы, думала, все так и осталось.

— Продажа билетов на Ригу началась под утро, как утверждает Дубков, а вы говорили мне, что с вечера подходили к кассе...

— От бессонницы спутала.

Антон показал справку из сберкассы:

— Вот здесь черным по белому написано, что последний раз вы снимали деньги со своего счета полгода назад. Почему утром сегодня солгали?

— Не думала, что будете проверять, безответственно ляпнула, — довольно быстро ответила Огнянникова и улыбнулась. — У меня дома на всякий случай триста рублей лежало...

— А какие семьсот рублей положили на сберкнижку первого сентября?

— Дачу продала.

— Кому?

— Одному покупателю из Новосибирска.

— Как фамилия его? Адрес?

— Представьте, не спросила.

— Не хотите говорить — не надо. Разыщем этого покупателя, а пока пойдем дальше... Почему сорвалась нынче ваша поездка с Головчанским в Николаевку?

Огнянникова вроде бы растерялась, но тут же, словно упрекая Бирюкова, осуждающе покачала головой:

— У вас завидное упорство... Я уже говорила, что сто лет никаких дел с Головчанским не имею, а вы по-прежнему продолжаете гнуть свою линию.

Бирюков достал письмо Головчанского к Геворку Тиграновичу Александяну и показал его Огнянниковой:

— Прочитайте в конце... «Приеду опять с Лапушкой. Она низко кланяется вам с Сильвией Оганесовной...»

Огнянникова сосредоточенно прочитала написанное:

— Ну и что?.. У Головчанского, знаете, сколько «Лапушек» было.

Антон показал протокол опознания:

— Вот юридический документ, подтверждающий, что

в роли «Лапушки» в прошлом году выступала Анна Леонидовна Огнянникова. Теперь мне понятно, почему вы не соглашались ехать с Хачиком к его родителям в Николаевку. Они сразу вас узнают и спросят сына, кого привез в снохи...

— Не говорите глупостей! Почему именно мою фотокарточку посылали для опознания? — с вызовом спросила Огнянникова. — Не лучше ли было фото Нади Тумановой послать?..

Бирюков поочередно показал протоколы с фотографиями Софьи Георгиевны, Тоси Стрункиной и Нади Тумановой:

— Вот сколько посылали... Но Геворк Тигранович и Сильвия Оганесовна из всех опознали вас...

Лицо Огнянниковой стало таким растерянным, словно Анна Леонидовна только что очнулась от кошмарного сна и никак не могла вернуться из забвения к реальной действительности.

Антон молчал. Пауза стала затягиваться. Наконец Огнянникова усмехнулась:

— Не можете толком расследовать преступление и решили на мне отыграться? Решили меня во всем обвинить?..

— Разве я в чем-то вас обвиняю? — спросил Бирюков.

— Ну а разве нет? Через столько дней после смерти Головчанского какие-то протоколы организовали. Сразу не могли этого сделать?

— Николаевка от Сибири слишком далеко, потому и задержка вышла, — спокойно сказал Антон. — Я, Анна Леонидовна, добиваюсь от вас одного: говорите правду. Неужели еще не можете понять, что изворачиваться бессмысленно?..

Огнянникова снова надолго замолчала. Она сосредоточенно разглядывала наманикюренные ногти, поправляла на груди яркую брошь с разноцветными дорогими камнями и, казалось, вот-вот заплачет. Глядя на ее расстроенное лицо, Бирюков вдруг почувствовал жалость, что такая красивая молодая женщина впуталась в очень некрасивую историю.

— Поймите, Аня, теперь буду проверять каждое ваше слово, — поторопил Антон.

— Ну а если скажу, что я отравила Головчанского?.. — робко заикнулась Анна Леонидовна.

— Тоже стану проверять. Чтобы вынести обвини-

тельное заключение, одного признания мало. Нужны более веские факты и доказательства.

Огнянникова вроде бы повеселела:

— Никого я, конечно, не отравляла. Мне всю жизнь Головчанский отравил...

— Давайте по порядку. С чего началось?

— С проклятой фотографии... Это он меня пьяную сфотографировал, а после шантажировать начал. Сколько могла, я держалась, но потом... — На глазах Огнянниковой навернулись слезы. — Короче, в прошлом году я действительно провела отпуск с Головчанским в Николаевке. И нынче он сбивал туда поехать. Сначала согласилась. При условии, что заедем на недельку в Москву, кое-что из одежды мне купим. Поэтому Головчанский и написал родителям Хачика письмо. Потом я категорически отказалась...

— Почему?

— Хачик со своим сватовством подвернулся, златые горы стал обещать. Не пойду я, конечно, за Хачика, не люблю...

Зазвонил телефон. Бирюков ответил и тотчас услышал в трубке приглушенный голос Славы Голубева:

— Игнатъич, покраска волос состоялась в центральной парикмахерской, возле рынка, первого сентября утром.

— Одну минуту, сейчас уточню... — Антон посмотрел на Огнянникову. — Когда вы перекрасили волосы?

— Утром первого сентября, — опутив взгляд в пол, тихо ответила та. — Дети с букетами цветов в школу бежали...

— Все точно, Слава. Загляни теперь в прокуратуру. Может, у Лимакина будут какие поручения, — сказал Антон и положил трубку.

Огнянникова приподняла глаза:

— Проверяли, правду ли говорю?

— Я предупредил, что стану все ваши показания проверять.

— Можете не утруждаться — лгать больше не буду.

Бирюков пригляделся к красивому даже в расстройстве лицу Огнянниковой и вдруг сказал:

— Аня, по-моему, мы с вами уже раньше встречались по одному из уголовных дел...

Тонкие брови Анны Леонидовны удивленно приподнялись:

— Что-то не помню...

— И я вас сразу не смог вспомнить — тогда вы были блондинкой. Летом прошлого года обворовали магазин в селе Заречном. Одной из улик, уличающих преступников, являлась бутылка французского коньяка «Камю», которую вы незаконно продали со склада. И вот я приходил в райпо, выяснял у вас этот вопрос... Вспомнили?..

Огнянникова смутилась:

— Три бутылки я в тот раз продала: завмагу из Заречного Тоне Русаковой, Галке Тюменцевой — из кулинарного магазина и одну себе...

— А знаете, почему тот случай вспомнился?..

— Почему?

— Вы тогда очень откровенно все рассказали и здорово помогли следствию. Давайте и сейчас так, не скрывайте ничего.

Огнянникова недолго поколебалась:

— Что уж теперь скрывать, если у вас и протоколы, и справки... Записывайте...

...Еще до поездки в Николаевку Головчанский чуть не каждую неделю встречался с Огнянниковой на даче Тумановых. Во время этих встреч Александр Васильевич клятвенно обещал, что, как только его переведут работать в Новосибирск, немедленно разведется с женой и женится на ней, Огнянниковой. Дескать, такая женщина — мечта его жизни. То же самое он говорил и в Николаевке. К горькому разочарованию, со временем Огнянникова поняла, что это всего лишь болтовня и ждать от Головчанского абсолютно нечего. Сделав такой вывод, она тайком вытащила у Александра Васильевича из кармана ключ от тумановской дачи. Хотела его забросить куда-нибудь, но, подумав, оставила на всякий случай у себя — мало ли что впереди может случиться. Встречи прекратились.

Вскоре за Огнянниковой принялся ухаживать Хачик Алексанян. Хотя в общем-то он и не нравился ей, но пятилетняя жизнь в одиночестве заставила Анну Леонидовну призадуматься. Надо было определяться в жизни, не век же одной куковать. Все бы, возможно, и сложилось, однако тревожило Огнянникову предстоящее знакомство с родителями Хачика — они ведь знали ее как «жену» Головчанского. И Огнянникова надумала изменить внешность. Первым делом перекрасила волосы. Это, конечно, наивность, Анна Леонидовна сама понимала, но другого выхода не могла придумать.

— Вы покрасили волосы первого сентября, то есть уже после смерти Головчанского... — уточнил Бирюков.

— Да, но задумала это значительно раньше, — быстро ответила Огнянникова, чуть помолчала и продолжила свое невеселое повествование.

В последнее время Головчанский словно забыл Огнянникову. Она догадывалась, что Александр Васильевич увлекся другой женщиной. Это даже ее обрадовало, но радость была недолгой. В середине августа начались по вечерам телефонные звонки и уговоры «насчет еще одного медового месяца в Николаевке». При этом Головчанский делал упор на деньги, обещал нарядить Анну Леонидовну, как куколку. Огнянникова после долгих размышлений «клюнула на приманку», написала заявление об отпуске и сказала на работе, что поедет отдыхать в Прибалтику. Но потом, еще раз все взвесив, сообразила, что опять вязнет в трясине, из которой можно не вырваться до той поры, пока не подурнеет внешне, а тогда уже о замужестве и мечтать нечего! Головчанский, получив от Огнянниковой внезапный отказ, взбесился и пригрозил: «Смотри, лапушка, горько пожалеешь! Твой любовный альянс с Хачиком я прихлопну одним мигом!» Так закончился последний разговор с Головчанским.

Между тем Хачик Алексанян не давал проходу. И Огнянникова решила: «Была не была!» Чтобы подготовиться заранее к отъезду, стала искать покупателя на недостроенную дачу. Помогла в этом вопросе Евдокия Федоровна Демина. Ее сын, живущий в Новосибирске, согласился купить новенький сруб за семьсот рублей и перевезти его на свой мичуринский участок недалеко от Новосибирска. Купля-продажа состоялась вечером в ту самую пятницу, когда у Головчанского по вине Хачика сорвался отъезд из райцентра и он с вокзала пришел в дачный кооператив. Увидев Александра Васильевича в кооперативе, Огнянникова перепугалась. Ей стукнуло в голову, что Головчанский придумал против нее какие-то козни, и она решила проследить, что он будет делать...

— Проследили? — спросил Бирюков, когда Анна Леонидовна внезапно замолчала.

— Получив от сына Евдокии Федоровны деньги, я осталась в своей даче и все видела, — тихо ответила Огнянникова.

— Что конкретно?

— Как Надя Туманова убирала с грядок лук, потом осталась на даче ночевать. Как Хачик с бригадой ушел от Головчанского и как Головчанский после сидел на крыльце своего дворца со стариком Пятенковым. А когда он проводил старика и шмыгнул в дачу Тумановых, мне стало понятно, что Наденька попала на удочку Александра Васильевича крепче, чем я. Тут и пришла мне в голову дурная мысль — позвонить Софье Георгиевне, чтобы она накрыла мужа в чужой постельке.

— Позвонили?

Огнянникова кивнула:

— А перед тем, как позвонить, ключ от дачи Тумановых на крыльцо ей положила.

— Зачем?

— Чтобы Софья Георгиевна могла внезапно войти в дачу. Если бы она стала стучать в дверь, Головчанский или через окно улизнул бы, или придумал что-нибудь другое. У него в таких делах был богатый опыт. По себе знаю...

— Выходит, это Софья Георгиевна отравила мужа?

Огнянникова резко вскинула голову и испуганно посмотрела на Бирюкова:

— Я не подсказывала, что ей делать. Просто сказала, мол, говорит ваша доброжелательница. Возьмите на своем крыльце ключик и тихонько войдите в дачу Тумановых. Там увидите мужа и еще кое-кого... Больше — ни звука, сразу трубку положила.

— Даже не сказали, с кем там Головчанский?

— Нет. Если бы я упомянула Надю Туманову, Софья Георгиевна не поверила бы и никуда бы не пошла среди ночи.

— Значит, она все-таки пошла?..

— Да. Я проследила за ней до самого кооператива. Домой за полночь вернулась, когда дождь проливной хлынул.

Все логично, все обстоятельно выглядело в показаниях Анны Леонидовны. Теперь даже можно было объяснить появление мокрых следов на лестничной площадке перед квартирой Огнянниковой, которые видел Хачик Алексанян, возвращавшийся от Тоси Стрункиной и хотевший обсушиться у будущей жены. Не хватало самой «малости» — доказательств, подтверждающих, что

дело происходило именно таким образом, как рассказала Анна Леонидовна.

— Зачем же вы придумали поездку в Прибалтику, потерянный кошелек, ночь в аэропорту? — спросил Бирюков.

— Со страху огород нагородила, — глядя в пол, ответила Огнянникова. — В воскресенье тетя Дуся Демина рассказала мне, что видела, как мертвого Головчанского от Тумановых увозили. У меня внутри похолодело. Вот, думаю, заварила кашу...

— Откуда Софья Георгиевна узнала подробности о семейных перипетиях Тумановых?

— Это я после по телефону ей рассказала. Мне до сих пор не верится, что именно Софья Георгиевна отравила мужа. Она ведь жила за Головчанским как королева. Чтобы такого мужа потерять, надо быть круглой дурой, а Софья Георгиевна — не дура. По-моему, тут Надя Туманова руку приложила...

— Почему Надя?

— Потому что по себе знаю, насколько Головчанский прилипчив был и как трудно было от его ухаживаний избавиться.

— А такое чувство, как ревность, вам незнакомо?

— Не знаю... — Огнянникова потупилась. — Я никого по-настоящему не любила. За Олега выскочила, чтобы в девушках не засидеться, а после... трепачи всякие ко мне липли. Откуда тут ревности появиться...

— Давайте, Аня, кое-что уточним... — Бирюков щелкнул шариковой авторучкой. — Первое. С Деминой беседовал наш инспектор, следователь ее допрашивал, однако Евдокия Федоровна ни словом не обмолвилась о том, что сын купил у вас дачу...

— Это я попросила тетю Дусю молчать, пока не уеду из райцентра, — быстро проговорила Огнянникова. — Боялась, Головчанский что-нибудь подлое сделает. Он помогал мне доставать материалы для дачи и, если б узнал, что я семьсот рублей за его услуги выручила, наверно, со зла поджег бы не только мою дачу, но и весь кооператив.

— Второе, — опять заговорил Антон. — Почему лишь после смерти Головчанского решились с Хачиком подать заявление в загс?

Огнянникова вспыхнула, словно вопрос оказался для нее крайне неприятным:

— Заберу я это заявление назад... А почему реши-

лась... Хачик уговорил. На днях спросила его: «Как твои родители отнесутся ко мне, если узнают, что ты женился на чужой жене?» Он глазом не моргнул: «Была чужая — стала своя. У нас, понимаешь, только на девушках жениться можно, да?» После такого великодушного жеста со стороны Хачика и решилась я пойти в загс.

— И последнее. Действительно собрались сегодня в Прибалтику ехать?

— Какая там Прибалтика... — Огнянникова прикусила ровными белыми зубками нижнюю губу и отвернулась. — Хотела у подружки в Новосибирске до конца отпуска отсидеться. Я раньше часто по выходным дням у нее от Головчанского скрывалась.

Бирюков помолчал:

— Придется, Аня, из райцентра пока никуда не уезжать. Вы можете в любой момент понадобится следствию.

— Я рассказала все, что знаю.

— За это спасибо, но могут быть уточнения, очные ставки и тому подобное...

— А сейчас что мне делать? — робко спросила Огнянникова.

— Сейчас переговорю со следователем. Если у него не будет к вам срочных вопросов, можете идти домой. Когда понадобится — вызовем.

Бирюков снял телефонную трубку и набрал номер Лимакина. Тот ответил так быстро, как будто с нетерпением ждал звонка:

— Что у тебя, Игнатьевич?

— Есть новости, — неопределенно ответил Антон.

Следователь вздохнул:

— У меня, наверное, их больше. Демина наконец-то откровенно заговорила. Словом, приходи, посоветоваться надо.

— Анна Леонидовна тебя не интересуется?

— Интересует, но... пока предупреди, чтобы никуда не уезжала.

— Уже предупредил.

— Тогда приходи, жду.

Бирюков, положив трубку, сказал:

— Вот так, Аня. Пока можете быть свободны.

— Спасибо, — чуть слышно поблагодарила Огнянникова.

Следователь Лимакин допрашивал Демину в присутствии прокурора. Евдокия Федоровна, вторично предупрежденная об ответственности за ложные показания, на этот раз, видимо, решила не искушать судьбу. Без дополнительных вопросов она рассказала, как в пятницу вечером ее сын купил за семьсот рублей у Огнянниковой дачный сруб, как после этого они втроем недолго поговорили о жизненных пустяках, а потом Евдокия Федоровна и сын пошли из кооператива домой, в райцентр, а Огнянникова Аня зачем-то осталась на своей дачке.

Где-то перед полночью к Деминой постучалась Софья Георгиевна Головчанская, одетая совсем легко, в темной юбке и белой кофточке с короткими рукавчиками. Она передала Евдокии Федоровне ключ от своего дома и попросила Демину пойти туда, покараулить, чтобы спящий Руслан — если проснется — не испугался. Была при этом Софья Георгиевна будто бы не в себе: очень взволнованная. На вопрос Деминой — что, Сонечка, случилось? — только рукой махнула. Евдокия Федоровна пришла в особняк к Головчанским, заглянула в детскую — мальчик спокойно спал. Не включая электричества, она прикорнула на диване.

Софья Георгиевна заявила уже под утро, мокрешенькая насквозь, и попросила Евдокию Федоровну никому не говорить о ее ночной «прогулке». Выпытывать Демину ничего не стала, хотела тут же отправиться домой, но на улице лил такой сильный ливень, что пришлось остаться у Головчанских до рассвета. Утречком Евдокия Федоровна слегка позавтракала с Софьей Георгиевной, которая молчала словно онемевшая, заглянула на часик домой и отправилась в кооператив. Вскоре после того, как она туда пришла, подкатила милиция с прокуратурой. Когда же Демина увидела, как из дачи Тумановых вынесли мертвого Александра Васильевича, она сразу подумала, что беду эту сотворила ночью Софья Георгиевна, но никому о своей страшной думке не сказала ни словечка.

— Видишь, насколько круто повернулись обстоятельства? — закончив пересказ показаний Деминой, сказал Бирюкову следователь.

Антон побарабанил пальцами по столу:

— Похоже, подбираемся к конечному результату.

— Что «Лапушка» говорит?

Бирюков пересказал содержание разговора с Огнянниковой. Лимакин недоверчиво усмехнулся:

— Не сочиняет?

— Возможно, по инерции где-то и приукрашивает свое поведение, но главное, Петя, мне, кажется, удалось доказать Анне Леонидовне бесперспективность лжи.

— Вообще-то теперь понятен импульс, толкнувший Софью Георгиевну на преступление. Не позвони ей Огнянникова и не подбрось ключ на крыльцо... Слава Голубев сейчас в больнице, с минуты на минуту доставит Головчанскую сюда.

— Психиатрическую экспертизу провел?

Следователь утвердительно кивнул:

— Врачи дали заключение, что Софья Георгиевна здорова и никогда не страдала психическими заболеваниями.

— Демина где?

— В соседнем кабинете. Думаю, очная ставка требуется.

— В этом можно не сомневаться.

За дверью послышались шаги. Легко на помине, Голубев заглянул в кабинет и доложил:

— Прибыли...

Тотчас в дверях показалась Софья Георгиевна. В ярком, огненного цвета платье, она, казалось, полыхала гневом. Не поздоровавшись и словно не заметив сидящего за столом следователя, Головчанская резко обратилась к Бирюкову:

— Когда прекратятся издевательства надо мной?

— Здесь, Софья Георгиевна, вопросы задает следователь, — ответил Антон и показал на стул около следовательского стола. — Садитесь, пожалуйста.

Головчанская послушно села. Руки ее затряслись мелкой дрожью, а лицо покрылось нервными пятнами, как будто она с великим трудом сдерживала негодование. Сорвавшимся голосом сказала:

— Позовите прокурора.

Бирюков взглядом показал на Лимакина:

— Это следователь, здесь он командует.

— Мне необходимо видеть прокурора, сейчас же, — по-прежнему глядя Бирюкову в глаза, почти по слогам проговорила Головчанская.

Лимакин посмотрел на молчаливо застывшего у двери Голубева и коротко бросил:

— Пригласи Семена Трофимовича.

Минуты через две в кабинет грузно вошел районный прокурор Белоносков, и Антон заметил, как лицо Софьи Георгиевны мгновенно изменилось. Чуть не со слезами она торопливо заговорила:

— Семен Трофимович, вы меня знаете. Неужели я преступница? Что происходит? Почему творится беззаконие? Почему...

— Здравствуйте, Софья Георгиевна, — ровным, несколько даже флегматичным голосом перебил прокурор. — В чем, по-вашему, это «беззаконие» выражается?

— Здравствуйте... — осеклась Головчанская. — То есть как в чем?.. На каком основании меня из больницы как преступницу под конвоем инспектора уголовного розыска привели сюда?..

Прокурор передвинул у стола стул и сел рядом со следователем.

— Инспектор уголовного розыска не конвоир, — сказал он. — А пригласили вас сюда потому, что сейчас вам будет предъявлено очень серьезное обвинение...

Бледные губы Головчанской желчно скривились:

— Вы отдаете отчет своим словам?

— Да, я полностью в курсе дела. Скажите, Софья Георгиевна, куда и с какой целью вы отлучались из дому в ночь, когда скончался ваш муж?

— Никуда не отлучалась.

— Кто это может подтвердить?

— Домработница Евдокия Федоровна Демина. Она в ту ночь ночевала у меня.

Прокурор глянул на Голубева:

— Пригласи Демину.

Евдокия Федоровна явилась в кабинет с таким видом, словно шла на смертную казнь. Проведя необходимые при очной ставке формальности, прокурор спросил ее:

— Вы можете в присутствии Софьи Георгиевны повторить то, что рассказывали нам со следователем на допросе?

— Отчего же правду не повторить, — потупясь, ответила Демина. Едва только она начала сбивчивый рассказ, Головчанская побледнела как мел и громко крикнула:

— Ложь! Ложь!!!

Прокурор строго повернулся к ней:

— Спокойно. Вы свое скажете после.

— Это она отравила Сашу! Это у нее гранозан хранился! — опять закричала Головчанская.

Демина растеряннo прижала к груди скрещенные руки:

— Голубушка, опомнись. Какой резон мне на старосте лет грех на душу брать?

— Софья Георгиевна, вы сами себе противоречите, — укоризненно проговорил прокурор. — Каким образом Евдокия Федоровна могла отравить Александра Васильевича, если ночевала у вас?

— Утром она ко мне пришла! Промокшая...

Демина всплеснула руками:

— Голубушка, зачем с больной головы на здоровую валишь?! Русланчик ведь может следователям сказать, что на мне ни единой ниточки мокрой не было, когда мы утром втроем завтракали. Да и ночью дитенок просыпался, на горшочек вставал. Спрашивал: «Где мама?» Я успокоила: «Спи, милоч, спокойно. Мама ушла провожать папу, скоро придет». Выходит, пророческими мои слова оказались. Проводила ты, Сонечка, Александра Васильевича навсегда...

Прокурор болезненно провел ладонью по лицу. Посмотрев в растерянные глаза Софьи Георгиевны, тихо спросил:

— Неужели ребенка придется впутывать?..

Головчанская будто лишилась рассудка. Сгорбившись, она вдруг прижала ко лбу сжатые до побеления кулачки, зажмурилась и шепотом выдохнула:

— Ради бога... не надо...

— Будете говорить правду?

— Буду... Я никого не хотела отравлять...

Прокурор поднялся. Сказал Голубеву и Деминой:

— Идемте, товарищи. Здесь теперь и без нас разберутся с Софьей Георгиевной.

Допрос Головчанской продолжался больше трех часов. Тихим, бесцветным голосом, часто путаясь и повторяясь, она подтвердила показания Огнянниковой о телефонном звонке и подброшенном на крыльцо ключе. Потом призналась, как подслушала под дверью дачи Тумановых смутный разговор мужа с какой-то женщиной. По голосу эту женщину так и не узнала, потому что та почти не говорила. После голос мужа удалился из кухни в комнату. Софья Георгиевна сунулась к окну,

но, сообразив, что ее белую кофточку видно в темноте, мгновенно вспомнила: на даче у Деминой постоянно висит черный рабочий халат. Тотчас на память пришла совсем недавняя благодарность Евдокии Федоровны за гранозан, «чуток» которого Демина оставила на полке для будущей весны.

— В этот момент и возник у вас замысел преступления? — спросил Головчанскую следователь Лимакин.

— Не знаю, — тихо ответила Софья Георгиевна. — Я не отдавала отчета своим поступкам. Что-то ужасное, как... черное пламя помutilo рассудок... Помню, хотела войти к Тумановым и швырнуть гранозан в глаза Сашиной любовнице, чтобы она ослепла...

— Но прежде, чем открыть дверь дачи, вы долго стояли на крыльце под карнизом, — сказал следователь.

— Вначале хотела уловить смысл разговора. Потом ждала, чтобы Саша заснул, иначе он скрутил бы мне руки.

— А разувались зачем?

— Чтобы неслышно войти.

— Вошли. Дальше что?

Головчанская вытерла смятым в комочек носовым платком красные от слез глаза:

— На кухонном столе заметила бутылку... По ее форме поняла — коньячная... Я знала, что гранозан хорошо растворяется в спирте, но не предполагала, что доза окажется смертельной...

— Пробку на бутылке завернули, когда высыпали туда порошок? — уточняя достоверность показаний Головчанской, снова спросил Лимакин.

— Кажется, нет... В тот момент мне не до пробки стало... Я уверена была, что Сашина любовница, опохмелившись утром, или ослепнет, или до конца жизни станет инвалидкой...

— Почему любовница, а не ваш муж?

— Потому, что Саша никогда не опохмелялся, тем более утром. У него был железный закон — не опохмеляться. На этот раз, кажется, случилось что-то невероятное.

— Да, невероятное... — многозначительно сказал Лимакин и задал очередной вопрос: — От кого вы узнали о Наде Тумановой?

— Это уже на третий день после смерти Саши мне

рассказала по телефону Огнянникова, и тут, по-моему, я стала сходить с ума...

Записав в протоколе еще около десятка уточняющих вопросов и ответов, Лимакин передал протокольные листы Головчанской. Софья Георгиевна подписала их, почти не читая. Следователь внимательно просмотрел каждую страницу, словно хотел убедиться, не вкралась ли какая ошибка, свернул листы трубочкой и хмуро пошел к прокурору, как понял Бирюков, за санкцией на арест.

В кабинете наступила гнетущая тишина, нарушаемая частыми всхлипами Софьи Георгиевны. Лимакин не возвращался долго. Видимо, прокурор, прежде чем дать санкцию, тщательно изучал протокол допроса.

— Меня арестуют? — не вытерпев длительного молчания, спросила Софья Георгиевна.

— Вероятно, — ответил Антон.

Головчанская умоляюще посмотрела на него покрасневшими от слез глазами:

— Помогите спасти Руслана. Можно что-либо сделать, чтобы мальчик не узнал этой грязи?

— Кто за ним сейчас присматривает?

— Моя сестра.

Бирюков задумался:

— Где она живет?

— В Томске. У нее прекрасный муж, порядочная семья...

— Постараюсь сегодня же уговорить ее как можно скорее забрать Руслана в Томск.

— Буду очень благодарна... — Софья Георгиевна скомканным платком вытерла глаза. — Скажите откровенно, что мне грозит?

— Лишение свободы от трех до десяти лет.

— Ужас... А точнее?..

— Точнее решит суд.

Как и предполагал Бирюков, Лимакин вернулся от прокурора с санкционированным постановлением на арест. Чтобы не вести Головчанскую по райцентру до изолятора, ее отправили в прокурорской машине.

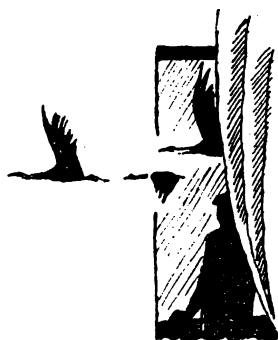
За приоткрытым окном кабинета догорал полыхающий разноцветьем осенних красок светлый сентябрьский день. Задиристо восторгались жизнью еще не ведающие сибирских морозов воробьи-первогодки. Не умолкая гомонили перед отлетом стаи скворцов. Неожиданно сквозь птичий гомон послышалось отдаленное курлы-

канье. Антон Бирюков подошел к окну — в безоблачном синем небе медленно плыл журавлиный клин.

Лимакин постоял рядом с Бирюковым и прошел к столу. Перебирая протокольные листы, вздохнул:

— Страшно подумать, сколько неустранимых последствий накрутилось вокруг одного непорядочного человека...

Бирюков, глядя на улетающих журавлей, промолчал.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕСТОКОЕ СЧАСТЬЕ

1. Запонки «SEA LORD»	4
2. В цирке по канату ходят...	9
3. Потерянная туфля	12
4. «Дикая кошка»	18
5. Свинцовая дробина	25
6. По горячим следам	30
7. Друзья по несчастью	39
8. Племянник тети Маруси	47
9. Железная интуиция	53
10. Люди гибнут за металл	61
11. Бежать бесполезно	67
12. Первая разгадка	72
13. Женитьба Вадима Фарфорова	77
14. Банальная история	84
15. Без выстрела	91
16. Большие дети — большое горе	102
17. Сплошные парадоксы	109
18. «Мастер» и «Маргарита»	122
19. Одного поля ягоды	133

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУСТРАНИМЫ

1. ЧП в кооперативе «Иня»	148
2. Обморок Нади Тумановой	156
3. Редкий случай	160
4. Крутой разговор	165
5. Хачик Алексанян нервничает	172
6. Загадочная телеграмма	181
7. «Заявление» Ивана Стрункина	187
8. Разные версии	195
9. Провокация	199
10. Намечается посредник	207
11. Опять гранозан	212
12. Час от часу не легче	216
13. Стрункин вносит пояснение	225

14. За чашкой чая	231
15. В далекой Николаевке	238
16. На мертвой точке	243
17. «Явка с повинной»	250
18. Из крайности в крайность	255
19. Женщина в черном	260
20. Каждому — свое...	268
21. Затишье перед бурей	275
22. «Лапушка»	281
23. «Черное пламя»	293

Черненко М. Я.

Ч-49 Последствия неустрашимы: Повести. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 302 с., ил. — (Стрела).

В пер.: 1 р. 20 к. 100 000 экз.

Остросюжетные повести «Жестокое счастье» и «Последствия неустрашимы» посвящены работе сотрудников уголовного розыска. В повестях исследуются причины преступности среди молодежи. Основная мысль произведений: любое преступление всегда безнравственно, преступление — это трагедия не только для потерпевшего, но и для преступника, так как в нашем социалистическом обществе наказание за содеянное неизбежно.

**Ч 4702010200—054
078(02)—84 177—84**

**ББК 84Р7
Р2**

ИБ № 3808

**Михаил Яковлевич Черненко
ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУСТРАШИМЫ**

**Редактор Н. Пригулина
Рецензент Б. Михайлов
Художник А. Семенов
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Р. Сиголаева
Корректоры Н. Самойлова, Т. Пескова**

**Сдано в набор 05.09.83. Подписано в печать 07.02.84. А00603.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литератур-
ная». Печать высокая. Условн. печ. л. 15,96. Условн. кр.-отт. 16,38.
Учетно-изд. л. 17,1. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 20 к. Заказ 1353.**

**Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Адрес издательства и типографии:
103030, Москва, К-30, Сушневская, 21.**

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ПО СЕРИИ «СТРЕЛА» ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

1980 год

**М. Черненко. СТАВКА НА ПРОИГРЫШ
В. Пронин. ОШИБКА В ОБЪЕКТЕ**

1981 год

**В. Чванов. КРАЖА
О. Шмелев, В. Востоков. ВОЗВРАЩЕНИЕ РЕЗИДЕНТА
Н. Паниев. НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ
Л. Словин. ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО СЛЕДУЮЩЕГО
Е. Астахов. НАШ СТАРЫЙ, ДОБРЫЙ ДВОР
И. Дорба. БЕЛЫЕ ТЕНИ**

1982 год

**Ю. Перов. КОСВЕННЫЕ УЛИКИ
А. Безуглов. ХИЩНИКИ
Л. Корнешов. ЗОНА РИСКА
И. Коваленко. ЖАРА В АНОМО
Н. Гомолко. ЛЕСНАЯ КРЕПОСТЬ
И. Гуро. НЕВИДИМЫЙ ВСАДНИК
Г. Караев. НА ПЕРЕКРЕСТКАХ СТОЛЕТИЙ**

1983 год

**С. Высоцкий. СРЕДА ОБИТАНИЯ
Р. Эсенов. ТЕНИ «ЖЕЛТОГО ДОМИНИОНА»
А. Поляков. БЕЗ ПРАВА ВЫБОРА
Сборник. У НЕЗРИМОЙ ГРАНИЦЫ
А. Горбовский, Ю. Семенов. БЕЗ ЕДИНОГО ВЫСТРЕЛА
Н. Миклухо-Маклай. ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ
Д. Горюнов. ВОЗВРАЩЕНИЕ В АФРИКУ
С. Сахарнов. БУХТА КОМАНДОРА
Л. Млечин. ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА»**

Михаил Черненко родился в 1931 году в селе Высокая Грива Тогучинского района Новосибирской области. В 1969 году стал журналистом. Работал литературным сотрудником районной газеты «Ленинское знамя», затем редактором отдела прозы журнала «Сибирские огни». Член Союза писателей СССР. Лауреат Всесоюзного литературного конкурса МВД СССР и Союза писателей СССР.

Награжден знаками «Отличник милиции» и «За культурное шефство над органами внутренних дел».

Книги М. Черненка «Следствием установлено», «Кухтеринские бриллианты», «При загадочных обстоятельствах», «Поручается уголовному розыску» издавались как в нашей стране, так и за рубежом.

Вышедшая в 1980 году в издательстве «Молодая гвардия» книга «Ставка на проигрыш» переведена на венгерский, чешский, болгарский, немецкий и английский языки.